А. РИШ

# ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ „СПІЛКИ“



ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1926

[9 : 323. 2(47) „1905"]

Напечатано во второй типографии
Издательства „П р о л е т а р и й"
Харьков, ул. К. Либкнехта, 38.
Укрглавлит № 15192. Зак. № 210.
Тир. 2000.

## Крестьянское движение 1905 г. и возникновение Спилки.

Вопрос о своеобразии условий, которые послужили прологом, а затем содействовали организации и развитию КП(б)У на Украине, скорее ставился, чем разрешался нами на основании изучения документов и фактов из истории украинского революционного движения последних 25 лет. Такое своеобразие мы имеем в двух основных областях: 1) в экономической обстановке украинского села и в темпе развития массового крестьянского движения на Украине; 2) в развитии социалистической идеологии и социалистических партий на Украине. По сложившимся у нас взглядам, крестьянство в России, не считая некоторых окраин (Прибалтийский край, Кавказ), начало втягиваться в революционную борьбу только к 1905—1907 г. г. т. е. в период, когда рабочее движение, после грандиозного подъема 1905 года, стало постепенно идти на убыль. Иной темп развития массового крестьянского движения мы имеем на Украине. Достаточно вспомнить хотя бы о крестьянских волнениях 1902 г. в Полтавской и Харьковской губ., о движении, которое по справедливости считается одной из вех в революционной борьбе с царизмом.

К весне и лету 1905 года, т. е. еще до октябрьских выступлений пролетариата, в ряде губерний — Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской—мы имеем широко развернувшееся крестьянское движение, вернее первые прибои крестьянской революции на Украине.

Сохранившиеся архивы жандармских управлений и царской прокуратуры дают возможность восстановить картину этого движения с достаточной полнотой. Вот как рисует прокурор киевского окружного суда в донесении прокурору киевской судебной палаты крестьянское движение, возникшее в Киевской губ. в период весенних полевых работ.

„Крестьянские беспорядки, — сообщает он, — возникшие в начале мая сего года в нескольких уездах Киевской губ.,

не только не прекращены в настоящее время, но все увеличиваются и охватили Киевский, Васильковский, Сквирский, Черкасский, Каневский и Бердичевский уезды, причем в некоторых из них надо считать десятками число мест, где происходят подобные беспорядки. Во всех случаях они вызваны забастовками крестьян, отказывающихся работать в помещичьих экономиях за предложенную им по примеру прошлых лет плату. Во многих местах требования крестьян не выходят за пределы благоразумия и могут быть удовлетворены экономиями при условии, конечно, понижения получаемого последними дохода; но часто, а в особенности в течение последних дней, крестьяне, повышая постепенно свои требования, хотят уже вознаграждения в размере одного рубля для мужчин и 75 коп. для женщин, сознавая, очевидно, что их труд,—в особенности, на свеклосахарных плантациях,—в эти дни прямо необходим, т. к. без перекопки погибнет вся свекла".

В том же донесении, являющемся сводкой отдельных сообщений, поступавших с мест, дается картина борьбы с забастовщиками-крестьянами. В борьбе со „своими" крестьянами арендаторы и помещики прибегали к привозу рабочих из дальних деревень или к труду пришлых рабочих. Обычно, одного появления забастовщиков было достаточно, чтобы снять с работы пришлых рабочих.

„Робкие попытки чинов сельской полиции,—говорится в донесении,—а равно стражников и урядников охранить рабочих от насилий и разогнать толпу ни к чему не привели и лишь раздражали забастовщиков, которые в некоторых случаях не разбегались даже при появлении небольших кавалерийских частей, вступая с ними в стычки, при чем дело доходило до употребления холодного оружия со стороны солдат".

Полиция и прокуратура выступали, конечно, не в качестве летописцев, добросовестно, добру и злу внимая равнодушно, описывавших крестьянские волнения, в их распоряжении было достаточно воинских сил для того, чтобы оказать психическое и физическое воздействие на крестьян. Уже по одному только количеству воинских частей, вызванных для усмирения села, можно судить о размерах движения.

„Все наличные силы уездной полиции, несколько эскадронов трех драгунских полков и казачья сотня вместе с несколькими

батальонами пехоты действуют для подавления беспорядков и пресечения самоуправства крестьян“, — сообщает донесение. Сюда надо прибавить воинские отряды, действовавшие в смежных губерниях и перебрасывавшиеся по требованию помещиков и местных властей в районы, где вспыхивали беспорядки. Село было превращено, таким образом, в вооруженный лагерь, где власть была предоставлена усмирителям; для охраны помещичьего добра были пущены в ход все средства, начиная с избиений и кончая реквизициями, накладываемыми на села. Тем не менее, движение росло и, по признанию самих усмирителей, от первоначальной формы — борьбы за заработную плату — перешло к формам „более агрессивным“. Крестьяне, по данным тех же донесений, не скрывали, что они задались целью выжить помещиков или, в крайнем случае, заставить их отдать экономические земли в аренду.

При всех своих попытках арестовать „зачинщиков“ и полиция и воинские части наталкивались не только на пассивное, но и на активное сопротивление крестьян, при чем столкновения с воинскими частями не всегда оказывались неудачными для крестьян. Маленькие провинциальные тюрьмы были набиты аграрниками до отказа, и тот же 1905 год был свидетелем штурма некоторых провинциальных тюрем крестьянами окрестных сел.

Крестьянская стихия вышла из берегов не в одной только Киевской губернии. Такую же картину мы имеем в ряде уездов Волынской, Подольской, Черниговской и Полтавской губерний. Характеристику крестьянского движения 1905 г. в Киевской и смежных губерниях мы встречаем и в донесениях начальника киевской охранки Кулябко. „Деятельность украинской партии (Кулябко сваливает в одну кучу все революционные организации, имея в виду Спилку),— писал он,— проявлялась, главным образом, в пределах Киевской и смежных с ней уездов Полтавской, Черниговской и Волынской губ., причем члены партии пользовались, главным образом, ярмарками, полевыми работами и другими случаями, где по тому или иному поводу собирались крестьяне. Результатом такой работы партии были забастовки на свекловичных плантациях, принявшие небывалые в Российской империи размеры. Забастовки начались в Сквирском уезде и, благодаря хорошо

подготовленной украинской партией почве, быстро распространились по всей Киевской губ., за исключением Радомысльского уезда, затем по Подольской и Волынской губ. Кроме того, забастовки перешли в соседнюю Херсонскую губ. Число забастовщиков в точности не определено, но, по подсчету революционеров, лишь в начале число таковых превышало 150.000 человек. В начале покосов в большинстве местностей, объятых забастовкой, комитетом было распространено несколько тысяч прокламаций между рабочими. Во время покосов забастовка снова началась в нескольких уездах Киевской губ. Точно также были попытки к устройству забастовок в некоторых местах и при уборке хлеба и бураков. Кроме того, бывшие осенью 1905 г. аграрные волнения являлись, главным образом, результатом революционной пропаганды членов украинской партии".

Под каким лозунгом выступало крестьянство на Украине весной и летом 1905 года? Лозунги борьбы дал, конечно, город,— вернее, городской пролетариат. Формой экономической и политической борьбы городского пролетариата была забастовка. О ней узнавал крестьянин и из газет и на базаре, в городе, куда он привозил свои продукты. Забастовка была для крестьянина наиболее доступной и понятной формой борьбы с помещиком. Характер экономической зависимости крестьянина от помещика, арендатора и сахарозаводчика облегчал проведение забастовочной борьбы на украинском селе.

Если украинский город отставал в промышленном развитии от ряда промышленных областей России, то украинское село в этом отношении ко времени первой революции обогнало в своем развитии русское село. На Украине к 1905 году мы имеем не только многочисленное батрачество, но и сельский пролетариат. По данным, приводимым органом украинских соц.-дем. „Слово", одна только Полтавская губерния посылала на сельско-хозяйственные работы в другие губернии до 60.000 сельско-хозяйственных рабочих. На сахарных заводах в 1905/906 г., по данным министерства финансов, насчитывалось свыше 80 000 рабочих, из них большинство на Правобережьи. Количество батраков, полубатраков и рабочих на экономиях, сахарных, винокуренных и других заводах достигало многих сотен тысяч человек. Здесь надо принять во внимание

малоземелье и своеобразные арендные отношения в таких губерниях, как Волынская, Подольская и отчасти Киевская (крестьяне чиншевики), что ставило крестьян в самую тяжелую зависимость от земельных магнатов и арендаторов.

Об экономической зависимости крестьянства от помещиков и о росте батрацких и пролетарских элементов на селе говорит также падение заработной платы батрака до самых ничтожных размеров. В Подольской губ. в 1905 г. зарегистрированы случаи, когда заработная плата спускалась до 5—10 к. в день взрослому рабочему. 20—25 копеек в день на своих харчах было обычной поденной платой сельско-хозяйственного рабочего во многих экономиях Киевщины.

Борьба за уровень заработной платы и за сокращение рабочего дня привлекла не одних только батраков и сельско-хозяйственных рабочих, но в значительной мере середняцкое и более зажиточное крестьянство, обслуживавшее экономии и экономически зависевшее от них. Чрезвычайно характерным в этой борьбе является то, что самые размеры заработной платы, которую требовали крестьяне во время весенних забастовок 1905 года, были одинаковы не только в отдельных районах и уездах, но и в ряде смежных губерний Правобережья. Рубль поденному рабочему и 75 коп. поденщице, третий сноп от урожая, вместо седьмого, — вот требования, которыя предъявляли крестьяне в таких, казалось бы, отдаленных друг от друга районах, как северные уезды Киевской губ. и Винницкий уезд Подольской губ. Эти требования носили явно демонстративный характер, и совершенно правы были авторы полицейских донесений, когда в этих требованиях они видели их доподлинную сущность — не только борьбу крестьян с помещиками из-за заработной платы, но и стремление взять измором помещика, заставить его отдать крестьянам экономические земли.

Характерной чертой в борьбе против помещиков в 1905 г. является также то, что село выступает против помещика единым фронтом. Надежда на экспроприацию помещичьей земли в одинаковой степени подчиняет себе и бедняка и зажиточного крестьянина. Глубокого расслоения крестьян в этой борьбе пока нет, поскольку вопрос о кулаке затемнен и отодвинут на задний план другим насущнейшим вопросом — общей борьбой с помещиком. В самих выступлениях во время

забастовок это выражается в сплоченности села, в действиях скопом, всем селом. Выступления эти говорят также о том, что село многому научилось от города. Забастовками в большинстве случаев руководят выборные комитеты; часто организуются стачечные кассы; переговоры с помещиками, их управляющими и полицией ведут, обычно, уполномоченные. Зарегистрированы и такие случаи, когда вопрос о забастовке, о предъявляемых требованиях и мерах борьбы с неподчинившимися решался на селе всем сходом, с соблюдением обычных формальностей, требовавшихся при вынесении приговора.

Наличие массового крестьянского движения само по себе было достаточной предпосылкой для образования политической организации, которая явилась бы его выразительницей. В свою очередь, самый характер крестьянского движения, не дифференцированного еще по классовому составу деревни (борьба с помещиком и урядником), в котором роль застрельщика, естественно, должна была играть беднота, батрацкие и пролетарские элементы, предопределяли в этот период вопрос о том, кому готово отдать крестьянство свои симпатии, какую именно из существующих партий оно готово поддержать. В соответствии с первыми ступенями революционной выучки, которую проходило украинское крестьянство, оно только постепенно начинает связывать в единую цепь своего пана и урядника с царем и самодержавным строем, в связи с той ролью, которую играл экономический и полицейский гнет, оставляя временно в тени все прочие формы угнетения, в частности, национальное; все данные были за то, что крестьянство скорее остановится за одной из существующих российских революционных партий, не отдавая своих симпатий отдельным группам и кружкам политически самоопределявшейся в то время украинской националистической интеллигенции. Численность батрацких и пролетарских элементов на селе, их большая политическая активность и навыки борьбы, заимствованные у городского рабочего, говорили за то, что такой революционной партией может стать социал-демократия. И в самом деле, за сравнительно короткий промежуток времени Спилка (украинский союз РСДРП), не имеющая никакой отличной от российской социал-демократии национальной программы и являющаяся фактически частью

РСДРП, получает по сравнению со всеми другими партиями преобладающее влияние на украинское село.

Можно с полной категоричностью утверждать, что вопрос о вхождении УСДРП в партию в 1906—1907 годах был снят не потому, что украинские соц.-дем. прочно держались за свои особые национальные требования: политическую автономию Украины и федеративное устройство Российской социал-демократической партии. Решающееe влияние имело то, что в эти годы УСДРП, как организация, как политическая величина, пользовалась весьма малым политическим весом и кредитом.

Если ход развития еврейского рабочего движения привел к тому, что Бунд, до начала 1905 г. выступавший, как единственный представитель еврейского пролетариата, к подъему революции теряет свое исключительное значение и политически обезличивается, то на Украине мы наблюдаем обратное явление. Социал-демократическая организация Спилка постепенно, начиная с 1905 года, втягивает в сферу своего влияния все новые районы.

Без особой национальной программы, не имея никаких особых уставных прав, она тем не менее превращается на деле в политическую организацию, которая не только технически (литература, рассылка агитаторов), но и политически (руководство крестьянским движением, избирательными кампаниями в Государственную Думу) объединяет и обслуживает свою область.

Именно эта сторона деятельности Спилки, как политической организации, порвавшей с мелко-буржуазными националистическими интеллигентскими группами, нашедшей дорогу в украинское село и постепенно выраставшей в организацию, объединяющую украинский городской пролетариат и сельские пролетарские и полупролетарские массы, позволяет видеть в ней, несмотря на ее меньшевизм и болотистость, одну из предшественниц КП(б)У. Реакция оборвала дальнейшее развитие Спилки во всеукраинскую социал-демократическую организацию, но политическое наследство, оставленное ею, — довольно многочисленная периферия городских и крестьянских работников, навыки и традиции борьбы на украинском селе, — наложило, несомненно, свою печать на украинское революционное движение.

Наряду со своеобразными чертами, характеризующими крестьянское движение на Украине в период первой революции, мы имеем также ряд моментов, оказавших свое влияние на развитие социалистической идеологии и социалистических партий на Украине. Та связь, которую, по национальным мотивами, благодаря гонениям царского правительства, украинская радикальная интеллигенция установила с Галицией, не могла не оказать серьезного влияния на скадывающееся политическое мировоззрение украинских кружков и групп. Австрийская выучка была хорошим реактивом для разложения украинского народничества на его составные части. Украинская радикальная партия, основанная в Галиции в 1890 г. по инициативе драгомановцев, уже с первых лет своего существования начинает расползаться в разные стороны. Часть драгомановцев и молодых украинских соц.-дем. пытается связаться с рабочим и батраческим движением в Галиции, ведет политическую борьбу в условиях австрийской конституционной монархии и должна держать курс на марксизм и классовую борьбу по примеру рабочих партий других национальностей,— в первую очередь, немцев и поляков. Члены радикальной партии, избранные депутатами в 1897 году, вошли в социал-демократический клуб (в социал-демократическую парламентскую фракцию). В девятисотых годах образуется в Галиции украинская социал-демократическая партия, причем ее организации предшествует продолжительная работа среди батрачества и широкое массовое забастовочное движение, охватившее в 1902 году до ста тысяч батраков и сельско-хозяйственных рабочих. Народничество и идеализация крестьянства, привнесенные частично из России, при соприкосновении с галицийским рабочим и батраком перерождаются, как мы видим, самым радикальным образом. Часть интеллигентских групп и кружков, связанная с пролетариатом и батрачеством, умудренная западно-европейским опытом, становится,—по крайней мере, формально,—на марксистскую точку зрения, и даже таким требованиям, как политическая независимость Украины в этнографических границах, пытается дать марксистскую аргументацию. Другая часть интеллигенции (Грушевский, Франко), отбрасывая ненужную идеалистическую фразеологию, образует национал-демократическую партию. Эта дифференциация и политическое самоопределение отдельных групп

интеллигенции, хотя и происходившее за кордоном, имело огромное значение и для украинской интеллигенции тогдашней Украины. Именно этому обстоятельству мы обязаны тем, что с.-р. на Украине были не „самобытного“, а общероссийского происхождения. Мы знаем УСДРП, но у нас не было украинских с.-р., по крайней мере в период первой революции, если не считать отдельных лиц и незначительных групп. Да и те украинские с.-р., которые появились уже много позднее, по иронии судьбы тоже считали себя марксистами.

Перед украинским крестьянством и пролетариатом Украины, смешанным по своему национальному составу, украинская радикальная интеллигенция выступает уже в 900-х годах не только под социалистическим, но и под социал-демократическим забралом. Поскольку здесь, на украинской почве, не было еще ясных, подсказанных практикой политической борьбы, разногласий между национально-социалистической и буржуазно-радикальной интеллигенцией, постольку социализм и буржуазный радикализм уживались мирно бок-о-бок в одной и той же организации.

Основателями РУП'а (Революционной Украинской Партии) наряду с социалистами, были и просто радикалы (Михновский). Формально РУП считал себя социалистическим. В 1902 году его орган „Гасло“ высказывается за социал-демократическую тактику и классовую борьбу. РУП сам считает своей задачей организацию украинского пролетариата. На деле, вплоть до 1904 года он остается организацией радикальной молодежи, главным образом, студенчества, ведущего революционную пропаганду на селе и имеющего самые незначительные связи с отдельными группами ремесленных рабочих в Киеве и некоторых провинциальных городах. Крестьянские беспорядки в 1902 году, проходившие при участии РУП'а, и рост рабочего движения в городах ускорили процесс самоопределения этой партии. Самоопределение пошло по трем линиям. Как и в Галиции, от единой организации раньше всего откололись буржуазно-радикальные национал-демократические элементы. Не следует думать, что и после откола связь между социал-демократическими элементами РУП'а и буржуазно-радикальными группами была порвана. Украинские группы радикальной буржуазии (к 1905 году имелись две партии — радикальная и демократическая, впоследствии слившиеся в одну —

радикально-демократическую, примкнувшую к народным социалистам) были по своей программе гораздо левее русских кадетов. Их программа повторяла целиком и почти дословно программу-минимум с.-д и начиналась декларативным заявлением „о борьбе за полное уничтожение эксплоатации человека человеком". Защитный цвет социал-демократической программы-минимум был необходим украинским буржуазным радикалам, поскольку и для них опорой и политической ареной могла быть, главным образом, украинская деревня. Без социалистической вывески, но с „социалистическими симпатиями" и с более радикальными требованиями в области демократизации государственного строя и раскрепощения деревни — украинские радикалы могли надеяться на поддержку некоторой части украинского селянства.

Как в области социалистического движения, так и в отношении образования украинских буржуазных партий мы имеем, таким образом, одну и ту же характерную черту. Народнически-эсэровская идеология, выдвинувшая в борьбе с царизмом теорию о триедином классе (интеллигенция, крестьянство и пролетариат), не оказала серьезного влияния на украинские политические группировки.

В период февральской революции меньшевики горько жаловались на то, что буржуазия не создала ни одной подлинной радикально-буржуазной партии, которая сняла бы с социал-демократии неприятную обязанность загрязнить свои социалистические ризы и самим взяться за осуществление демократического строя в России. При Керенском та же тоска по синей птице буржуазного радикализма вызвала к жизни чахлую буржуазно-демократическую партию во главе с министром Некрасовым и „украинцем" Терещенко. На украинской улице, как мы видим, республиканская партия украинской буржуазии, благодаря особой обстановке, образовалась уже к 1905 году.

Связь украинских соц.-дем. с радикалами в период, когда РУП еще не переименовался в УСДРП, была довольно тесной. Проявлялась она и в легальной печати, и в большинстве литературных предприятий. В переписке Винниченко, попавшей в руки охранного отделения при обыске в „Громадськой Думке" в августе 1906 года, есть любопытное письмо одной из работниц УСДРП, которая с тревогой спрашивает Винниченко,

верно ли, что он тесно связан с радикалами и даже вошел в их Центральный Комитет.

В 1904 г. процесс самоопределения РУП'а начинает проходить гораздо более быстрым темпом. Предметом споров становится национальный вопрос и в связи с ним — вопрос об отношениях к РСДРП, которая к тому времени была слишком крупной величиной для того, чтобы ее можно было обойти при попытках связаться с пролетариатом и украинским крестьянством. Крупные городские промышленные центры находятся под исключительным влиянием РСДРП. В провинциальных городах и местечках влияние на рабочих и ремесленников распределяется также между социал-демократическими организациями и Бундом. Не только „искровские", но и бундовские группы в 1904 и к началу 1905 г. завязывают связи с селом и ведут работу среди крестьян. Смычка с селом, с возникающим там крестьянским движением диктуется не только революционной целесообразностью, стремлением привлечь к борьбе и село, но и ростом самих организаций, расширившимися связями и агитационными средствами. Такие примеры, как местечко Макарово, Киевской губ., где еврейской революционной организации удалось в 1905 году связаться с окрестным крестьянством и вызвать на селе довольно широкое движение, были далеко не редкостью. Украинские социал-демократы не могли строить своей организации исключительно на селе, игнорируя город, где их связи были ничтожны. Чтобы подойти к украинскому пролетариату, нужно было равняться по существующим социал-демократическим организациям. Огромное значение имело, как мы говорили выше, и то обстоятельство, что крестьянское движение, взятое в целом, упиралось в один общий для всей России вопрос о земле и полицейском произволе, формы же и лозунги борьбы (забастовки на экономиях и сахарных заводах) не заключали в себе никаких предпосылок для образования обособленной национальной организации.

Споры по вопросу о политической автономии Украины и об условиях вхождения в РСДРП привели в 1904 году к расколу РУП'а. Значительная часть работников, входивших в его закордонный комитет, находившийся во Львове, вышла из РУП'а и явилась основательницей Спилки, стоявшей за безоговорочное объединение с РСДРП. Оставшаяся часть РУП'а

только к концу 1905 года сменяет свое название на УСДРП (второй съезд РУП'а) и принимает программу российской партии, сохраняя только требование политической автономии Украины и федеративного построения партии.

Насколько далеко разошлись к тому времени дороги работников, входивших в лоно одной и той же революционной партии, видно хотя бы по заявлениям Самойловича (Меленевского) на объединительном съезде партии. „Украинский пролетариат, — заявил он, выступая против допущения украинских соц.-дем. в партию, — совершенно обрусел, и поэтому существование особой организации его не имеет никакого смысла". С великим негодованием приводили украинские социал-демократы слова другого основоположника Спилки — Павла Лукича Тучапского. „Поскольку Украина живет культурной жизнью, она живет жизнью русской. Пока украинская культура не существует, я не считаю возможным видеть какую-нибудь выгоду от уничтожения национального гнета на Украине".

Эти страшные цитаты и всякие иные в том же духе украинские соц.-дем. приводили, как пример явной измены „ортодоксов" спильчан украинским национальным интересам. О „печальной памяти Спилке" еще в 1913 году писали украинские социал-демократы, как о поучительнейшем примере москвофильской и предательской политики (см. „Дзвін" — статьи Юркевича и др.), история свела свои счеты, и мы теперь знаем, что путь к марксизму для украинского интеллигента, крепко связавшегося с рабочим движением, лежал через отмежевание от мелко-буржуазных самостийнических элементов, через отказ от националистического Адама, роднившего украинских соц.-дем. с буржуазными радикалами.

Не один только РУП был той организацией, от которой отпочковалась Спилка. В первую очередь, здесь нужно принять во внимание социал-демократические организации, существовавшие к концу 1904 года не только в крупных городах, но и в мелких провинциальных городишках и местечках Украины. Не малую роль в росте Спилки сыграли бундовские провинциальные организации. Они располагали большими сельскими связями, которых не в состоянии были использовать. С появлением Спилки эти связи были предоставлены ей, причем бундовские организации оказывали Спилке в ее сельской работе всяческое содействие.

В 1897—1988 г.г. в Киеве была организована группа украинских социал-демократов, в которую входила Леся Украинка, Стешенко, Кривенюк и др. Группа эта вела одновременно пропагандистскую работу и среди русских рабочих. В конце девяностых годов с ними поддерживала связь группа сельских работников социал-демократов, работавших в Киевской губернии.

Крупную роль при возникновении Спилки сыграли также бывшие драгомановцы: Тучапский, Крохмаль, к тому времени видные социал-демократы. Зарождение Спилки, как организации, относится к лету 1904 года, т. е. непосредственно к периоду после происшедшего в РУП'е раскола. Из состава закордонного комитета РУП'а выходят: Евгений Галицинский — редактор „Революционной Украины", Меленевский-Басок, Виктор Мазуренко (Карась) и ряд примыкающих к ним украинских работников: Михайло Ткаченко, Каневец (Кавун), Павло Крат и др.

В 1904 г. в руки отколовшейся группы попадает типография закордонной группы РУП'а, издававшей „Селянин" и „Працю". Отколовшаяся группа ведет усиленную агитацию среди революционной молодежи, приезжающей из Украины. Дискуссия, особенно с одним из основателей РУП'а, Миколой Ганкевичем, принимает ожесточенный характер. В спорах и выступлениях участвует также и соц.-дем. Биск, приехавший из Швейцарии во Львов, где он ведал переправой „Искры" в Россию. Через Биска отколовшаяся группа связывается с редакцией „Искры". Полемика и агитация среди приезжающей из Украины студенческой молодежи находят свой отклик и по ту сторону границы. Из РУП'овских „громад" (в Петерберге, Киеве и т. д.), состоящих, главным образом, из студенческой молодежи, выделяются группы, отходящие к Спилке.

Ко львовской группе присоединяется впоследствии П. Л. Тучапский (Сергей Михайлович), а затем, уже в России, Григорий Долженко (Грицько), Еремеевы — муж и жена (Медведевы), приехавшие из Поволжского района, где они вели пропаганду среди крестьян. Следует отметить, что многие из перечисленных нами работников еще до раскола вели работу среди русского пролетариата и были связаны с РСДРП. Так, Меленевский работал в Рыбинске, Мазуренко и Долженко в других социал-демократических организациях.

Львовская группа избрала свой комитет, который вскоре после раскола вступил в переговоры с ЦК РСДРП о вхождении в партию. Переговоры эти вначале велись непосредственно комитетом, а затем через соц.-дем. Крохмаля. В этой работе Меленевский и некоторые другие украинские соц.-дем. принимали ближайшее участие.

В результате переговоров вопрос о вхождении Спилки в партию был оформлен и на общероссийской конференции в Або был утвержден ее устав и условия вхождения.

Принятый устав гласил так:

1. Украинский социал-демократический союз, есть часть РСДРП, имеющая целью организацию пролетариата, говорящего на украинском языке.

2. Союз пользуется всеми правами, предоставляемыми организационными уставом РСДРП союзам комитетов партии.

3. Украинский социал-демократический союз слагается из громад, которые в тех местах, где нет комитетов РСДРП, представляют самостоятельные организации, в местах же, где таковые существуют, входят в состав местной партийной организации, как ее составная часть, автономная лишь в вопросах своей внутренней организации, пропаганды и агитации.

4. Во главе союза стоит комитет союза, выбираемый съездом представителей громад. При союзе состоит литературная комиссия, местопребывание которой может быть и за границей.

5. Комитет союза пользуется правом организовать специальные технические группы.

6. Союз посылает своих представителей на общепартийный съезд. Количество голосов определяется по соглашению с Центральным Комитетом".

Никаких особых громад,— здесь, очевидно, была сохранена старая терминология,— Спилка не образовывала, если не считать отколовшиеся группы студенческих организаций. Только в нескольких городах в 1905 году существовали параллельные организации. Спилка же в целом к этому времени в организационном отношении не была еще оформлена. Одним из ее организационных центров является газета „Правда", издававшаяся во Львове с января 1905 года. Во главе „Правды" стоял Тучапский в качестве ее редактора. Тучапским же в 1905 году была выпущена брошюрка о национальных требованиях

социал-демократии, излагавшая в популярной форме на украинском языке социал-демократическую программу.

Организационная работа на селе и собирание Спилки начинается с приездом в Россию ряда работников из-за границы. К весне 1905 года в Киев приезжает Каневец, Виктор Мазуренко, Долженко, Скоропись-Елтуховский и вслед за ними Меленевский. У некоторых из работников имелись давнишние связи с селом. При помощи, главным образом, киевских и отчасти полтавских социал-демократических организаций эти связи удается расширить и закрепить. В указанный период Спилка издает ряд прокламаций для крестьян. Написанные на украинском языке (автором многих из них является Меленевский), они по форме были доступны крестьянину и приурочивались к полевым работам, к жниве, полке и копке бураков.

Принимая устав Спилки, партия видела в ней не местную организацию, ведущую работу исключительно среди украинских крестьян. Предполагалось, что Спилка станет всероссийской организацией, технически объединяющей работу среди крестьянства. В самом начале существовал взгляд, что она будет обслуживать такие отдаленные друг от друга области, как Поволожье, Северо-Западный край, Херсонскую и Бессарабскую губернии и т. д. Именно с этой целью „Правда", издававшаяся раньше во Львове на украинском языке, выпускает в дальнейшем и русское издание. На русском языке „Правда" начинает выходить с лета 1905 года в Одессе, где была организована спилковская типография и куда к этому времени переехал Тучапский. В этой же типографии при участии союза учителей были изданы прокламации, предназначавшиеся для роспространения среди крестьян Бессарабии.

На общерусской партийной конференции в 1905 году этот взгляд на Спилку, как на центр сельской партийной работы, был подтвержден. Ей было поручено издавать крестьянскую газету, ей же были переданы связи с Поволожьем, Северо-Западным краем и т. д.

Спилка, как внетерриториальная организация, ведущая работу исключительно среди крестьянства, могла существовать лишь как литературная и агитационная техническая группа при центральных органах партии. Совершенно иные требования предъявляла растущая работа на украинском селе. Сельские

организации были разобщены между собой, не могли обслуживать себя сами ни литературой, ни пропагандистскими силами. Руководство должно было осуществляться из какого-нибудь близкого центра, откуда можно было бы поддерживать систематическую связь с сельской периферией. Вопрос о территориальном объединении области, о слиянии с городскими социал-демократическими организациями ставится уже на первом совещании Спилки в июле 1905 года. Работа по созыву совещания была поручена Баску-Меленевскому, приехавшему в Россию в мае 1905 года. Конференция собралась вблизи Киева в лесу в Пуще Водице. На ней был принят организационный устав Спилки и выделена руководящая группа.

Тот же вопрос о слиянии вновь подымается в 1905 году на ноябрьском совещании Спилки, которое состоялось приблизительно в те же дни, что и конференция провинциальной группы при киевском комитете. На этой конференции был вторично разработан и принят устав Спилки. В нем, как сообщают „Известия Спилки и Южного провинциального Бюро“ от 20 августа 1906 года, воздвигался целый стройный план губернских союзов, распадающихся на уездные и областные организации, с проведением везде выборного начала. Все губернские организации объединялись областной конференцией и Главным Комитетом. Аналогичный организационный план был принят и конференцией провинциальной группы. На ноябрьской же конференции был избран и Главный Комитет Спилки, куда вошел ряд работников провинциальной группы. В состав Главного Комитета Спилка дает Тучапского, Меленевского (Баска), Долженко (Грицька), Скоропись-Елтуховского. Из руководящих работников провинциального бюро в Главный Комитет входят Иван Киреенко (Петр), впоследствии член второй Гос. Думы, Александр Подольский (Гойхберг), Святослав Завадский (Павел). В Главный Комитет был введен также Сергей Соколов, который вел раньше сельскую работу в Екатеринославской губернии.

Разгром организаций после декабрьского восстания 1905 г. помешал формальному объединению Спилки с провинциальным бюро, что принципиально было решено еще летом 1905 года. Только в марте 1906 года обеим организациям удается созвать общую конференцию, на которой слияние, практически осуществленное на местах, было оформлено. Разногласия вызвал

вопрос о том, как назвать единую организацию. Они были разрешены в пользу Спилки, причем за руководящим органом областной организации было сохранено название „Главный Комитет".

Главный Комитет, избранный на ноябрьской конференции, так и не был переизбран в течение всего дальнейшего периода существования Спилки. Он пополнялся в дальнейшем либо путем кооптации, либо путем прямого делегирования представителей района (от Полтавской губ.). Все попытки созвать общеспилковскую конференцию, повторявшиеся неоднократно в 1906 и 1907 годах, оказались безуспешными. Виной этому были прежде всего полицейские условия, благодаря которым всякий многолюдный съезд, созванный нелегально, был неминуемо осужден на провал. Единственное совещание в более или менее расширенном составе было созвано в октябре 1906 года в связи с предвыборной кампанией во вторую Гос. Думу. Совещание это было созвано не по демократическому принципу, а из представителей крупнейших районов. На этом же совещании были подтверждены вновь полномочия Главного Комитета прежнего состава. Неудача всех попыток созвать конференцию Спилки объясняется также присутствием нескольких провокаторов в составе местных организаций. Так, в бердичевской организации заведующим явкой оказался провокатор Шайка Гольденберг, в течение многих лет остававшийся нераскрытым. В 1907 году, как обнаружилось впоследствии, имелись и два других провокатора: один в фастовском районе, другой — в Черниговской губернии — Барановский (Антип).

Как мы говорили выше, деятельность Спилки широко развертывается со времени слияния ее с Южным провинциальным Бюро. Что предоставляло собой Южное провинциальное Бюро и объединяемые им организации? Для объединения юга России еще в 1905 году было образовано Южное Бюро, которое играло почти исключительно техническую роль. В его задачи входила рассылка литературы, отчасти распределение работников, поскольку они направлялись на юг через ЦК или сами обращались в Бюро. Бюро также выполняло посреднические функции между организациями и сносилось с каждой из них в отдельности, когда они к нему обращались. Руководящей роли, как мы видим, это Бюро не играло. Вопрос

об организации юга обсуждался неоднократно на южно-русских конференциях, — в частности, на конференции делегатов южных организаций, съехавшихся на объединительный съезд. Конференция эта высказалась единогласно за разделение юга на несколько областей, считаясь с естественным тяготением организаций к той или иной области, и пришла к выводу, что только после создания нескольких областных организаций можно будет создать общий южный комитет. Была ли необходимость в комитете, который объединял бы и политически руководил бы всем югом тогдашней России — вопрос, конечно, весьма спорный. Такой комитет так и не был создан, а южнорусские конференции, созывавшиеся в 1906 и 1907 годах, обычно, только служили подготовительной ступенью к обще-русским конференциям. Так, конференция осенью 1907 года собралась, главным образом, для избрания делегатов на общепартийное совещание в интересах взаимного использования голосов.

Если в масштабе юга России партии удалось, и то только на короткий срок, создать техническое бюро, то в более скромных территориальных размерах такие бюро были жизненными и устойчивыми. Окружную организацию создала и Полтава, и Екатеринослав. Самой крепкой окружной организацией оказалась киевская. Она вовлекла в круг своего влияния не только ряд местечек и городов в Киевской губ. (Черкассы, Бердичев), но и в смежных губерниях — Волынской, Полтавской и южных уездах Черниговской губернии. Здесь сказалось вполне понятное тяготение относительно мелких организаций к Киеву, как к крупному революционному центру, который в состоянии был оказать помощь и политически объединить выступления мест. Но и бюро провинциальной группы, слабо связанное с сельской работой, не превратилось в политически руководящий центр движения. И его функции сводились, главным образом, к техническому обслуживанию мест, к распределению литературы, к печатанию прокламаций, приноровленных к отдельным политическим кампаниям. Мелкие провинциальные организации, состоявшие, главным образом, из полуинтеллигентов и ремесленных рабочих, получали в период 1905—1906 г.г. политическое значение в зависимости от того, насколько им удавалось связаться с селом, стать базой и объединяющим центром массового крестьянского движения. Руководящая политическая работа в областном масштабе

начинается только с появлением Спилки. Политические кампании на селе, руководство сельскими забастовками, рекрутский набор, избирательные кампании в Гос. Думу требовали единообразных лозунгов и единого руководства.

## Территория Спилки и состав ее организации.

Лучшее представление о роли Спилки, как руководящего центра, дает стихийный рост ее организации, постепенное вовлечение в сферу ее деятельности все новых территориальных единиц.

К лету 1905 года, как мы уже говорили выше, Спилка имеет неоформленные связи в ряде уездов Киевской губернии (сквирско-васильковский район, Каневский уезд), в Лубнах Полтавской губернии, в южных уездах Черниговской губернии, в районе Жмеринки. Провинциальная группа при киевском комитете имеет ряд параллельных связей в той же Киевской губернии, в Полтавщине, ведет работу в Волынской губ., где у нее имеются относительно крупные организации, как Житомирская. К октябрю 1905 года почти во всех городах и местечках юго-западного края имеются социал-демократические организации, работа которых принимает часто полулегальный характер.

После декабрьского восстания начинается полоса полицейских репрессий и разгром организаций, отразившийся также на Спилке. От этих разгромов областная организация оправляется уже в начале 1906 года.

Как видно из сохранившегося отчета о работе Спилки, относящегося к лету 1906 года, последняя опиралась к этому времени на ряд крупных районных организаций.

Сильнейшими были сквирско-васильковская районная организация, Киевский уезд, Винницкая и Брацлавская уездные организации, Черкасский и Чигиринский уезды и южные уезды Черниговской губернии. Помимо этого, имеются организации почти во всех уездах Киевской, во многих уездах Подольской и в северо-западной части Полтавской губ.—в Роменском, Переяславском, Пирятинском и Прилукском уездах. В других уездах Полтавской губ. работу вел Полтавский губернский союз РСДРП.

Представление о размерах этих организаций к лету и осени 1906 года дают цифры о численном составе некоторых из них

(записи захвачены при аресте члена Главного Комитета С. Завадского осенью 1906 года). По этим записям, в Нежинской организации Черниг. губ. насчитывалось 30 членов, в Ичне — 40, в Конотопе — в железнодорожных мастерских и среди городских ремесленников — 300, в Бахмаче — 40; по Киевской губ., в сквирско-васильковском районе: в Василькове — 70, в Фастове, включая крестьянские организации, — 300 -- 400, в Белой Церкви — 40, в Сквире — 20, в местечке Каваличе — 40 а всего в районе — 500 — 600 членов. В смелянском районе (сахарные заводы), по тем же записям, насчитывается 780 чел., из них в Смеле 250, Городище — 200, Златополе — 50, Шполе — 30. В Черкассах — 250, в уманском районе — 300, в каневском — 100, в заднепровском — 100. Организации, насчитывающие по нескольку десятков человек, имелись в Ржищеве, Кагарлыке, Ольшаницах, Мироновке, Гребищах, Макарове, Веродянке и. т. д. В расчеты о численности организации входили, главным образом, городские связи, ибо крестьянские организации в большинстве районов, кроме сахарных заводов и таких, как сквирская и глуховская организации были неоформлены. Вопрос о том, кого считать на селе членом партии, где демаркационная линия между членом организации и остальной революционно-настроенной крестьянской массой, оставался неясным для самой Спилки.

Согласно приведенным записям, только в двух губерниях — Киевской и Черниговской — численный состав организации превышает 3.000 человек. При этом надо принять во внимание, что в записях упомянуты далеко не все организации, находящиеся на территории этих губерний.

В тот же период Спилка завязывает связи с северным районом Черниговской губернии (новозыбковско-клинцовский район), с Елисаветградским уездом, в ряде местечек Бессарабской губернии (Бельцы, Сороки). Ко времени выборов во вторую Гос. Думу к Спилке присоединяется Гомель и гомельский район. С весны 1906 года по инициативе Спилки был организован Полтавский губернский союз. Он входит вначале в состав областной организации, а затем отделяется от нее, при чем северо-западные уезды остаются попрежнему в ведении Спилки. Окончательное присоединение полтавского союза произошло на его конференции в ноябре 1906 года. Конференция избрала от Полтавской губернии на время до общей

украинской конференции двух членов в Главный Комитет, из коих один должен был жить в Полтавской губ. и входить в исполнительную комиссию губернского союза. За городскими организациями Полтавы и Кременчуга было только сохранено право избирать на общих основаниях своих делегатов на партийный съезд.

Решающее влияние на вхождение ряда новых районов оказали также выборы во вторую Гос. Думу. Киев к этому времени становится центром предвыборной агитации во всем югозападном крае. Здесь вырабатываются основы соглашения между политическими партиями, здесь же намечается общая тактическая линия для выступлений отдельных социал-демократических организаций. Одновременно с объединением организаций Полтавской губ. связываются в один район южные уезды Черниговской губ., подразделявшиеся, в свою очередь, на ряд подрайонов. В северных уездах организуется новозыбковско-клинцовский район (Новозыбков, Клинцы, Семеновка, Шостка, Злынка, Мглин, Стародуб, Почеп, Сураж и. т. д.) и мощный по масштабу своей работы среди крестьян глуховский район. Черниговский комитет соц.-дем. который к лету 1906 года считался самостоятельной организацией, ко времени выборов во вторую Гос. Думу присоединяется к Спилке. Подольская губерния разбивается на две районные организации, наиболее мощная с Винницей в качестве руководящего центра (Винница, Жмеринка, Тульчин, Немиров, Могилев и друг.). Районная организация образуется и в Волынской губ. охватывая Житомир, Бердичев, Ровно, Острог, Кременец, Староконстантинов, Новгород-Волынск и т. д. К концу 1906 года, в период наибольшего развития Спилки, завязываются переговоры о вхождения в ее состав и киевского комитета. До того работа Спилки и киевского комитета только координировалась, причем представители обоих комитетов посещали заседания комитетов с правом совещательного голоса. Выборы в Гос. Думу и ряд политических выступлений, усиливших значение областного центра, побудили Главный Комитет поставить вопрос и об организационном вхождении киевского комитета в Спилку. Вхождение это не состоялось не потому, что киевский комитет был принципиально против него. В середине 1907 года после беспощадных ударов, нанесенных подполью реакцией, соотношение сил и характер работы изменились,

Спилка и особенно ее центральный орган — Главный Комитет — были разбиты, и вопрос о включении новых организаций в область потерял свою прежнюю остроту.

О районе деятельности Спилки и о численности ее организаций можно судить также и по выборам на Лондонский съезд. По указаниям ЦК партии, Спилка для производства выборов была разбита на 12 районов. Центральным Комитетом по соглашению со Спилкой были утверждены следующие избирательные округа: 1) гор. Бердичев со всей Волынской губ., 2) вся Подольская губ., 3) южный киевский район Черкасский и Каневский уезды и группы Чигиринского, Звенигородского и Уманского уездов, 4) северный киевский район: Сквирский и Васильковский уезды и группы Таращанского, Радомысльского и Киевского уездов, 5) конотопский район, 6) глуховский район, 7) южно-черниговский район — Остерский, Козелецкий, Борзенский, Нежинский, Городнянский и Сосницкий уезды, 8) северный черниговский район — Новозыбковский, Мглинский, Суражский и Стародубский уезды, 9) кременчугский район, 10) Роменский район. Полтава и полтавский союз представляли два избирательных округа, не считая кременчугского и роменского районов. Сюда, как мы видим, не вошел гомельский район, присоединенный к другим избирательным округам.

Численность выбирающих на съезд по этим районам достигала от 400 до 700 членов организации (циркулярное письмо Главного Комитета № 1). Спилка к Лондонскому съезду насчитывает, таким образом, от 6.000 до 7.000 членов партии. Цифру эту нужно признать значительно преуменьшенной по сравнению с действительной численностью всех организаций, входящих в состав области. Ряд мелких организаций не мог быть учтен ни ЦК, ни самим Главным Комитетом. При выборах приходилось считаться исключительно с оформившимися и устойчивыми организациями. Крестьянские кружки и комитеты, в свою очередь, не могли быть учтены раньше всего по той причине, что они были разбросаны территориально, и объединить их на конференциях было трудно по техническим и полицейским условиям. Только два крупных крестьянских района приняли ближайшее участие в выборах на партийный съезд. В глуховском районе имелся ряд районных сельских комитетов. В сквирско-васильковском районе, где массовое крестьянское

движение приняло широкие размеры еще летом 1905 года, организации Спилки были особенно сильны. В ряде сел — Жидовцы, Дедовщина, Кривое имелись крепкие социал-демократические организации, не уступавшие по своей численности и сплоченности городским. В этом районе многие крестьяне-выборщики явились, как члены организации, на явку Спилки во время выборов во вторую Гос. Думу- От этого же района был послан на Лондонский съезд единственный крестьянин-хлебороб (не только от Спилки но и от всей России) — Петр Зима.

Южно-черниговский, черкасский и смелянский районы Киевской губ. включали в свои организации значительные группы рабочих сахарных заводов. В ряде других районов преобладающую роль в организации играл железнодорожный пролетариат. Областная железнодорожная организация в Киеве в 1905 году имела свои ячейки в ряде жел.-дор. пунктов Киевской, Волынской, Херсонской, Полтавской и других губерний. В 1906 г., когда во главе союза стояли большевики, ему удалось распространить свою деятельность и на Екатеринославщину. Большинство этих организаций в районе Спилки в 1906 и 1907 г. г. вошли в ее состав: Конотоп, Жмерика, Бобринская, Полтава, Бахмач и т. д. Как и с киевским комитетом, Спилка поддерживала с областным железнодорожным союзом организационную связь. Представитель союза входил с совещательным голосом в Главный Комитет Спилки, а секретарь железнодорожного союза, большевичка Елена, в 1906 г. выполняла одно время секретарские обязанности и по Спилке.

Ко времени Лондонского съезда численность организации Спилки достигает, примерно, 10.000 чел. не считая не оформленных крестьянских связей. Летом 1907 года областной организации был нанесен первый серьезный удар, особенно сильно отразившийся на Главном Комитете и нарушивший связи с районами. Местные организации, несмотря на массовые провалы (в Киеве при обысках 2 июня 1907 года провалилось до 200 местных явок), сохраняют еще на некоторое время свою жизнеспособность. Летом 1907 г., опираясь на местные организации, небольшая группа спилковских работников во главе с Долженко пытается даже расширить район деятельности Спилки. В циркулярном письме Главного Комитета, написанным Долженко, возбуждается вопрос о созыве

областной конференции, на которую предполагается пригласить также представителей Харькова и Харьковской губернии. Проект устава, приложенный к письму, предусматривает включение в областную организацию Харьковской губ. и города Киева. В писме установлено число делегатов от каждого из районов, при чем Киеву предоставлено два места, а Харьковской губернии 5. Всего на конференцию предполагалось созвать до 60 человек. Нужно думать, что об этом проекте знали харьковские организации и Киев и что включение их в областную организацию и созыв конференции были произведены с их согласия. Революционное движение в это время (июль 1907 г.) шло под уклон, и проект, являвшийся продолжением прежних организационных традиций, был явно обречен на неудачу. То, чего не удалось провести Спилке в период своего высшего расцвета, было не под силу ей во время непрекращающихся полицейских разгромов. Спилке так и не удалось созвать свой областной съезд, избранный по демократическому принципу. Все конференции, созываемые Спилкой в последующий период, были немногочисленны по своему составу и представляли не организации, а комитеты. Единственная широкая областная конференция, которая была созвана в мае 1906 года перед отъездом делегатов на Лондонский съезд, была сорвана полицией. Конференция собралась в одной из аудиторий Киевского Политехнического Института и в тот же день, не рассмотрев ни одного вопроса порядка дня, должна была разойтись, получив извещение, что к институту двинуты наряды полиции.

Как мы говорили выше, июньские провалы в 1907 году ударили, главным образом, по центру и по связи с районами. Организации уцелили еще некоторое время. Уничтожить одним ударом такую массовую организацию, как Спилка, с разветвлениями в сотнях местечек, городов и сел было не под силу охранке и полиции. Для этого требовался значительно больший период времени, и только ряд непрерывных разгромов и арестов на местах в 1907 и 1908 г. г. довершили развал организации.

27 октября 1907 года на южно-русской конференции, созванной в Киеве и арестованной уже после ее закрытия, выступал также представитель Спилки. На конференции были представлены Екатеринослав (1.015 голосов), Харьков (752 гол.)

Луганск (1.070 гол.) и Киев (1.235 голосов). Одесса, Ростов н/Д., екатеринославская окружная организация и крымский союз своих делегатов не прислали. К закрытию конференции явился только делегат от Елисаветграда. Конференция была созвана, главным образом, для совместного выбора делегатов на общерусскую конференцию. Спилка, располагавшая 4.474 голосами, вместо 5.000 голосов, требовавшихся для посылки делегата, предложила присоединить числящиеся за ней голоса к голосам, которыми располагала южная конференция (6.282 голоса), для совместного выбора двух делегатов. Предложение это было принято. Делегатом от Спилки был избран Павел Стечкин, кандидатура которого была утверждена совещанием немногочисленной спилковской конференции, собравшейся к тому времени в Киеве. Следует отметить, что Павел Стечкин, избранный делегатом, никогда то того времени в Спилке не работал. Он состоял сотрудником „Киевской Мысли", был меньшевиком и с подпольем к тому времени был связан очень слабо. Самое избрание его объясняется тем, что среди киевских работников Спилки не было в то время, очевидно, лица, которое было бы достаточно авторитетным для того, чтобы быть посланным на общероссийскую конференцию. Весь дальнейший период уцелевшие работники Спилки пытаются восстановить разрушенные связи и вновь создать областную организацию. Работе этого периоду посвящены особые главы.

## Принципы организации.

Условия крестьянской работы требовали и особых форм построения организации. В местах, где существовал сахарный завод или крупная экономия, вопрос этот разрешался сравнительно легко. Ячейка на таком заводе была основой для работы в ближайшем районе. Обычно, город или местечко, где существовала небольшая организация, являлся базой для крестьянской работы. Здесь сосредоточивались и завязывались новые связи с селом, отсюда распространялась литература и посылались агитаторы в деревню. Чем крупнее была городская организация, тем сильнее были, обычно, ее связи и влияние на окрестный район.

Характерно, что именно в начальный период своего существования Спилка, еще не слившаяся с провинциальным бюро,

пытается построить организацию снизу, взяв за основу сельскую ячейку. На ноябрьской конференции Спилки в 1905 г. был принят план такого построения, представляющий собою целую иерархию организации, начиная с сельского и волостного комитета и кончая уездным и губернским. Такой план организации выглядел очень хорошо на бумаге и оказался мало пригодным на практике. Басок-Меленевский, один из лучших крестьянских работников Спилки, представлял себе организацию сельских ячеек довольно просто. Для этого нужно было явиться в село и завязать связи с одним или несколькими революционно-настроенными крестьянами. Пользуясь их связями, можно было обратиться в соседние села, закладывая и там ячейки. Все зависело, таким образом, только от времени и умелости агитатора. Такие советы являлись выводом из практики сельского агитатора, который, попадая на село, должен был пользоваться деревенскими связями, переходя из района в район.

Инструкции по сельской работе в таком духе Спилка давала в своих письмах и „Известиях". Нужно ли говорить, что такой густой сети сельских организаций Спилке создать не удалось, да и не могло удаться. Только в некоторых районах, главным образом, в глуховском и сквирско-васильковском, в Киевском и Каневском уездах да в отдельных уездах Полтавской губернии этот план был, действительно, в некоторой степени проведен.

Обычной формой организации были, наряду с сельской ячейкой, крестьянские конференции смежных сел (не по волостному признаку). Конференции созывались преимущественно в период, когда предстояли общие выступления: к началу полевых работ, к уборке урожая, перед рекрутским набором. Наряду с политическими вопросами обсуждались практические: о согласованном выступлении отдельных сел. Крестьянские районные комитеты в большинстве случаев не представляли собой постоянной действующей организации. Их работа зависела и от приезда городского агитатора, и от временных выступлений, связанных с сельско-хозяйственными забастовками и т. д.

Кто входил в сельские спилковские организации? Провести водораздел между отдельными группами крестьянства на селе по степени их зажиточности было трудно. Революционные

настроения, борьба за землю и с полицейским произволом охватили в 1905 и 1906 г.г. большинство крестьянства. Агитатор ориентировался раньше всего на экономию — на батрацкие элементы и сельско-хозяйственных рабочих. Он не отказывался, однако, выступать и на сходе с агитацией против царя и помещика. Работники Черниговской губернии рассказывали, как о факте, что в Глуховском уезде существовали села, сплошь распропагандированные. Крестьяне считали себя в таком селе принадлежащими к „партии“. Так, в селе Никитовке из 101 двора 100 считались „своими“ и только один черносотенным. „Своих“ сел у Спилки насчитывалось немало. В Глуховском уезде к концу 1906 г. имелось пятнадцать волостных избирательных социал-демократических комитетов. На основании личного опыта в 1906 г. в Полтавской губернии автор может подтвердить, что охват села носил действительно массовый характер. Так, в Лохвицком уезде крестьянские конференции, на которые съезжались делегаты от окружных сел, были обычным приемом в партийной работе. Конференции были и партийные, и беспартийные, причем отличить одни от других можно было скорее не по характеру работы, а по их численности.

Объединение с провинциальным бюро, которое дало прочную базу Спилке для руководства и собирания сельских организаций вокруг городских центров, внесло ряд коррективов в организационнные планы и построения. Вместо административной единицы — волости, уезда, губернии — выдвигается необходимость образования сравнительно небольших районных организаций, складывающихся в процессе самой работы. Вся территория Спилки по характеру работы распадалась на ряд таких районов — крестьянских (сквирско-васильковский, глуховский), промышленных (новозыбковско-клинцовский), сахарных (черкасский, смелянский, часть южно-черниговского).

В проекте устава, принятом Главным Комитетом Спилки летом 1906 года и предложенном на обсуждение местных организаций, был выдвинут следующий план построения области.

„В состав Спилки, — говорится в уставе, — входят в данный момент все партийные организации, находящиеся в Подольской, Волынской, Киевской и Черниговской губерниях, за исключением городов Киева и Чернигова, в Роменском, Прилукском,

Пирятинском и Переяславском уездах Полтавской губернии, а также в Гомельском уезде.

„Вся территория Спилки делится на ряд районов и местных районных организаций... Во главе каждой из районных организаций стоит районный комитет, избираемый районной конференцией и пополняемый работниками Главного Комитета... Каждый район делится на подрайоны, имеющие свои конференции и комитеты. Подрайон может, в свою очередь, разделяться, по условиям местности, на две или несколько групп. В каждом подрайоне организация складывается из городских и сельских округов, имеющих свои комиссии для заведывания делами округа".

Спилке не удалось провести до конца такого стройного плана организации. Этому мешал ряд обстоятельств. Районы Спилки по своим размерам все же оставались слишком велики. Крупные городские центры — Полтава, Житомир, Винница — где было больше партийных работников, пытались сохранить за собой влияние на возможно больший район. Для организационной перестройки Спилке не хватило и времени. Она начала свою работу, не имея за своей спиной того организационного опыта, который был у бундовских организаций. Многие из местных организаций были слишком молоды и неустойчивы. Прилив членов организации в городах и местечках сменялся часто отливом в зависимости от общей политической обстановки, а также от наличия опытных работников, которых у Спилки было сравнительно немного. Чем крупнее был район, тем слабее были связаны между собой входящие в него организации. Так, в Полтавской губернии при существовании губернского союза имелось в действительности три организационных центра: Полтава, Кременчуг и Ромны. Связь от одной губернской конференции к другой носила часто формальный характер. Выражалась она, главным образом, в организации одной общей техники, в объезде время от времени районов работниками губернской исполнительной комиссии и в согласовании некоторых политических кампаний. Такое же положение было и в Черниговской губернии. Сравнительно крепко были спаяны между собой ее южные районы, затем Новозыбков, с Клинцами, со Злынкой и Шосткой. Местные организации были часто предоставлены сами себе, за исключением отдельных случаев приезда агитаторов из района,

предвыборных кампаний в Гос. Думу и т. д. Связь Главного Комитета с периферией выражалась в объездах его членами районов, в рассылке профессионалов, в распространении литературы и прокламаций, в которых давались лозунги очередных кампаний в городе и на селе. Главный Комитет нес обязанности, не встречая в большинстве случаев материальной поддержки от местных организаций. Отчисления мест, как правило, были ничтожны или не поступали вовсе, отчеты получались редко, чаще с оказией при объезде районов. Попытки Главного Комитета ввести единообразную форму отчетов так и остались добрыми пожеланиями.

В период избирательной кампании во вторую Гос. Думу заниматься организационной перестройкой ни Главный Комитет, ни Спилка не могли. Весь интерес был сосредоточен на подготовке выборов, на широкой агитационной кампании. Вторично вопрос о реорганизации области и разбивке ее на ряд более мелких районов был поставлен уже после провалов летом 1907 года. В новом проекте организации, составленном одним из немногих уцелевших членов Главного Комитета — Долженко — область Спилки разбивается на тринадцать „естественно слагающихся“ районов: 1) сквирско-васильковский, 2) южно-киевский, 3) подольский, 4) первый волынский, 5) второй волынский, 6) клинцовский, 7) конотопский, 8) глуховский, 9) южно-черниговский с городом Черниговом, 10) гомельский, 11) Полтава с уездом, 12) Кременчуг с железнодорожным посадом Крюковом и уездом, 13) Ромны с уездом. Город Киев и харьковский район должны были вступить, согласно проекту, в Спилку, как полноправные районы.

„Основной ячейкой,—как указывалось в проекте,—является сельская, заводская, городская, железнодорожная, цеховая, военная секция, объединяющая 10—15 человек с выборным представителем во главе. Ряд секций объединяется в сельский, заводской и т. п. союз с выборным союзным комитетом во главе. Ряд союзов образует район“.

При такой форме организации автор проекта считал, что легче всего удастся выделить отдельные районы по отраслям промышленности и местным условиям работы. Проект интересен тем, что он к весне 1907 г. в смысле деления на районы представлял в общих чертах положение, которое действительно существовало.

Во всех своих обращениях к организациям, в ряде писем, проектировавших созыв областного съезда, Спилка высказывается за „демократическое" и выборное построение областной организации. Согласно ее предложениям, всюду на местах должны быть выборные районные и подрайонные комитеты. Главный Комитет должен избираться на общеспилковском съезде. Только благодаря непрекращающимся провалам и невозможности собрать областной съезд, часть членов Главного Комитета приходит к выводу, что областной центр должен составляться из представителей районов. Провинциальная и особенно сельская работа требовали постоянного объезда местных организаций, живой непосредственной связи с ним. Работникам Спилки в их неосуществившихся планах и организационных построениях рисовался многочисленный по своему составу выборный руководящий комитет. Только одна треть его членов должна была находиться в Киеве и вести руководящую работу в центре; другая треть должна была оставаться на постоянной работе в районах, третья — разъезжать по области, осуществляя непосредственную связь с низовой работой. Работники через определенные промежутки времени должны были сменять друг друга, чтобы не произошло отрыва руководящего центра от периферии.

В действительности основная группа работников Главного Комитета в течение 1906 — 1907 г.г. почти не пополнялась. В Киеве редко находилось больше двух-трех членов комитета, остальные все время находились в разъездах по области. Тоска по выборной организации снизу доверху так и осталась неизбытой за все время существования Спилки: В этой погоне за выборностью (в проекте устава 1907 г. имеется даже пункт, запрещающий кооптацию в главный и районные комитеты) Спилка отдала дань меньшевистским организационным взглядам и тому периоду, когда социал-демократические организации носили полулегальный характер. Вполне выдержанной меньшевистской точки зрения на организационные вопросы у Спилки, включая и Главный Комитет и районные, не было. Спилковские „практики" должны были считаться с требованиями своей работы. Даже сам Ларин, автор брошюры о широкой рабочей партии, в период своей работы в Спилке не оказал никакого влияния на ее организационное построение. В 1905 и 1906 г.г. когда впервые открылись „легальные возможности", воспользоваться

ими сумели только рабочие крупных городов. В мелком провинциальном городке, не говоря уже о селе, полицейский произвол чувствовался достаточно сильно даже в пресловутые дни свобод. Очень показательно, что Спилке за все годы своей работы так и не удалось организовать ни одного профессионального союза сахарников или сельско-хозяйственных рабочих. Ее сельские профессиональные ячейки, не говоря уже о партийных, были нелегальными. Попытки организовать профсоюзы на селе делались, но они ни к чему не привели.

Подпольная городская и местечковая организация, подпольная сельская ячейка требовали, чтобы значение подполья, границы революционной организации, вопрос о принадлежности к партии были установлены гораздо точнее и отчетливее, чем это делали меньшевики.

В „Известиях" Спилки за август 1906 года, в статье, помещенной вскоре после объединительного съезда, Главный Комитет ставит вопрос о том, как следует понимать членство партии и партийную дисциплину.

„По вопросу о членстве партии,—заявлял Главный Комитет,—существуют на местах большие расхождения. Одни склонны считать членами партии только работников (очевидно, активных—профессиональных революционеров.—*А. Р.*), другие только лиц, входящих в кружки, третьи, наоборот, считают достаточным официальное признание программы. Нужно, наконец, более точно выяснить этот решенный формально на объединительном съезде вопрос. Вероятно, по этому вопросу придется принять отдельную резолюцию (на проектируемом съезде Спилки.—*А. Р.*) для руководства организациям. При широкой массовой работе смешно говорить о сужении круга членов до состава активных работников, но и расширение рамок за пределы сознательности также недопустимо. Самое правильное решение, это—чтобы данное лицо ознакомилось не только с нашей программой, но и с программами других партий, и если оно после этого заявляет себя по своим взглядам социал-демократом,—одно условие для вступления в ряды партии выполнено. Остается делать взносы и входить в одну из организаций. Последнее требует более точного определения. По нашему мнению, недостаточно числиться в организации, надо еще принимать участие в жизни этой организации, а это

выражается прежде всего в правильном посещении организационных собраний".

Мы привели такую длинную выдержку, потому, что она в достаточной мере характерна и для последующих взглядов спилковских „практиков". По одному из крупнейших партийных разногласий Спилка, уклоняясь от принципиальной формулировки (формула меньшевиков, принятая на объединительном съезде, гласила — членом партии считается всякий, принимающий партийную программу, поддерживающий партию материальными средствами и входящий в какую-либо партийную организацию), предлагает свою, „практическую", которая, несмотря на свою путанность, является, несомненно, крамольной с точки зрения меньшевиков Точно также и в вопросе о партийной дисциплине Главный Комитет резко выдвигает положение об обязательности его постановлений для всех организаций, входящих в область, и всех членов союза. Особый пункт о партийной дисциплине был внесен и в проект устава, причем Главный Комитет собирался поставить вопрос о партийной дисциплине перед общепартийным съездом.

На ущербе своей работы летом 1907 г. в новом проекте устава Спилка выдвинула еще более определенную формулировку вопроса о членстве партии.

„Районом,—как говорится в уставе,—считается союз организаций, насчитывающий не менее 500 членов партии, платящих членский взнос и активно работающих". Спилка, побуждаемая подпольным положением своих организаций, разношерстным и пестрым составом местечковых и крестьянских ячеек, пытается, как мы видим, хотя и не всегда удачно, отсеять зерно от мякины и провести демаркационную линию между собо, и мещанскими элементами, стоявшими тогда „на социал-демократической платформе".

## Спилка и УСДРП.

В изображении украинских соц.-дем. (брошюры Оксена Лолы, Дорошенко история первой революции на Украине и следующий затем период 1906 — 1907 г.г. рисуется, примерно, так: существовала РУП, переименовавшаяся затем в УСДРП, она пользовалась исключительным влиянием на украинское крестьянство. Рядом с ними была и Спилка, которая также имела некоторое значение. Право первородства все же не

выходит из рук украинских соц.-дем. Получается, примерно, такая же картина, как у нынешнего академика проф. Грушевского с его племенем антов — будущих украинцев, от которых пошла вся русская земля.

В небольшой брошюрке: „З історії українського соціялістичного руху", напечатанной в Киеве в 1915 году, один из немногих рабочих укр. соц.-дем. Оксен Лола, изображает Спилку, как эпизод в истории развития УСДР „Спилка начала свою деятельность, — пишет он, — лишь к концу 1905 года... После конференции в ноябре 1905 года она объединилась с провинциальной группой союза провинциальных организаций РСДРП на Украине. С этого момента Спилка начинает играть довольно заметную роль в политической и экономической борьбе украинского пролетариата. Сельские забастовки одновременно с влиянием на них УСДРП проходили и под руководством Спилки. Во время выборов во вторую Государственную Думу Спилка провела несколько своих депутатов".

Все остальное в брошюре, названной „З історії українського соціялістичного руху", за исключением нескольких строк, посвящено РУП и УСДРП. Из той же брошюры от автора, не склонного преуменьшать роли УСДРП, мы узнаем, как велики были связи укр. соц.-дем. с городским пролетариатом. К концу 1905 г. рабочие городские организации у РУП'а имелись в Киеве, Полтаве, Лубнах, Нежине, Белой Церкви и Прилуках. В этот же период, по уверениям автора, ко времени второго съезда РУП насчитывала до десяти тысяч организованных рабочих. Здесь нужно отметить, что делегаты на этот съезд были посланы от организаций, а не по числу организованных рабочих. Такое заявление о численности УСДРП можно приписать разве только партийным симпатиям автора или забвению прошлого. Во всяком случае, не в пролетарских центрах и не среди рабочих удалось набрать украинским соц.-дем. такое количество членов своей партии. В Киеве, где существовал киевский комитет УСДРП, укр. соц.-дем. имели немногочисленные связи среди ремесленных рабочих. На заводах они были целиком вытеснены РСДРП. В Полтаве, другом центре работы УСДРП, ее связи также ограничивались небольшими группами интеллигенции, причем доступ в железнодорожное депо и мастерские был для них

закрыт, так как связи с рабочей массой в 1905 и 1906 г.г. находились в руках с.-д. Таково было положение в 1906 году, когда автору этих записок приходилось сталкиваться с полтавской организацией УСДРП. В письме из Полтавы, попавшем в руки охранки и относящемся к лету 1906 года, одна из работниц УСДРП, обращаясь к Винниченко, давала такую характеристику работе РУП'а в Полтаве и Полтавской губернии „Нема ніякої організації, всюду страшений произвол"

Связи среди ремесленников и рабочих УСДРП в лучшем случае насчитывались сотнями, остальные тысячи являются просто-на-просто плодом их фантазии и дело идет здесь, очевидно, о связях на селе, где любого крестьянина, посещающего нелегальное собрание, нетрудно было для округления счета зачислить в свою организацию.

В 1906 году, во время переговоров о слиянии со Спилкой, представитель ЦК УСДРП был более скромен в своих подсчетах, называя другую цифру членов своей партии — всего четыре тысячи, тоже в круглых цифрах. Эта цифра также преувеличена, как и предыдущая, и относится, несомненно, главным образом, к селу, где проверить правдивость своих утверждений могли только сами украинские соц.-дем. Такое же состояние организаций УСДРП мы имеем ко времени выборов в вторую Гос. Думу. Спилка и Бунд организуют избирательные комитеты в губерниях и областное избирательное бюро в Киеве. Организованные параллельно с ними информационные социалистические бюро для облегчения связи и соглашений между социалистическими партиями включали представителей УСДРП, соц.-рев., сионистов-социалистов и еврейских социалистов. В Волынской и Подольской губерниях представители УСДРП в информационных бюро отсутствовали, так как организации и влияния УСДРП в этих губерниях не чувствовалось. По сохранившимся отчетам, в Волынской губ. укр. с.-д. имели свою организацию только в Острожском уезде. В Полтавской и Киевской губ. укр. с.-д. входили в информационные бюро, однако, их роль в избирательной кампании была очень невелика. Крестьянин Вовчинский, прошедший в Государственную Думу по Киевской губернии, единственный депутат, которого украинские соц.-дем. считали своим, был выставлен от имени Спилки, и она же в письме Главного Комитета (письмо № 1, январь-февраль 1907 г.) официально сообщала о его избрании,

как кандидата Спилки. По Киевской губернии, было сказано в письме, прошли кандидаты Спилки. Киреенко—интеллигент, Федоров — интеллигент, Сахно—крестьянин, Вовчинский — крестьянин, Гуменко — рабочий сахарного завода.

Слабость городских связей УСДРП и ее стремление сыграть активную роль в политической жизни в период 1905—1906 г.г. побуждали укр. соц.-дем. искать путей к сближению с РСДРП, что могло открыть им двери к доподлинным пролетарским организациям на Украине. Второй съезд РУП'а постановивший переименовать партию в УСДРП и принявший программу РСДРП, поручил своему ЦК защищать перед учреждениями всех партий и организаций следующие пункты: 1) УСДРП считается единственным представителем украинского пролетариата в партии. Посылает своих представителей на съезд и в ЦК РСДРП 2) УСДРП самостоятельна в своей деятельности, имеет право созывать свои съезды, избирать комитеты и ЦК, организовывать издательства, 3) высшей инстанцией для всех организаций является съезд РСДРП: 4) классовой борьбой всего пролетариата определенной местности руководит местная организация, которая составляется из представителей национальных организаций — федеративные комитеты (из резолюций второго съезда РУП'а).

В конце 1905 года, как мы видим, УСДРП перехватывает у Бунда принцип федеративного устройства партии и требование на монопольное представительство пролетариата, в справедливости чего начинал сомневатся в то время и сам Бунд. В числе прочих требований съезд принял также резолюцию о национальной автономии Украины (в этнографических границах).

На объединительном съезде партии, как известно, присутствовал представитель УСДРП с правом совещательного голоса. От ЦК укр. соц.-дем. на съезд был послан Порш-Чацкий. Прения по вопросу о вхождении УСДРП в партию продолжались на съезде недолго. Предложение Порша о передаче вопроса в комиссию для выработки проекта объединения с УСДРП на тех же основаниях, что и с другими национальными социал-демократическими партиями, был отвергнут. Было принято предложение о том, что дело объединения с УСДРП поручается Центральному Комитету.

Уже на объединительный съезд укр. соц.-дем. явились, очевидно, готовые поступиться значительной частью своих

программных требований. По крайней мере, через несколько месяцев после съезда, в переговорах на этот раз уже не с ЦК, а с Главным Комитетом Спилки, укр. соц.-дем. предъявили гораздо более скромные требования. Переговоры велись от имени ЦК УСДРП тем же Поршем в октябре-ноябре 1906 г.

„Из переговоров с представителем украинских соц.-дем. (заявлялось по этому поводу в письме Главного Комитета от 24 ноября за подписью Юрия Ларина) выяснилось, что они хотят соединиться с нами. Руководящим органом по всем политическим вопросам, кроме автономии Украины, в нашей области признается при этом Главный Комитет, составляемый из них и из нас. Участие в областных конференциях для них обязательно. Местным организациям, если они найдут нужным, предоставляется право сливать свои учреждения, комитеты на местах пропорционально избранные. Численность своей организации они считают в четыре тысячи человек“.

Здесь, как мы видим, дело идет уже не о праве на монопольное представительство украинского пролетариата и не о непосредственной посылке представителей УСДРП в ЦК партии, а о куда более скромных вещах. укр. соц.-дем. требуют себе автономии уже в пределах Спилки, а не партии. Идет торг о числе мест в Главном Комитете, для чего количество членов организации, как и полагается при торгах, указывается с запросом. В отношении местных организаций условно применяется тот же принцип, который был принят на объединительном съезде для Бунда.

Переговоры затянулись и не были доведены до конца. Они представляли для УСДРП несомненный интерес, особенно во время выборов во вторую Гос. Думу, которые проходили под влиянием Спилки.

На Полтавской губернской конференции Спилки в декабре 1906 года вопрос об объединении с УСДРП был поставлен попутно с избирательной кампанией, вероятно, по инициативе Ларина, который вел ранее переговоры с Центральным Комитетом УСДРП. Спилковские „практики“ и среди них „практически“ настроенный в то время Ларин, в своей брошюре о широкой рабочей партии защищавший единую организацию со всеми социалистами, включая соц.-рев., конечно, не из теоретических и высоко принципиальных соображений, медлили с признанием УСДРП. Конечно, некоторую роль для

спильчан играли прежние фракционные разногласия и подозрительное отношение к политической выдержанности новых союзников. Главное значение, несомненно, имело то обстоятельство, что новый союзник не представлял собой реальной силы.

Полтавская конференция единодушно признала желательность вступления украинских соц.-дем. в партию. „Рассмотрение представленного проекта объединения с украинскими соц.-дем., — гласила принятая резолюция, — откладывается за недостатком времени на январь, а губернским учреждениям поручается пока обсудить его и сообщить местным организациям. В виду несостоявшегося пока объединения, конференция признает покуда возможным участие украинских социал-демократов лишь в координационных и технических избирательных бюро, а не в составленных на пропорциональных началах избирательных комитетах РСДРП (циркулярное письмо Главного Комитета Спилки № 14, Киев, 21 января 1907 года). Мы видим, что вопрос о слиянии с укр. соц.-дем. откладывается, как и на объединительном съезде, по мотивам „недостатка времени“. Дело, очевидно, не только в бережливом отношении конференции к своему времени, но и в том, что вопросу о фактическом объединении с УСДРП придают, очевидно, второстепенное значение по сравнению с очередными задачами работы.

На третьем съезде УСДРП в конце марта 1907 года украинские соц.-дем., обиженные тем, что партия не уделила им достаточного внимания, вынесли по вопросу об объединении громовую резолюцию.

„Принимая во внимание, — заявляли они, — 1) что ЦК УСДРП сделал все, даже поступившись основными пунктами, принятыми на втором съезде, 2) что Стокгольмский съезд РСДРП пошел на определенные компромиссы с Бундом, латышами и социал-демократией Польши и Литвы, 3) что, признавая необходимость объединения с нашей партией, съезд только за недостатком времени не утвердил проекта объединения, поручив это дело ЦК, 4) что проект содержал в себе все пункты, которые были обусловлены, 5) что, не обращая внимания на это, ЦК РСДРП на предложение об объединении ответил предложением о полном слиянии с УСДРП, т. е. об уничтожении УСДРП и, нарушив постановление Стокгольмского

съезда, этим самым сделал объединение невозможным,—очередной съезд остается на основе второго съезда,—УСДРП входит в РСРДП как национальная организация украинского пролетариата, имеет свое представительство в ЦК РСДРП. Местные органы от сельских до областных, руководящие борьбой всего местного пролетариата, составляются на основе пропорционального представительства из делегатов национальных организаций. РСДРП признает автономию Украины". (Из резолюций третьего съезда УСДРП).

Несмотря на чрезвычайно решительный тон, взятый украинскими соц.-дем., переговоры о слиянии продолжали вестись в гораздо менее воинственном духе. Они были прерваны к тому времени, когда разгром Главного Комитета и усилившаяся реакция ослабили организации и вопрос об объединении потерял для укр. соц.-дем. прежнюю остроту.

## Работа на селе.

Как мы уже говорили выше, при массовом характере крестьянской работы Спилки, областная организация не имела вполне ясного и выдержанного взгляда на задачи своей работы на селе и на формы крестьянской организации. В рукописи, захваченной охранкой в 1906 году у А. Скрыпникова и озаглавленной „История Спилки и крестьянское движение в юго-западном крае" (от нее сохранились, к сожалению, только незначительные выписки из протоколов киевского жандармского управления), двойственность и спутанность позиции Спилки обнаруживается довольно ясно.

„Деятельность Спилки,—говорит автор рукописи,—носила двоякий характер—демократический и пролетарский. В первом случае Спилка повела широкую агитацию по составлению наказов в Гос. Думу для действительно демократической организации широких крестьянских масс, имея в виду на почве составления наказов и посылки делегаций в Думу наладить общение между ней и крестьянскими массами. Почти все наказы, идущие из Киевской и Подольской, отчасти Волынской, Полтавской и Черниговской губерний, составляются под влиянием спилковских организаций. Посылки делегатов в Думу наладить не удалось.

„Более живая работа—руководство экономической борьбой сельско-хозяйственных рабочих для организации сельского

пролетариата. Еще задолго до полевых работ на собраниях сельских рабочих, а не на общих сходах, избирались забастовочные комитеты, а затем из их представителей организуются районные забастовочные бюро. Это были первые чисто пролетарские организации деревенской бедноты, так сказать, зародыши профсоюзов"...

Как свести концы с концами, как увязать эти два момента деятельности — „демократический" и „пролетарский" — Спилке решить было не под силу. Затруднения обусловливались, конечно, и внешними объективными причинами. Объединительный съезд в резолюции об отношении к крестьянскому движению предлагал „создавать всюду, где только окажется возможным, самостоятельные социал-демократические организации сельскохозяйственных рабочих (пролетариев и полупролетариев), входящие в состав РСДРП, в то же время содействовать организации всего крестьянства". В политической борьбе съезд рекомендовал „выдвигать революционные требования крестьянства в форме наказов, приговоров и посылки депутаций во все общественные учреждения до Государственной Думы включительно". В области экономической борьбы съезд подтверждал, собственно, те формы движения, которые практиковались Спилкой, а именно, сельско-хозяйственные стачки с целью увеличения заработной платы поденных и сроковых рабочих, борьбу с высокими арендными ценами на землю, прибавив сюда ряд требований, указанных в Выборгском воззвании, — бойкот правительственных учреждений, отказ от дачи рекрутов. Кстати сказать, предложение о том, чтобы вопрос об отношении к крестьянскому движению был внесен в порядок дня съезда, было поставлено представителем Спилки — Самойловичем (Меленевским).

Выделить сельскую бедноту — пролетариев и полупролетариев — и противопоставить ее нарастающей сельской буржуазии, борьба с которой затушевывалась, как указывал съезд, общим гнетом крепостничества, — было совсем не легко. Выступления крестьян в форме экономических стачек, за которыми скрывалась борьба за помещичью землю, далеко не всегда могли помочь такому выделению сельской бедноты. Как уже указывалось выше, во время сельско-хозяйственных стачек крестьяне, обычно, действовали сплошным фронтом, постановления о забастовках выносились нередко всем сходом. В таких

районах, где беднота представляла собой подавляющее большинство, социал-демократические организации закладывались легче и пользовались большим авторитетом. Так, в Сквирском уезде на двести тысяч крестьян приходилось всего сто тридцать шесть тысяч десятин земли, остальные сто сорок одна тысяча десятин находились в руках 208 помещиков. Беднота — батраки и экономические рабочие—составляли большинство крестьянского населения уезда. Революционное движение свило поэтому в сквирском районе прочное гнездо. Но и здесь провести водораздел между бедняцкими и зажиточными слоями села было трудно, ибо беднота без особого сопротивления вела за собой все крестьянство.

Спилка начала работу на селе, когда форма движения — экономические стачки — уже определилась. Она приняла эти формы, как факт, и с своей стороны пыталась только расширить забастовочное движение, придать ему более организованный характер и политически (вернее, пропагандистски, редко делая отсюда действенные выводы) объяснить крестьянину связь между его положением, его нуждой и царским произволом.

Нельзя сказать, чтобы попытки поднять восстание на селе не делались. В октябрьские дни 1905 года комитет Спилки вместе с провинциальным Бюро решает принять все меры к тому, чтобы форсировать крестьянское движение. На заседании комитета под председательством Кириленко выносится постановление о рассылке агитаторов в районы, чтобы вызвать на местах восстания крестьян и этим оказать поддержку борьбе городского пролетариата. Еще раньше, в районе Фастова и Василькова, Спилка приступила к организациии боевых дружин, в которые входили рабочие и крестьяне. Комитет Спилки связывается с киевской военной организацией, в которую входил Александр Ванновский, бывший офицер. Через киевскую военную организацию комитет Спилки добывает и снабжает места оружием и бомбами. В некоторых районах в октябрьские дни удается вызвать крестьянское движение настолько сильное, что власть в уезде на короткое время переходит в руки революционеров. Так, по словам Виктора Мазуренко, в дни октябрьской жел.-дор. забастовки было поднято восстание в Золотоношском уезде, Полтавской губернии, куда он был командирован. Связи с селом дала бундовская

городская организация. Из ряда сел к Золотоноше двинулась многотысячная толпа крестьян. Крестьяне к вечеру подошли к городу, где были с факелами встречены бундовской организацией. Повстанцы разбили тюрьму и выпустили заключенных, разгромили полицейский участок, причем было убито два местных шпика. В одном из волостных правлений были уничтожены все бумаги, касающиеся платежей, налогов и крестьянских повинностей. Полиция и небольшой гарнизон, около 60 человек, заперлись в помещении, где находился воинский начальник. Толпа осадила здание. После первого же залпа осаждавшие разбежались. Крестьяне разошлись по своим деревням, город, однако, еще несколько дней оставался без „законной“ власти, в руках бундовской организации.

Успешное восстание произошло также в Лубнах. Под руководством Павла (кличка) было произведено нападение на земский съезд, созванный земским начальником. Повстанцам удалось захватить оружие и терроризировать на некоторое время местную полицию. Выступления, которые привели к безвластию на местах, к временному замешательству полиции, когда фактической властью на 1 — 2 дня оказывались революционеры, имело место в ряде уездов и городов — в Киевской губернии (Белая Церковь), в Черниговщине (Клинцы) и т. д. Организация, бросившая в массы лозунг вооруженного восстания, ясно не представляла себе, как он должен проводиться в жизнь, что делать в следующий момент после того, как сопротивление полиции преодолено, когда власть нужно взять в руки. Характерно, что в той же Золотоноше причиной, вызвавшей уход крестьян из города, был не только залп по толпе, но и первые слухи об обнародовании октябрьского манифеста.

Вопрос о власти не был поставлен не только в местечках и провинциальных городах, служивших базой для пропаганды на селе, но и в крупнейших пролетарских центрах. Именно этим можно объяснить, что исключительное по своему размаху революционное движение на украинском селе в 1905 и 1906 годах не было политически осмысленно и использовано.

Основными сельско-хозяйственными кампаниями, которые проводила Спилка, были стачки во время весенних полевых работ, при перекопке бураков, во время сенокоса, уборки.

урожая и осенней копки бураков. В своих подпольных типографиях (в Киеве в 1906—1907 годах. Спилка имела свои типографии, пользуясь в случае нужды и типографией киевского комитета, в Полтаве в 1907 г. имелась крупная общепартийная типография, исполнявшая и заказы Спилки) она печатала в десятках тысяч экземпляров прокламации, приуроченные к отдельным сельско-хозяйственным кампаниям. Так, в отчете Главного Комитета Спилки, найденном при обысках думской фракции и относящемся к апрелю 1907 г. указано, что за период приблизительно в полтора месяца было выпущено: майских листков — 55.000, о полевых работах — 65.000, требований к ним — 80.000 и т. д.

Находясь в центре сахарной промышленности, Главный Комитет имел возможность вырабатывать практические требования для стачек и выбирать моменты наступлений. В том же отчете имеются указания, что Главный Комитет, в ответ на готовящийся локаут сахарозаводчиков, разрабатывал план совместного выступления рабочих сахарных заводов и свекловичных плантаций для борьбы с промышленниками.

Свои прокламации, предназначенные для села, Спилка, обычно, писала весьма обстоятельно; подробно и образно описывалось тяжелое положение батрака, его зависимость от пана и связь пана с царем и царским чиновником. Прокламации заканчивались в большинстве случаев практическими выводами, — как провести стачку и какие требования должны быть предъявлены панам и управляющим. Интерес этих прокламаций заключается и в том, что они в общих чертах дают верное представление, как протекали стачки на свекловичных плантациях и в экономиях.

Вот заключительная часть одного из листков Главного Комитета Спилки, выпущенного в 1906 г. к осенней кампании копки бураков.

„Идет осень, а за ней зима, кончаются главные сельские работы, и кто не припас куска хлеба за рабочее время, к тому голод и холод заглянут в хату. Но горе в том, что паны не дают припасти, что они все время тянут с рабочего все соки, что они все то, что сотворено рабочим трудом, берут себе. Надо хотя бы на бураках немного взять от панов из того дохода, который они тянули весь год с нас, надо хоть немного поднять плату. И чтобы добиться лучшей платы,

надо обсоюзиться всем скорее. Уже добились рабочие на жнива дешевле снопа и большей платы, где дружно стояли, где были забастовочные комитеты и забастовки. Без союза, без забастовочных комитетов и без забастовок не уступят и теперь паны. Только силой можно заставить панов уменьшить немного грабеж. А сила рабочих—в союзе, в комитетах, забастовках. Выбирайте на общем собрании рабочих мужчин и женщин, поденных и сроковых, по одному или по два человека от кутка или по одному от каждой сотни рабочих; эти выборные и составят сельский рабочий комитет. Все сельские забастовочные комитеты должны избрать по одному человеку в общий комитет для всего округа. В таком рабочем союзе вся наша сила. И силой, союзом потребуем такой платы: за мерныцю один рубль пятьдесять коп., а мерныця весом не больше пятидесяти пудов; от пуда копать по три коп. за пуд, поденно — рубль в день. Работать восемь часов в день. Всем рабочим — хорошие хозяйские харчи. Прикавчики — не панские, а выборные от рабочих. Вот главные наши требования. Ни копейки дешевле, ни часу больше не отдавать панам. А если не хотят согласиться, пусть остановится вся работа, всем тогда забастовать. Пусть лучше мороз покопает бураки, чем мы даром будем добывать панам золото, пусть лучше разорятся богатые лентяи, чем мы и наши дети будем вечно голодать. Довольно пить панам рекой кровь рабочих и жить чужим трудом...“

Так же элементарно, применительно к уровню малосознательного батрака и батрачки, составлена и другая прокламация „К рабочим сахарных заводов“ (выпущена в июне 1907 г.). Прокламация скорее напоминает большую статью в массовом журнале. В ней дается оценка политического положения, рассказывается, сколько зарабатывает сахарозаводчик на пуде сахара, почему он не хочет сделать ни малейшей уступки рабочему, и заканчивается все тем же выводом — нужно объединиться для предстоящей борьбы с хозяевами.

„Начинайте устраивать,—призывает прокламация,—профессиональные союзы, товарищества, заводские комитеты из надежных товарищей, которые не продадутся и сумеют повести ваше дело. Рабочие сильны только тогда, когда они дружны, организованы, когда они действуют сообща, а не в разброд. Тогда и хозяева их боятся и идут на уступки

Итак, товарищи, объединяйтесь, организуйтесь. А придет осень, пойдут заводы—мы потягаемся с нашим врагами—сахарозаводчиками, мы заставим их уступить, и не помогут им ни их богатство, ни верный союзник — царское правительство против дружного натиска организованных рабочих".

Прокламации Спилки, несмотря на их пространность, легко усваивались крестьянами и к великому неудовольствию управляющих и полиции цитировались довольно подробно и часто крестьянскими представителями и в речах и в требованиях, предъявляемых во время стачек.

Забастовочное движение на селе, несомненно, улучшило положение сельско-хозяйственных рабочих и сельской бедноты. По данным „Торгово-Промышленной Газеты", средний заработок сельско-хозяйственного рабочего на юге поднялся в 1905 г. на 25% — до 76 коп. для рабочего и 35 — 55 коп. для работницы. На некоторых сахарных заводах и свекловичных плантациях вместо 12-часового рабочего дня в две смены был введен 8-часовой в три смены. В Черниговской губернии во многих местах был введен для сельско-хозяйственных рабочих 8-часовой рабочий день зимой и 9-часовой летом. Месячные заработки постоянного рабочего колебались в пределах 13 — 18 рублей на своих харчах и 8 — 11 рублей на хозяйском содержании. Заработок работницы был гораздо ниже 7 — 8 р. на своих харчах и не свыше 5 рублей на хозяйских. После 1905 года средний заработок, по данным той же „Торгово-Промышленной Газеты", поднялся до 20 рублей в месяц. По другим данным, приведенным органом УСДРП „Слово" (№ 4 — 1907 г.), заработки сельско-хозяйственных рабочих в экономиях в 1906 году увеличились на 50%, от урожая шел четвертый, а не седьмой сноп, как бывало раньше, рабочий день во многих местах понизился до восьми-девяти часов.

Уступки, добытые сельско-хозяйственными рабочими и батраками, были, конечно, вынужденными и диктовались главным образом, страхом перед растущим революционным движением на селе, которое далеко не всегда носило мирный характер.

Давление на помещика имело и другие результаты. Это можно видеть по мобилизации земельной собственности, начиная с 1905 — 1906 г. Часть помещиков крестьянам удалось спугнуть с насиженных мест.

Но уже к 1907 году положение начинает меняться в сторону, неблагоприятную для сельских батраков и рабочих. Легальных профессиональных союзов на селе создать не удалось, да они все равно были бы разбиты реакцией в первую очередь. Нелегальные сельские ячейки были разрознены и не способны к длительному и дружному отпору. В связи с голодом, из России на Украину в 1907 году хлынули крестьяне из голодающих губерний. В том же году частичный неурожай поразил Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии. Начиная с 1907 года усиливается крестьянская переселенческая волна в Сибирь. В 1908 году Киевщина дала свыше 28 тыс. переселенцев, Черниговщина — свыше 40 тыс., Полтавщина — около 29 тыс. Здесь сказалось влияние земельной реформы Столыпина и его ставки на крепкого мужичка. От страхов 1905 года первыми оправились сахарозаводчики. Забастовки летом 1907 года носят еще довольно широкий характер и проходят с переменным успехом. К осени положение меняется. Так, забастовка на киевском рафинадном заводе, где работало около полуторы тысяч рабочих, оканчивается победой хозяев. Рабочие вынуждены были стать на работу, причем сто двадцать из них сами оставили завод, а пятнадцать были рассчитаны администрацией. В Сумском уезде, на крупнейшем заводе, принадлежащем Харитоненко, также неуспешно закончилась забастовка, вызванная требованием об увеличении зарплаты и понижении числа рабочих дней в месяц. Три тысячи рабочих были рассчитаны, а затем приняты обратно на прежних условиях. Из мести был подожжен завод и сушильни.

Сельско-хозяйственные забастовки все же не прекращались. В Каневском уезде на свеклосахарных плантациях Мироновского завода в мае 1907 года происходит забастовка, рабочие требуют прибавки в 15 коп. к 30-копеечной поденной плате. Ряд забастовок происходит весной и летом 1908 года и в других районах, — в Киевской губернии (в Звенигородском и Бердичевском уездах,) в Старо-Константиновском уезде Волынской губернии и т. д. Забастовки носят оборонительный характер и заканчиваются обычно массовыми арестами крестьян.

В стачечной борьбе на селе, которой руководила Спилка в 1906—1907 г.г., ее лозунги были довольно определенными

и не выходили в общем за пределы экономических требований. Революционная энергия сельского пролетариата, батрачества и примыкающей к нему значительной части крестьянства не была развязана, что объяснилось, как мы говорили выше, общим характером городской революции, не вступившей в стадию непосредственной борьбы за власть.

Посмотрим теперь, как подходила Спилка к вопросам политической борьбы и организации крестьянства.

Основными политическими вопросами, с которыми Спилке приходилось идти в деревню, были выборы в Гос. Думу и наряду с этим попытки политически организовать крестьянство как на основе избирательной кампании, так и вокруг Гос. Думы. Октябрьские дни и осенние забастовки 1905 года прошли на украинском селе стихийно. Выборы в первую Гос. Думу проходили под знаком бойкота. Только в некоторых районах, как, например, в Херсонской губернии, имели место перевыборы волостных сходов по инициативе сельских работников.

Широкую политическую кампанию Спилке, таким образом, удается развернуть только к выборам во вторую Гос. Думу. Более подробно мы коснемся вопроса об этой кампании в особой главе. Здесь мы хотим, главным образом, отметить, с какими лозунгами подходила Спилка к селу и как представляла она себе организацию крестьянства.

В обращениях к крестьянству Спилка, обычно, избегает полемики с с.-р. и противопоставления им себя. В прокламации „О земле", выпущенной в 1906 году, излагается аграрная программа соц.-дем. (муниципализация) и рядом с ней социализация, как ее мыслят с.-р. без единого слова критики этой программы и защищающей ее партии. В прокламации „К избирателям от социал-демократов" и „Кого избирать в Гос. Думу", Спилка призывает крестьян голосовать за социал-демократов, потому что они борются за „землю и волю", потому что социал-демократы" учат крестьян, как уменьшить аренду, как увеличить заработную плату, несут свет и понимание в деревню", и наконец, потому, что социал-демократическая партия—рабочая и самая надежная".

Конечно, слово „социализм", обобществление фабрик, заводов и земли упоминается в политических обращениях к крестьянам, но не на них делается ударение. В одном из циркулярным

писем Главного Комитета Спилка, говоря о пропаганде на селе и демократических требованиях соц.-дем., выражает пожелание, чтобы крестьянам все же разъяснялось, что лучше всего им голосовать за социал-демократов. Авторы письма, очевидно, не уверены в том, что крестьянство в борьбе за землю и волю должно пойти именно за социал-демократической партией.

Как мы видим, несмотря на массовую работу на селе, Спилка, обращаясь к крестьянству, рассматривает себя скорее, как партию городского пролетариата, стремящуюся связаться с селом и опереться на него в политической борьбе. Чтобы доказать крестьянству свою связь с ним, Спилка, обычно, ограничивается указаниями на то, что она руководит сельскими забастовками, ведет борьбу за 8-часовой рабочий день и прочие экономические требования.

Ниже мы приводим выдержки из письма волынского избирательного комитета Спилки. Письмо составлено при участии членов Главного Комитета и сравнительно полно излагает взгляд Спилки на задачи избирательной кампании на селе и на организацию крестьянства.

„...Развивая нашу социал-демократическую программу, — говорится в письме,—мы должны сконцентрировать все недовольство, всю накопившуюся революционную энергию села и его внимание на избирательной борьбе, на искоренении черной сотни, проведении выборщиками лучших крестьян — борцов за землю и волю, и на организации в процессе выборов широких сельских масс. Здесь перемешиваются задачи социал-демократические с демократическими, но это не должно нас смущать".

Далее авторы письма переходят к вопросу о значении работы среди сельского пролетариата. „Лишь на юго-западе, пишут они,—процесс пролетаризации села начинает уже определяться, и уже пролетарская борьба начинает заглушать все остальное, перестраивая крестьянское мышление и создавая прочную базу для социал-демократии. Процесс этот идет быстро, и на место земли встает 8 часовой рабочий день. Высокая плата, на место разрушения (аграрный террор—*А.Р.*)— забастовочная борьба. Все это надо помнить и выяснить себе в деталях на месте, чтобы не делать промахов, чтобы быть понятым и идти впереди движения. Но работать надо везде,

каковы бы ни были экономические отношения, на каком бы уровне ни было сознание. К этому нас призывает революция и дело победы демократии и то, что эта победа проложит путь к социализму".

Как же должна вестись эта работа? — „Одна из самых важных наших задач,—говорится в письме волынского избирательского комитета,—это образование в селах наряду с широкими демократическими организациями еще определенных социал-демократических ячеек (комитетов, союзов и проч.), через которые мы могли бы влиять на всю массу, вести пропаганду и откалывать к нашей партии все могущие стать на пролетарскую точку зрения элементы (сельскую бедноту), и мы не должны этого забывать, это наша основная работа. Ячейки эти легко создать из нескольких сознательных людей, на первое время даже не социал-демократов, а лишь сочувствующих. Ведя с ними беседы и снабжая это ядро библиотекой, не трудно будет образовать нечто более сильное". Далее, в качестве оправдавшей себя формы работы, выдвигается устройство крестьянских конференций, которые помогают связывать движение и дают возможность обслуживать одному пропагандисту большой район".

В приведенных нами выдержках дан, собственно, план организационной работы Спилки среди крестьян, основанный на всем ее практическом опыте. Этот свой план Спилка кладет в основу избирательной кампании Государственной Думы.

Избирательный закон давал право сельским обществам переизбирать до выборов волостные сходы, избиравшие уездных уполномоченных. Перевыборы волостных сходов имели большое значение для успеха пропаганды на селе и для развертывания избирательной кампании. Они давали возможность придать организационный характер партийной агитации уже с низовой сельской ячейки, обновить состав сходов и заменить на них черносотенные элементы революционно настроенными крестьянами. Наконец, они давали возможность бедноте добраться до общественных должностей и обходить сенатские разъяснения, лишавшие избирательного права крестьян не-домохозяев.

Борьба за перевыборы волостных сходов должна была послужить основой для создания крестьянских демократических организаций.

Вот что говорит по этому поводу уже цитированное нами письмо волынского избир. комитета. „Перевыборы схода обеспечат во многих случаях избрание революционно-настроенных выборщиков. Но это не все. Самое главное это то, что в таких случаях в выборах будет участвовать не один только волостной сход, а все село, и это даст нам возможность заставлять всю сельскую массу выдвинуть перед ними ряд животрепещущих вопросов, ознакомить их с рабочей партией и задачами пролетариата, с нашим взглядом на роль Думы и роль народа. Это даст нам возможность... сплотить всю сельскую бедноту в демократическую организацию (находящуюся под нашим влиянием) через социал-демократическую ячейку, через „сельский избирательный комитет“ и дать потом уполномоченным на волостной сход соответственный наказ. При широкой агитации возможно образование в большинстве сел каждой местности сельских комитетов, сплоченных в один волостной комитет, потом образование из выборных волостных комитетов уездного комитета и, наконец, установление прочной связи этих широких массовых организаций с депутатами и нашей думской фракцией. К созданию такой опоры в массах мы должны всеми силами стремиться; этого требует дальнейший успех революции, возможность осуществления, захвата власти на местах народом и в Петербурге думским революционным ядром“.

Такой стройный план организации крестьянства был, конечно. только идеалом. Но все же проделанная работа на селе была огромной. Крестьяне охотно шли на организацию сельских комитетов. Так, в Волынской губернии, более отсталой по сравнению с другими, спилковским агитаторам без особенного труда удавалось закладывать крестьянские избирательные комитеты.

Один из таких агитаторов в письмах-отчетах о поездке по крестьянским районам Волыни дает картинки предвыборной кампании на селе и организации крестьянских комитетов.

„В селе Константинове (вблизи гор. Староконстантинова),— пишет он,—удалось собрать человек пятьдесят лучших, влиятельнейших крестьян. Говорили о Думе, о социализме, о небходимости организации. Мне кажется, нигде так жадно не слушали наших речей, как тут... После довольно интересных дебатов крестьяне согласились и выбрали избирательный комитет из пяти энергичных и славных людей; которые взяли

обязанность оповестить и другие села". В другом селе, Свечном, на собрании в несколько десятков человек крестьяне долго спорили, указывая, что Дума им ничего не даст, но в результате и они выбрали избирательный комитет.

Конечно, крестьяне, участвовавшие на Волыни в большинстве нелегальных собраний, были только революционно-настроены и о социал-демократах имели очень слабое представление. Иначе обстояло дело в других крестьянских районах Спилки. Некоторые из них покрылись сплошной сетью сельских избирательных ячеек. Достаточно вспомнить о сквирско-васильковском районе и о Глуховском уезде, в котором во время избирательной кампании,—как сообщал Ларин в циркулярном письме,—было образовано 650 сельских избирательных ячеек и 15 районных социалистических комитетов. Организационный план Спилки, очень стройный в смысле отсутствия в нем формальных противоречий и недочетов, оказался на деле неосуществимым. Демократические крестьянские организации были созданы только в волостном масштабе и после выборов активной роли не играли. Уездных организаций создать не удалось. Объединяющую роль вынуждены были играть районные и городские комитеты и ряд конференций с участием представителей сельских ячеек. В декабре 1906 г. и в январе 1907 г. такие конференции происходили повсеместно в районе Спилки.

Не удалось выполнить и другую часть плана—установить крепкие связи между массовыми крестьянскими организациями, с одной стороны, и депутатами и социал-демократической думской фракцией — с другой. Правда, во время выборов и вскоре после них движение в селах и местечках на небольшой сравнительно срок вышло из подполья и приняло массовый характер. Интересны в этом отношении проводы депутатов в Думу. В день отъезда в Думу Сахно, депутата-крестьянина Сквирского уезда, в Фастове собрался многотысячный митинг из городских жителей и крестьян окрестных сел. Произносились речи, и тут же по рукам ходил спилковский наказ, который присутствовавшие подписывали.

Приезд другого депутата, Ивана Киреенко, в Уманский уезд в апреле 1907 г. отмечен также рядом многолюдных митингов. О митингах в местечке Тальном сохранилась память, благодаря судебному процессу, который полиция возбудила

впоследствии против ряда „зачинщиков“ крестьян. По словам обвинительного акта, несметная толпа запрудила местечко, и дело дошло до столкновения со стражниками. Проводы других крестьянских депутатов носили такой же характер. Провожать собирались огромные толпы из окрестных сел, тут же передавались и подписывались наказы, а местная полиция, окончательно растерявшаяся и не имеющая к тому же определенных инструкций от высшего начальства, пыталась временами задерживать „зачинщиков“ или ограничивалась наблюдениями на предмет арестов в более подходящий для нее момент.

На селе депутатская „неприкосновенность“, однако, мало смущала стражников и полицию, и здесь „крамольные“ выступления приехавших на побывку депутатов пресекались, обычно, без всяких колебаний. Уже в феврале 1907 года было возбуждено дело против депутата Красилюка, крестьянина Чигиринского уезда. У него в селе Каменке нашли 830 экземпляров спилковской прокламации „О земле“ и спилковский наказ.

У другого крестьянского депутата Киевской губернии, Литвиненко, также была найдена спилковская литература. Литвиненко избежал суда, заявив, что прокламации и литературу дали ему неизвестные „Грицько“ и „Николай“ (члены Главного Комитета, фамилии которых он, действительно, не знал. — *А.Р.*) и член Государственной Думы Киреенко. В свое оправдание Литвиненко привел то обстоятельство, что указанные лица заставили его взять литературу, угрожая бомбами, и что сам он этой литературы не читал. Против депутата Чоповенко, избранного от крестьян Бердичевского уезда, в феврале 1907 года было возбуждено преследование за участие в составлении приговора в селах Васильковцы и Спиченцы и за распространение спилковской прокламации „О земле“. Осужденный на год крепости, Чоповенко подал на высочайшее имя просьбу о помиловании, в которой ему, однако, было отказано.

Полиция уже с весны 1907 г. вплотную взялась не только за членов Гос. Думы, но и за крестьянских выборщиков, подвергая их административной высылке. Значительная часть крестьян-депутатов попала под влияние Спилки.

Об этом можно судить и по найденной у них литеритуре, и по наказам, которые вручались им и посылались с мест.

Для того чтобы осуществлять связь с местами и вести революционную работу — служить ее центром, как полагала Спилка в своих планах. крестьянские депутаты оказались мало пригодными.

В Думу прошли в большинстве мало подготовленные, не искушенные в революционной работе крестьяне. Единственный депутат Сахно, признавший себя определенно социал-демократом, оказался неустойчивым, и во время процесса думской фракции, благодаря своему поведению на суде и раскаянию, добился царской милости—ссылки на поселение, вместо каторги.

Нужно сказать, что полиции местами удалось устранить от выборов наиболее революционных и сознательных крестьян. Так, в Сквирском уезде были просто-напросто прогнаны с уездного съезда уполномоченных Петр Зима (спилковский делегат на Лондонском партийном съезде) и три-четыре других крестьянина социал-демократа, руководивших работой в районе. Полиция оставила тех, кого она считала безвредным, и была удовлетворена, когда после выборов все избранные крестьяне назвали себя умеренно правыми. Среди этих „умеренно правых" был и Сахно. Думские депутаты, как мы видим, не сыграли той роли, которую, по предположениям Спилки, они должны были сыграть. Этому помешал и полицейский террор, и состав самих депутатов. Крестьянское движение, широко распространившееся во время и непосредственно после избирательной кампании, стало сходить на-нет. Спилка к этому времени весь центр тяжести своей политической работы на селе переносит на кампанию наказов и обращений в Думу.

Наказы, предлагаемые Спилкой на сельских сходах и собраниях, были в большинстве своем однотипны. В них популяризировалась программа-минимум с.-д. и прибавлялись такие революционные требования, как политическая амнистия, отмена смертной казни, военно-полевых судов и исключительных положений, немедленная отставка и предание суду министров и других чиновников, виновных в преступлениях перед народом (наказы Гуменко, Сахно и другим депутатам). Наказы покрывались сотнями подписей и крестов, как часто подписывались крестьяне, вручались депутатам непосредственно или посылались в Гос. Думу. Как повод и средство для революционной

агитации, наказы были, конечно, пригодны. Но как форма действенного общения, как нечто, организующее массы, они имели небольшой удельный вес.

На печальной судьбе своих депутатов крестьяне убеждались в бессилии Думы и в отсутствии практической пользы от посылаемых в Думу наказов, требующих земли для народа и уничтожения полицейского произвола. Именно этим можно объяснить бойкотистское настроение среди крестьянства к выборам в третью Думу.

Многие крестьянские сходы в Киевской, Волынской, Подольской и Черниговской губерниях не состоялись. Особенно сильно было бойкотистское настроение в Сквирском уезде, где политическая активность крестьянства в период 1905—1906 г. была очень велика. Такое же явление наблюдалось и в некоторых уездах Полтавской губернии. Так, в Диканской волости, как передает „Слово“ (№ 20 за 22 сентября 1907 г.), волостной сход для выборов уполномоченных так и не удалось созвать, несмотря на то, что за уклонение на крестьян дважды накладывался денежный штраф.

Другим следствием разочарования крестьян в Думе и в прежних методах борьбы явилось усиление влияния с.-р. в деревне. В отчете Главного Комитета Спилки, относящемся к весне 1907 года, сообщается о том, что в районах начинают усиливаться с.-р, которые „посадили в области массу профессионалов“.

Как на пример, указывается на такие факты, что в одном только белоцерковском районе у с.-р. имелось пять профессионалов, в глуховском — два, и т. д. С тревогой авторы отчета сообщают и о другом явлении — что „на железной дороге начинают дурить большевики“ (из письма Главного Комитета Спилки, найденного при обыске у депутата Озоля).

Из других кампаний, проводимых Спилкой на селе, следует упомянуть еще о рекрутском наборе. Выборгское воззвание, призывавшее народ к пассивному сопротивлению, на местах, как известно, не вызвало ответного движения. Отказ платить налоги и давать рекрутов был осуществим только в моменты непрерывного нарастания революции, с наступающей же реакцией такой отказ превращался в отдельные демонстрации, которые влекли за собой репрессии и не могли объединить крестьянских масс. Спилка, обычно, к каждой

рекрутской кампании выпускала свои листки, на селе на базарах уездных городов устраивала митинги крестьянской молодежи. Осенью 1906 года лозунг прямого отказа от дачи рекрутов был отброшен Спилкой.

В циркулярном письме от 1 октября 1906 года Главный Комитет дал следующую директиву по этому поводу: „Центральный Комитет партии, как известно, отказался дать директивы (по вопросу о даче рекрутов.— *А.Р.*) и предоставил решение этого вопроса исключительно на усмотрение местных организаций. Тем не менее, Главный Комитет раньше нашел возможным высказаться за отказ от дачи рекрутов... Мы учитывали, в частности, настроение крестьянства в районе Спилки, которое, казалось, благоприятствовало такой тактике... Но, рекомендуя такой лозунг, мы меньше всего думали о частичных выступлениях".

Исходя из того, что рекрутский набор данного года должен сыграть громадную роль в революционном движении, Главный Комитет рекомендовал ограничиться письменной агитацией, распространением листков и литературы. Далее Главный Комитет предлагал еще до набора провести массовки из рекрутов, агитируя за то, чтобы они, будучи призваны на военную службу, подняли оружие за народ. Рекомендовалось также звать крестьян на призывные пункты, здесь устраивать общие митинги и манифестации, на которых рекруты должны были давать клятву, что они не будут стрелять в народ.

Рекрутская кампания 1906—1907 г. г. была средством, которое давало возможность широко развернуть революционную агитацию среди крестьянства. Толпы рекрутов, являвшиеся в уездные города и внушавшие немалый страх местным властям, были вполне подходящим материалом для такой агитации. Насколько помнится, дело ограничивалось одной только агитацией в дни набора, и связи с рекрутами не использовывались для того, чтобы заложить впоследствии ячейки в воинских частях.

К заслугам Спилки нужно отнести и то, что она впервые перенесла празднование 1 мая на украинское село.

## Выборы во вторую Государственную Думу.

Душой избирательной кампании во время выборов во вторую Государственную Думу был, несомненно, Ларин,

приехавший осенью 1906 г. в Киев. В Главном Комитете к тому времени, помимо кооптированного Ларина и Николая Ткаченко, находились Басок-Меленевский, Грицько Долженко, Иван Киреенко, Станислав Завадский, Александр Подольский (Гойхберг). Полтавские работники только впоследствии связались со Спилкой и дали своих представителей в Главный Комитет. От Полтавы был привлечен Виталий (Перекрестов), вошедший на короткий срок в состав Главного Комитета. П. Л. Тучапский, бессменный член Главного Комитета, к тому времени отсутствовал. Другой член Главного Комитета — Скоропись-Елтуховский — был делегирован на южно-русскую конференцию в Харькове, на которой провалился вместе с прочими членами конференции.

Центральная работа по переговорам с другими партиями, по заключению предвыборных соглашений почти целиком легла на плечи Ларина. Другие члены Главного Комитета осуществляли связь с районами, проводя все время в непрерывных разъездах.

Район Спилки был одним из немногих, где имели место блоки социал-демократов с буржуазной оппозицией „не правее кадетов“. Влияние на селе и в десятках уездных городов было достаточным козырем в руках Главного Комитета, чтобы в Киеве могли вестись переговоры не только в масштабе Киевской губернии, но и всей области Спилки.

В октябре — ноябре 1906 года Главному Комитету удается поставить свою типографию для массового издания избирательных листков и литературы. При Главном Комитете организуется особая группа содействия, усиливается секретариат. К агитационной работе привлекается ряд легальных работников, согласных объезжать районы. Группа спилковских профессионалов была очень немногочисленной и не в состоянии была охватить всей области. Для разрешения вопроса о недостатке пропагандистских сил Главный Комитет проектировал даже организацию кратковременной школы для агитаторов. Проект не был осуществлен из-за недостатка средств. Чуть ли не каждую неделю местным организациям рассылались обстоятельнейшие циркуляры с указаниями, как должна проводиться избирательная кампания, и с отчетами о ходе работ. Во всех районах в период от ноября по январь были созваны районные и местные крестьянские конференции. Вместо общеспилковской

конференции, в начале ноября удалось созвать на совещание только представителей важнейших районов. На совещании был рассмотрен план избирательной кампании и были подтверждены полномочия Главного Комитета.

В первую очередь, Главный Комитет вошел в соглашение с Бундом, вместе с которым он организовал областное избирательное бюро РСДРП, обслуживавшее пять губерний района Спилки. Общая работа сблизила Спилку с Бундом и в центре и на местах. Представители Бунда вошли в Главный Комитет с совещательным голосом. Крепче связалась Спилка и с областной железнодорожной социал-демократической организацией, которая делегировала в Главный Комитет своего работника. Киевский комитет принял предложение Главного Комитета о координировании с ним всех избирательных соглашений. За руководством в избирательной кампании обратился к Главному Комитету и гомельский район, который с этого времени организационно входит в Спилку.

Наряду с областным избирательным комитетом, имеющим право самостоятельных выступлений и фактически руководимым Главным Комитетом, избирательные комитеты губернские и уездные организуются во всем районе Спилки. Для координирования действий всех социалистических партий, по инициативе Главного Комитета были образованы областные и местные социалистические информационные бюро, в которые входили представители с.-р., сионистов-социалистов, еврейских социалистов и УСДРП.

Вопрос о предвыборных соглашениях с буржуазной оппозицией был разрешен не сразу. По отношению к кадетам и равноправцам (дергрейхеры) Спилка занимает вначале колеблющуюся позицию.

„Что касается блока с кадетами, — заявляет Главный Комитет в письме к местным организациям (циркуляр № 7, октябрь 1906 г.), т. е. выставления по городской курии соединенных списков их и наших кандидатов, то такой блок Главный Комитет, как и все, насколько известно, организации нашей партии, считает недопустимым и ненужным практически. Там, где наше положение безнадежно, лучше вовсе не выставлять своего кандидата, если это может разбить голоса оппозиции, привести к торжеству правых, чем ради проведения своего кандидата кадетскими голосами агитировать за кадетов“.

Вместо соглашения с кадетами, Главный Комитет предлагает особый избирательный прием — выставлять от имени рабочих хотя бы неполный список кандидатов в выборщики, где нет надежды собрать большинство голосов. „Раз от имени рабочих, — говорится в письме, — выставляется только один выборщик из двух или трех, подлежащих избранию, то найдется много обывателей, которые без всяких блоков, пополняя списки своих кандидатов, внесут в них и нашего... При этом способе устраняется неизбежное при блоке затемнение и спутывание сознания, а опасность разбивки голосов и прохождения правых сводится к минимуму“.

Вместо соглашения с буржуазной оппозицией, Главный Комитет в том же письме рекомендует обратить внимание на возможность блоков с с.-р. и другими социалистическими партиями, оставляя за собой право утверждения каждого из состоявшихся на местах соглашений.

Аппетит приходит во время еды. Вместе с развертыванием предвыборной кампании вопрос о роли социал-демократов и о завоевании наибольшего числа мест начинает сказываться на предвыборных маневрах и расчетах Спилки. Не имея опыта предыдущих выборов, Спилка даже там, где у нее были крепкие организации, все же не была уверена в настроениях обывательской массы и в исходе выборов. Уже к концу ноября решающим моментом в вопросе о соглашениях с буржуазной оппозицией выдвигается наличие черносотенной опасности и необходимости борьбы с правыми, чтобы „изолировать реакцию в Думе“.

Вполне единогласно основы таких соглашений были приняты Главным Комитетом, губернскими избирательными комитетами, в частности, полтавской губернской конференцией 6—7 ноября. Излагая содержание постановлений этой конференции, Ларин (письмо № 10) заявляет: „По отношению к кадетам и равноправцам совещание приняло предложенную мною, как делегатом Главного Комитета Спилки, резолюцию Спилки, отвергающую заключение с ними общих избирательных блоков, т. е. выставление общих избирательных требований, и признающую техническое соглашение, т. е. раздел с ними мест там, где иначе нельзя провести нашего кандидата“.

В этом же письме и в постановлениях декабрьской конференции полтавского губернского союза условия соглашений

были формулированы следующим образом. „Рабочий выборщик избирается в Гос. Думу во всяком случае. В соглашение можно входить лишь с теми группами и кандидатами буржуазной оппозиции, которые дадут обязательство избрать в Думу депутатов пропорционально числу губернских выборщиков, тяготеющих к той или иной партии. При этом рабочий социал-демократический губернский выборщик засчитывается в число мест, приходящихся на долю социал-демократов. Мирнообновленцы и все другие правые исключаются из счета губернских выборщиков, между которыми происходит распределение мест в Думу, причем все кандидаты буржуазной оппозиции должны дать обязательство не входить с ними ни в какие соглашения. Личность социал-демократов депутатов в Думу, в причитающемся соц.-дем. числе, определяется самими социал-демократами, и прочие не имеют права отвода и обязаны выбирать в Думу именно этих лиц“.

Начав за здравие („голосование за их — кадетских — кандидатов Главный Комитет считает недопустимым и ненужным практически“), Спилка очень скоро кончает за упокой. В письме № 11 от 24 ноября за подписью Ларина Спилка предлагает следующий план избирательной кампании по городской курии.

„Прежде всего, — пишет Ларин, — надо составить местное социалистическое бюро всех организаций или хоть просто переговорить с ними и выяснить, сколько мест выборщиков имеют право требовать все социалисты от буржуазной оппозиции и кто выставляется нашим выборщиком или выборщиками, если их два. В случае разногласий, сейчас же пишите сюда, разрешится областными учреждениями. Затем, заключите соглашение с руководителями местной буржуазной оппозиции об общем избирательном списке, стремясь, чтобы, со своей стороны, они включили на причитающиеся им места более левых из них. При этом непременное условие соглашения — принятие их кандидатами обязательства голосовать за избрание в Гос. Думу не меньшего числа социал-демократов, чем будет причитаться нам пропорционально числу выборщиков. В случае отказа заправил оппозиции от соглашения, мы после вашего сообщения уладим это здесь через здешние влиятельные оппозиционные группы, или, если нет, должен быть выставлен полный список наших кандидатов хотя бы без надежды на полный успех. Соглашение с социалистами,

а затем раздел мест с оппозицией — это первый предварительный шаг".

Эти общие списки кандидатов в выборщики должны были опубликовываться за четыре недели до выборов. Чтобы избежать „затемнения и спутывания сознания", Спилка предлагала избрать такой образ действий, „который в сознании рабочих препятствовал бы отождествлению социал-демократов с буржуазной демократией". Помочь этому должны были особые предвыборные собрания рабочих, на которых партийные кандидатуры должны были обсуждаться, и где избирателям нужно было указывать, что за всех прочих фигурирующих в списке кандидатов, кроме соц.-дем., нужно голосовать, как „за меньшее зло". В другом случае Главный Комитет заявлял: „Конечно, нельзя забывать о характеристике половинчатости и умеренности наших союзников из оппозиции, главный пункт избирательной кампании в городах должна составлять борьба с правыми".

Полицейский террор был одной из главных причин, благодаря которой Спилка в большинстве уездных городов и на селе не выставляла открыто своих кандидатов. Согласно принятому постановлению, Спилка предписывала не выставлять кандидатов соц.-дем. открыто от имени партии. Они должны были выставляться (письмо Главного Комитета № 14), как кандидаты от рабочего населения, „моральное право на что должно быть дано или открытым легальным выборным собранием рабочих, решающим выставить кандидата от рабочих по городской курии, или принимающим то же решение закрытым совещанием от всех важнейших мастерских, заводов и т. д. из представителей избранных по возможности всей рабочей массы".

Такое положение Спилка не преминула объявить даже выгодным для себя, ибо, как она писала в обращении к местным организациям, „выставление нашего кандидата вообще от рабочих, а не от комитета, увеличивает наш вес, склоняет многих обывателей голосовать за него (кандидата), в сознании рабочих отделяет наших выборщиков и нашу позицию от тех, с кем мы вступаем в соглашение, и устраняет опасность привлечения к суду за принадлежность к партии". Здесь, несомненно, сказалась точка зрения Ларина и меньшевиков на роль партии и на так называемую широкую рабочую партию.

Ясность классовой линии затемнялась уже потому, что в погоне за голосами Спилка обратила свои взоры во все

стороны, пытаясь агитировать и домовладельцев, и мелких лавочников, и землевладельцев.

Выборы по-немецки могли привести, конечно, не к немецким результатам, а к смешению всех избирателей в одну „демократическую" кучу. Свои решения о выборных соглашениях Спилка пыталась поставить на обсуждение общеспилковской конференции, которая не собралась. Местные организации решений Главного Комитета не опротестовали и старались выполнить их самым добросовестным образом.

Чашка чаю, поднесенная кадетами лидерам меньшевиков в Петербурге, испортила впоследствии не мало крови Дану и послужила материалом для ряда анекдотов. Неизвестно, достигнуты ли были соглашения с кадетами за чашкой чаю, но от этого они не потеряли, конечно, своей реальности. Соглашение с киевскими кадетами были заключены на условиях, предложенных Спилкой. Имелось также предварительное распределение числа выборщиков в губернское избирательное собрание. Так, по Полтавской губернии из сорока девяти мест в губернском собрании Спилка и Бунд претендовали на восемнадцать—двадцать. В Киевской губернии из семидесяти одного места Спилка выговаривала себе до тридцати, причем в ряде уездов Спилка и Бунд рассчитывали, и не без основания, провести своих кандидатов самостоятельно, без всяких соглашений с буржуазной оппозицией. Переговоры с кадетами и оппозиционными группами буржуазии в Киеве имели серьезное влияние на ход избирательных соглашений Черниговской губернии.

Избирательная кампания захватила и Ларина настолько, что он решил и сам пройти в Гос. Думу по крестьянской курии. Так как ему, как нелегальному, нельзя было открыто выставить свою кандидатуру, то он решил пройти под чужой фамилией—по фальшивке. В деревне Лычах, Корнинской волости, Васильковского уезда, Ларин, под фамилией крестьянина Гавриила Павловича Собченко, приобрел себе „усадьбу" в сто двадцать квадратных саженей и построил на ней хату. Одновременно с этим он возбудил ходатайство о приписке его к крестьянам Корнинской волости. Все дело испортило на первый взгляд ничтожное обстоятельство — киевская казенная палата замедлила с ответом на ходатайство Ларина о причислении в новое общество. 20 января на волостном сходе

Корнинской волости Ларин-Собченко был благополучно избран уполномоченным.

„Так как означенный Собченко, — повествует в своем донесении сквирский исправник, — был незаконно избран, то по моему распоряжению подведомственными мне чинами полиции в собрание выборщиков от крестьян в городе Сквире допущен не был". Обыск, произведенный у Собченко и Риша, в Сквире не дал никаких результатов. Ларин был отпущен и благополучно скрылся. Надо прибавить к этому, что Корнинская волость была одной из наиболее революционных, в нее входили села Дедовщина и другие, избравшие социал-демократов. Вместе с Лариным были устранены и наиболее сознательные выборщики от крестьян. Свою кандидатуру Ларин выставил с ведома Главного Комитета и обошел, очевидно, молчанием письмо Центрального Комитета партии, в котором, последний категорически запрещал Ларину выставлять свою кандидатуру под угрозой, что ЦК публично заявит о его исключении из числа членов социал-демократической думской фракции. Судьба и полиция позаботились о том, чтобы Ларин не понес партийных дисциплинарных взысканий.

Очень быстро полиции и охранке удалось пронюхать о том, кто такой Ларин, так как в Киеве он жил под той же фамилией Собченко. Захватить Ларина в Киеве охранке не удалось, точно так же как и не удалось захватить его в Полтаве, куда он выехал на губернскую конференцию. В район Спилки после этого Ларин вернулся только во время выборов в Киеве. В Полтаве он выставил свою кандидатуру на Лондонский съезд. Против него на конференции были возражения в связи с его взглядами на широкую рабочую партию... Тем не менее, как один из активнейших работников Спилки, он получил мандат, и после этого в жизни Спилки не принимал участия.

Период выборов во вторую Гос. Думу был апофеозом Спилки и ее растущего влияния в области. Выборы в Киевской губернии дали победу левым, среди которых значительную часть составляли беспартийные крестьянские выборщики.

На киевском губернском собрании выборщиков Главный Комитет играл решающую роль. Гостиница, кажется, „Россия", где находились спилковские выборщики и члены Главного Комитета была известна полиции. Здесь открыто велась тяжба с Киево-Печерской лаврой, которая пыталась привлечь под

свою благочестивую сень мужичков-выборщиков для обработки в черносотенно-поповском духе. Авторитет лавры был на этот раз решительно посрамлен. Мужички предпочитали „Россию", и киевский губернатор так и не решился предпринять репрессивные меры против этого гнезда крамолы. Спор с кадетами из-за мест также происходил довольно открыто в кадетском клубе „Конкордия", нынешнем партийном клубе „Большевик".

Наибольшее число спилковских депутатов прошло по Киевской губернии. Всего пять социал-демократов прошло не потому, что выборщики-крестьяне отказались бы избрать большее число соц.-дем.,—беда была в том, что крестьянские выборщики представляли собой в большинстве своем рядовых крестьян, мало разбирающихся в программах революционных партий. Большего, чем они дали, они дать не могли.

В Киеве во время губернских выборов полицейские репрессии ограничились только арестом нескольких левых выборщиков, продолжавшемся только два-три часа. Полиция, однако, не везде держала себе так „корректно", как в Киеве. Так, в Полтавской губернии полиции и черносотенцам удалось захватить крестьян-выборщиков, которых они устроили в общежитии, и не давали им шагу ступить. Но и тут охранительные меры оказались недостаточными. Члены избирательного комитета и социал-демократические выборщики (Виталий, Поддубный) ухитрялись проникать к крестьянам, перелезая через забор, отделявший общежитие выборщиков от всего прочего мира.

И здесь, и в Полтавск. и в Подольск. губ. прошло депутатами много левых крестьян: по Подольской губернии — тринадцать рядовых крестья. по Полтавской—крестьянин Сайко, колеблющийся между с.-д. и с. р., по Черниговской губ.— Приходько, рабочий конотопских железнодорожных мастерских.

Всю огромную предвыборную работу Спилка делала, имея в своем распоряжении сравнительно ничтожное количество сил и средств. Бюджет Главного Комитета не превышал 200—300 рублей в месяц. Для руководства низовой работой в распоряжении Спилки была группа активных работников в 10—12 человек, не считая, конечно, местных работников, которые также насчитывались единицами. Так, в сквирском районе ко времени выборов находился только один профессиональный работник, в других районах не было часто и этого.

Ларинский период Спилки был, как мы видим, периодом ее наивысшего расцвета и роста ее авторитета не только среди рабочих и крестьян, но и среди обывательской массы. Этот же период определил, собственно, и отношение к Спилке, как к меньшевистской оппортунистической организации. Даже украинские соц.-дем., весьма не твердые в вопросах тактики, впоследствии считали возможным бросать камнем в Спилку за ее оппортунизм (см. уже цитированную нами брошюру Лолы). Этот оппортунизм не помешал им, однако, в разгар выборной кампании, т. е. период, когда меньшевистские грехи Спилки обнаружились вполне открыто, вести с Главным Комитетом переговоры о слиянии, поступаясь при этом такими требованиями, как посылка своих членов в ЦК партии и право на монопольное представительство украинского пролетариата.

## Аресты и процессы Спилки (1905—1907 г.г.).

Департамент полиции и киевская охранка впервые узнают о Спилке летом 1905 года. В каталогах охранки такая организация не числилась, и Кулябко — начальнику киевского охранного отделения — пришлось поэтому заняться теоретическими изысканиями. В донесении жандармскому управлению Кулябко, сообщая о расколе РУП'а и выделении из него особой группы (Спилки), следующим образом определял позицию последней.

„Ближайшей задачей этой группы было соединение сознательного пролетариата в единое целое, создание централизованной пролетарской партии в России и воспрепятствование к затемнению классового сознания украинского пролетариата, т. е. воспрепятствование отвлечения его в сторону буржуазно-радикальной „самостійної України“. Для более успешного осуществления этой задачи организаторы, с одной стороны, приняли меры к привлечению остальных пролетарских элементов из революционной украинской партии в свои ряды, как отдельных лиц, так и отдельных организаций, с другой стороны, считали в высшей степени важным войти в переговоры с Российской социал-демократической партией о вступлении в ее ряды на началах автономии. Для обсуждения этого вопроса партией был созван второй очередной съезд (дело идет о съезде РУП'а. — *А. Р.*), на коем была одобрена и принята теоретическая часть Эрфуртской программы и изменено

название украинской революционной партии которая с этих пор стала именоваться „Украинская социал-демократическая Спилка Российской социал-демократической рабочей партии“.

Далее Кулябко препровождал программу РУП'а, принятую на ее втором съезде, и филерские наблюдения, на этот раз без теоретических отступлений. Таким образом, в записях охранки УСДРП и Спилка оказались одной и той же организацией, и во всех крупных процессах периода 1906—1907 г.г. арестованные спильчане и украинские соц.-дем. фигурировали как члены одной организации. Такого взгляда охранка и департамент полиции продолжали держаться вплоть до 1908 г. Мало того, охранку приводили в смущение связи украинских соц.-дем. с украинскими радикалами и демократами, и в 1907 г., подготовляя крупнейший процесс, в котором наряду со спильчанами фигурировали члены ЦК УСДРП, охранка. жандармы и прокуратура долго колебались, обвинять ли их за принадлежность к социал демократической или украинской радикальной партии. В судебных делах сохранился любопытнейший документ, указывающий, между прочим, как фабриковались в те времена политические процессы. В деле по обвинению группы украинских соц.-дем. и спильчан (дело Квасницких) имеется проект, представляющий собой сформулированные пункты обвинения, на которые судебные заседатели должны были дать свои ответы. В этом проекте, состряпанном при ближайшем участии киевской охранки, обвинение предъявлялось за принадлежность к украинской радикальной партии

Для охранки и суда вопрос о программе партий, с которыми они вели борьбу, являлся, очевидно, делом второстепенным и о „малорусском“ революционном движении они, находясь в самом сердце Украины, знали только одно, — что оно крамольно. Когда в разговоре одного адвоката с прокурором было указано, что в процессе свалены в одну кучу лица разных политических убеждений, не имеющих между собой ничего общего, прокурор заявил: „Важно только одно, хотят ли они устроить революцию, а остальное не имеет никакого значения“. Первые крупные аресты среди спильчан произошли после декабрьских дней 1905 года. В телеграмме департамента полиции от 11 декабря 1905 года Кулябко доносит: „Арестовано 17 украинцев, пять спилковцев, десять демократов“. Из спильчан был задержан Каневец (Кавун), доктор Мережинский,

на квартире которого, обычно, происходили заседания Главного Комитета Спилки. Главный Комитет Спилки был не затронут арестами, за то провинциальные организации были выкошены основательно, и на февральской конференции Спилки и провинциального бюро отсутствовало около половины местных групп и комитетов.

Следующие массовые аресты и обыски среди спилковских организаций начинаются с августа 1906 года. 18 августа после продолжительных филерских наблюдений производится обыск в помещении киевской украинской газеты „Громадська Думка“ Охранка искала технического секретаря Главного Комитета—„Цыганку“, которая, по ее сведениям, имела постоянную явку в „Громадськой Думке“. Во время обысков в редакции газеты и на квартирах арестовываются, кроме Марии Виноградовой, в которой охранка подозревала „Цыганку“, Винниченко под фамилией Мусияновича, Владимир Степанковский, Андрей Жук, Лола под фамилией Воронова, Хохлич, Ефремов, братья Квасницкие, редактор газеты Матюшевский и ряд других. Охранку особенно смутил попавший в ее руки протокол объединенного совещания украинских радикалов и демократов, где имелись сведения о выборах партийной Рады, причем кандидатами ее были выставлены те же Жук, Виноградова, Винниченко, Ефремов, Степанковский, которые подозревались в принадлежности к Спилке.

Аресты 18 августа дали в руки охранки ряд адресов в селах и провинциальных городах, и она начинает распутывать сложный клубок этих связей, постепенно вовлекая в дело десятки новых организаций и лиц. Уже в августе в ее руки попадают адреса и явки ряда провинциальных организаций Спилки. 8 сентября киевское жандармск. управление отдает приказ почтово-телеграфному ведомству о задержании корреспонденции: Дызика в Василькове, Зингаренко в Рожищеве, Мартмана в Бердичеве, Ямпольского в Черкассах, Кернес в Шполе, Цейтлина в Фастове, Бронислава Берзина в Белой Церкви. Одновременно у адресата Главного Комитета охранка приказывает произвести обыски и поступить „по результатам“. К тому же времени проваливается центральная явка Главного Комитета для сношений с провинцией и ЦК. У слушательницы зубоврачебных курсов Жука в Киеве—Б. Ходаковой (переписка шла на ее имя по адресу школы) производится

обыск. Далее в течение сентября, октября и ноября следует провал явок одна за другой в большинстве городов района Спилки.

К 5 октября охранке становятся известными явки в Звенигородке, Коростышеве, Таращe, Умани, на Городищенском сахарном заводе. Во второй половине октября проваливаются адреса в Волынской губернии и устанавливается наблюдение за Ржешевским в Житомире, Давидом Бродским в Бердичеве, Пашковской в Ровно. Несколько позднее охранке становятся известны адреса-явки в Подольской губернии, в Тульчине — зубной врач Шаргородский, в Виннице — Яновский, в Жмеринке — Линдер и почтальон Перигорончук, в Хмельнике — Мазур, Каменец-Подольске — книжный магазин Бандельмана.

18 октября были арестованы в Киеве у себя на квартире два активных работника Спилки — член Главного Комитета Станислав Западский (Павел) и студент Иосиф Сорокер, работавший, главным образом, в сквирско-васильковском районе. Их арест дает в руки охранки ряд новых адресов-явок в Полтавской, Черниговской и Подольской губерниях. К ноябрю месяцу 1906 года охранка располагает, таким образом, десятками адресов по губерниям, входящим в район Спилки. Обыски, производившиеся по почтовым адресам, обычно, не давали никаких прямых указаний на принадлежность получателей к „преступному сообществу“. Тем не менее, после вторичных обысков арестовываются Цейтлин в Фастове, Зингаренко в Ржищеве, акушерка Кернес в Шполе, впоследствии Шац в Киеве; жандармы пытаются присоединить их к процессу украинских соц.-дем. и радикалов, арестованных 18 августа во время обыска в „Громадськой Думке“. Наконец, в январе в Киеве был арестован сотрудник „Киевской Мысли“ Александр Скрынников с материалами, устанавливающими его связь со Спилкой. Обрадованная охранка спешит признать в Скрынникове раньше „секретаря Григория“ (Григория Долженко) а затем и самого Ларина. Григорий и Ларин продолжают благополучно здравствовать, и жандармам приходится отказаться от своей версии.

Перехват переписки предоставил в руки полиции богатейший материал о деятельности Спилки. Охранка, жандармы и департамент полиции располагали почти всеми циркулярными письмами Спилки, перепиской с ЦК, многими десятками

адресов. Арест Завадского, Сорокера и Скрынникова дал жандармам ряд документов, говорящих об организационной деятельности Спилки (денежные отчеты, явки, отчеты с мест и т. д.). Под тяжестью огромного материала, собранного им, киевское жандармское управление решает разделаться хотя бы с частью разработанных охранкой связей. Сшивается белыми нитками процесс с разношерстным составом обвиняемых. К суду по первой части 126 ст. Уг. Улож. привлекаются: братья Ефим и Александр Квасницкие, Константин Хохлич, Владимир Винниченко, Андрей Жук, Владимир Степанковский и спильчане — Святослав Завадский, Иосиф Сорокер, Геня Кирнес, Авинегдор Цейтлин, Сарра Шац, Александр Скрынников и Зельман Зингаренко.

Кирнес впоследствии была выделена из процесса, и дело о ней было направлено в административном порядке.

К концу декабря 1906 года предварительное следствие было закончено и направлено прокурору киевской судебной палаты. Обвиняемые, содержащиеся в лукьяновской тюрьме (Киев), постепенно один за другим стали выпускаться под залог на свободу. Но дело все же так скоро не закончилось. Под влиянием новых арестов и новых, постепенно обнаруживавшихся, связей жандармы и прокуратура продолжают затягивать следствие. В июне 1907 года прокурор судебной палаты обращается к жандармскому управлению с просьбой ускорить дело, находящееся 9 месяцев в производстве и два месяца подготовляющееся.

Жандармы никак не могли определить, что же такое Спилка, есть ли у нее программа, кого нужно привлечь к суду, а кого в административном порядке. Начальник жандармского управления, полковник Ковалевский, за разрешением своих сомнений обращается к Кулябко и просит прислать программу Спилки. Кулябко только после третьего напоминания отвечает, что ее у него нет и что „сообщество Спилка является самой опасной организацией в пределах юго-западного края и малороссийских губерний и вошла в Российскую социал-демократическую партию на автономных началах". Наконец, большое затруднение для жандармов представлял перевод с украинского языка на русский всех захваченных при обыске документов. Одно время жандармы приходят к выводу, что перевод украинских документов в России невозможен.

Признанный эксперт по украинским и еврейским погромным делам — редактор „Киевлянина“ Пихно — отклонил от себя эту честь, сославшись на недосуг. Только с большим трудом нужный эксперт был, наконец, найден, и к октябрю 1907 года дело было передано в судебную палату. Суд состоялся в начале 1908 года. Винниченко и Степанковский успели скрыться за границу во Львов. Жук скрылся, но впоследствии был задержан. Дело об одном из Квасницких, не явившемся на суд, также было выделено, и он впоследствии был присужден к крепости. Наиболее тяжкий приговор постиг спильчан. Завадский, Скрынников, Сорокер и Цейтлин были приговорены к ссылке на поселение. Украинец Хохлич получил полтора года крепости, Зингаренко — 2 года. Шац — единственная из обвиняемых — была оправдана.

Материалом для обвинительного акта послужило новое теоретическое изыскание Кулябко, которое представляет собой шедевр охранного сочинительства.

„Подъем, пережитый российским обществом в период „эпохи реформ“, — писал Кулябко, — повлек за собой оживление украинского национального сознания, давая ему опору в едва нарождавшейся украинской интеллигенции. Но размеров действительного политического значении оно не достигло — как в силу слабости нового класса, так и вследствие реакции, прекратившей на долгое время революционное движение в России. В 90-х годах прошлого столетия обнаружилось, что капитализм направил развитие России в общее русло мирового капиталистического развития и стал заменять старые общественные отношения новыми отношениями вновь образовавшейся общественной группы (!?) и придал новые силы зарождавшейся в предшествовавший период интеллигенции.

„Питаясь капиталистическим развитием России и усиливаясь вместе с ним, украинский интеллигентный класс, примыкающий, с одной стороны, к украинским низам, с другой — к руссифицированным верхам, чувствовал и специальный национальный гнет“.

Далее охранный летописец излагал, почему „полупролетарский характер украинской революционной интеллигенции был смешением национальной традиции с полусоциалистическими элементами общественного сознания“, и доводил свою историю до образования Спилки, которая, по его мнению,

являлась тем резервуаром, куда стекались отдельные ручьи и речки украинского социалистического движения. Жандармский полковник Ковалевский, читая доклад, составленный Кулябко, был неприятно поражен его стилем, подчеркнул и поставил ряд вопросов возле строк, трактовавших „о руссифицированных верхах и специальном национальном гнете". Это не помешало „труду" Кулябко фигурировать в следственном материале крупнейших процессов Спилки с 1906 по 1908 год.

Другим, более грамотным документом, являлся доклад ротмистра Иванова, составленный на основании резолюций, принятых на Стокгольмском съезде партии. Иванов и Кулябко особенно подробно останавливались на вопросах о вооруженном восстании, вкладывая в меньшевистскую резолюцию содержание, от которого и руками и ногами открещивались Дан и меньшевики.

Распутывание клубка спилковских связей между тем продолжалось. Отдельные провалы, перлюстрация писем в почтовых конторах и работа провокаторов дали к ноябрю в руки охранки и жандармов добрую сотню явок. В этот период Спилка особенно интенсивно развертывала предвыборную кампанию в Государственную Думу, и жандармы получили письменные доказательства тому, насколько разрослась крамола. В ноябре департамент полиции предлагает киевскому жандармскому управлению „выяснить по обнаруженным адресам действительных революционных деятелей, чтобы произвести одновременно ликвидацию по всем пунктам, в момент, когда по местным условиям ликвидация внесла бы непоправимое по времени расстройство в организацию этого дела".

25 ноября по губерниям, входящим в район Спилки, киевское жандармское управление отдает приказ — „Выяснить связи по адресам и быть готовым в недалеком будущем к ликвидации Спилки по распоряжению департамента полиции". Дело у жандармов было, однако, еще не совсем слажено. В декабре продолжают поступать в охранку новые провинциальные адреса и явки — по Черниговской губернии (Карюковка, Ичня, Глухов) и другим районам. Ликвидация откладывается, и только 5 января 1907 года киевское жандармское управление обращается в департамент полиции со следующей телеграммой:

„В виду большой интенсивности предвыборной агитации членов сообщества Спилка, прошу разрешения ликвидировать адресатов Киевской губернии“.

Департамент полиции в телеграмме, посланной 10 января за подписью директора департамента полиции Трусевича, дает требуемое разрешение.

„Разрешаю ликвидировать Спилку — писал Трусевич. Одновременно с Киевской губернией надлежит ликвидировать группы других губерний, о чем надлежит снестись с подлежащими начальниками управлений, указав им день и час ликвидации. Сегодня сообщено об этом в Полтаву, Чернигов, Каменец-Подольск, Житомир, Харьков, Курск, Кишинев и Гродно. По окончании ликвидации войдите в обсуждение вопроса о том, кого из обысканных, могущих попасть в выборщики, можно передать судебному следствию по одной из статей Уголовного Уложения. Если имеете сведения о деятельности Спилки и в других местах, снеситесь с местными властями об одновременной ликвидации и этих групп“.

В пояснение телеграммы Трусевича нужно указать, что связи по Харьковской губернии были захвачены у украинских соц.-дем. и радикалов, в Бессарабской губернии в руки охранки попали две явки Спилки — в Бельцах и Сороках, остальные адреса были взяты при обысках и арестах и случайно попали в число спилковских связей.

12 января киевское жандармское управление уведомило департамент полиции, что ликвидация назначена на 18 январяв 5 часов утра, причем дополнительные адреса были посланы по Казанской, Могилевской и Минской (Гомельский район) губерниям.

Чтобы судить о размерах этой единственной в своем роде ликвидации, достаточно привести только список пунктов, где она проводилась. По Черниговской губернии были даны адреса для обысков и арестов в Бахмаче, Ичне (4 адреса), в Глухове (4 адреса), Карюковке (2 адреса), Клинцах (2 адреса), Новгород-Северске (2 адреса), Кролевце, Чернигове, Нежине, Любиче, Дубровне, Городне (4 адреса), Репках, Сновске, Козельце, Сураже, Новозыбкове. В Подольской губернии — в Тульчине, Виннице, Жмеринке, Каменец-Подольске, Хмельнике, Проскурове, Немирове, Могилеве, Летичеве, Дунаевцах и т. д.

В Волынской губернии — в Ровно, Житомире, Ковеле, Новгород-Волынске, Бердичеве. В Полтавской губернии — в Лубнах, Полтаве, Ромнах, Переяславле, Прилуках, Кременчуге, Гадяче, Хороле и др. В большинстве городов был указан ряд адресов, причем указания давались и о сельских явках. Особенно многочисленны были обыски и аресты в Киеве и Киевской губернии. В Киеве не пощадили даже кадетов. Обыскано было их избирательное бюро с секретарем Дизенгофом. Снова вспомнили об украинских соц.-дем. и радикалах. В провинции провалы произошли и в ряде сел. Так, в Сквирском уезде в селах Дедовщине, Спиченцах, Пархомовщине были арестованы крестьяне, державшие связь с партийными организациями.

Ликвидация не дала полиции ожидаемых результатов. Правда, местные власти уже от себя произвели ряд дополнительных обысков и арестов, пользуясь собственными агентурными и всякими иными сведениями. Так, в городе Василькове было задержано до 20 человек, десятки обысков были произведены в Чернигове, Полтаве и других более крупных городах. Все же удар по организациям был сравнительно не велик. Своими адресатами Спилка выбирала преимущественно благонадежных, с полицейской точки зрения, людей. Обыск таких лиц редко мог дать полиции указание и прямую связь с партийной организацией. Большинство обысканных, за отсутствием каких бы то ни было данных, было оставлено на свободе. Нельзя сказать, чтобы и момент, выбранный департаментом полиции для массовых обысков, был особенно удачен. К середине января предвыборная кампания была почти повсеместно закончена, и дело шло, таким образом, об охране собраний выборщиков от крамольных покушений.

Из других процессов, помимо дела группы членов ЦК УСДРП и спильчан, о котором мы писали выше, можно отметить еще дело житомирской типографии Спилки, организованной волынским районным комитетом. Этим провалом Спилка была обязана местному провокатору. Аресты в Житомире были произведены в конце декабря. Обысканы и задержаны были С. Росновская — племянница Меленевского, у которой находилась явка житомирской организации, Бродская и работавшие в типографии Стырт, Фельдман и студент Кранц. При обысках в типографии и на квартирах была найдена переписка

с Меленевским, большое количество избирательной литературы, набор подготовлявшихся к печатанию прокламаций („Буряки“) и воззваний Волынск. избир. комитета РСДРП.

Волынь в это время объезжал Меленевский, поддерживавший тесные связи с волынским районным комитетом. Жандармам было не трудно, таким образом, создать еще один процесс о „преступном сообществе Спилка“. Суд над арестованными состоялся в киевской судебной палате 6 апреля 1907 года. Из обвиняемых Росновская и Бродская были оправданы, а три работника подпольной типографии были приговорены к заключению в крепость от двух до трех лет.

В период избирательной кампании жандармам удалось также состряпать в районе Спилки несколько десятков мелких процессов*). В Волынской губернии был арестован в одном из сел Житомирского уезда 3 января 1907 года Александр Кошель-Батурин — профессионал Спилки. Задержан он был во время раздачи крестьянам предвыборных прокламаций Спилки. 7 июня Кошель был приговорен киевской судебной палатой к ссылке на поселение по I ч. 130 ст. В Житомире при провале склада литературы была арестована в декабре 1906 года Б. Трейдвас, присужденная впоследствии киевской судебной палатой к 6-месячному заключению в крепость. Наибольшее количество спилковских процессов за тот же период относится к Черниговской губернии. В местечке Карюковке в январе во время избирательной кампании был задержан другой профессиональный работник Спилки — Слизовский, присужденный киевской судебной палатой в конце 1907 года к ссылке на поселение по I ч. 126 ст. К ссылке на поселение был присужден также организатор новозыбковско-клинцовского района — Савва Мосьпан (Тарас). Он был арестован в октябре 1906 года. При обыске была обнаружена его связь с районной подпольной типографией и переписка с провинциальными организациями, входящими в клинцовский район. Еще ранее, 25 июля 1906 года, в Злынке был арестован другой профессионал — Михаил Сычев, принимавший участие в организации северного района Черниговской губернии. У Сычева были отобраны протоколы районной конференции, указывавшие

*) Здесь приведены процессы спилковских организаций только по Киевской, Черниговской и Волынской губ., поскольку автору удалось воспользоваться архивами одной только киевской судебной палаты.

на связь между стародубской, унечской, суражской, клинцовской, новозыбковской, злынковской, семеновской и новгород-северской организациями. Районный комитет, как жаловались жандармы, вел энергичную работу в селах. Сычев, по обвинению в принадлежности к преступному сообществу, был 25 июня 1907 года присужден киевской судебной палатой к ссылке на поселение. В Конотопе в разгар избирательной кампании была арестована на ходу местная типография во время печатания прокламаций „К избирателям". Арестованные Федор Сисекин, Александр Попков, Степан и Анна Месники были приговорены киевской судебной палатой к заключению в крепость от одного до двух лет. В Нежине, при арестах среди членов местного социалистического информационного бюро, был задержан с избирательной литературой Сердюк, который в виду несовершеннолетия был отдан по приговору судебной палаты под надзор полиции. В том же Нежине за распространение предвыборных воззваний Спилки был приговорен к крепости Нухим Хайкин. В Новозыбкове за хранение избирательной литературы и прокламаций Спилки были арестованы в январе Фейга и Юда Шапиро, приговоренные впоследствии к заключению в крепость. В Глухове с транспортом спилковской литературы был задержан в феврале 1907 года районный работник Спилки Моисей Голубцов. Привлеченный по I ч. 126 ст., он был присужден киевской судебной палатой к трем годам крепости. В том же Глухове был присужден к крепости и другой работник М. Юдин, арестованный с прокламациями Спилки в декабре 1906 года в селе Ворожее, Глуховского уезда.

В Киевской губернии ряд процессов был возбужден по Черкасскому уезду за хранение спилковой избирательной литературы. В конце 1906 года был арестован Константин Семенов (Юрий), приговоренный впоследствии к году крепости. В Черкассах же во время избирательной кампании, полиция нападает на след Моисея Урицкого, приехавшего из административной ссылки. Урицкому и ряду других товарищей удалось, однако, скрыться от ареста. В местечке Фастове, за выступление на митинге во время проводов депутатов Государственной Думы Сахно и Федорова, была арестована одна из работниц фастовского района Хана Куцина, приговоренная затем киевской судебной палатой к годичному заключению

в крепость. В местечке Шполе за хранение спилковского наказа депутатам Государственной Думы был арестован в феврале 1907 года и приговорен к крепости С. Райхман. В Сквирском уезде, в с. Стромове, были задержаны с прокламациями Спилки „Буряки“ в сентябре 1906 года крестьяне Петриченко, Климчук и другие, осужденные впоследствии и приговоренные к заключению в крепость на разные сроки. В Умани при перевозке подпольной типографии, на железнодорожной станции были арестованы в тот же период Магазанник, Верхляцкий, Ткачук, Ривка Бриэгаль и Царевский. Все обвиняемые — молодежь в возрасте 18—19 лет,— за исключением оправданного Ткачука, были приговорены киевской судебной палатой к ссылке на поселение.

Охранка с особой энергией охотилась за типографиями Главного Комитета Спилки. К началу избирательной кампании во вторую Государственную Думу общеспилковская типография была поставлена в Киеве, о чем охранка знала из перехваченных писем Ларина. В декабре охранке удалось захватить только часть типографского материала, находившегося на хранении на квартире одного рабочего. 28 декабря 1906 г. полиция накрыла рабочую сходку по Фундуклеевской улице в доме № 76. В числе задержанных оказался рабочий Шураков. Обыском, произведенным у него на квартире, были обнаружены две корзины типографских принадлежностей, предвыборные воззвания Спилки в большом количестве экземпляров и т. д. Шуранову было предъявлено обвинение только в хранении, и через три месяца он был выпущен под надзор полиции.

Через непродолжительный срок охранке удалось напасть на след действующей типографии Спилки. 13 февраля 1907 года Кулябко имел возможность послать департаменту полиции радостную весть.— „Сегодня по агентуре и по наблюдению в доме № 2 по Мало-Владимирской улице арестована на полном ходу во время печатания прокламации „О земле“, роскошно оборудованная типография Главного Комитета украинского социал-демократического союза Спилка. В типографии арестованы четверо нелегальных, назвавшихся евпаторийскими мещанами Коганами и Степанидой Василенко. Захвачено до 10.000 свежеотпечатанных прокламаций. По связям, у арестованной Мелиховой захвачено семь тысяч

экземпляров „О земле“ и готовая бумага, у учительницы Павловской — нелегальная литература“.

Нелегальные Коганы были наборщики типографии: Г. Элькин, И. Клейман и Цивья Слуцкая, нелегальная Василенко — Мария Епифанова. Возможно, что провалу типографии отчасти помогла и провокация, так как в донесениях охранки департаменту полиции имеются указания, что охранке накануне провала стало известно, что взятая под наблюдение Мелихова должна отнести в типографию 3 фунта типографской краски. Связь с типографией, надо полагать, дали шпикам члены технической группы при Главном Комитете, поддерживавшие общение с ней. Связями с типографией ведала Рахиль Рабинович — позднее технический секретарь Главного Комитета. Ее также удалось установить охранке, которая, однако, не подвергла Рабинович ни аресту, ни обыску в надежде, что с ее помощью удастся установить дальнейшие связи Главного Комитета. Дело первой типографии Главного Комитета слушалось 30 мая 1907 года в киевской судебной палате. Приговор по делу был сравнительно мягким. Из обвиняемых только Элькин был приговорен к ссылке на поселение, Клейман же — к четырем годам крепости, Мария Епифанова — к двум годам, Цивья Слуцкая — к одному году. Вера Мелихова, приговоренная только к трем месяцам крепости, была затем сослана в административном порядке.

Провалы и аресты последовавшие во время избирательной кампании во вторую Гос. Думу и непосредственно после нее, только слегка потрепали спилковские организации. Так, в Полтавской губернии уже после выборов состоялась губернская конференция, на которой был избран делегат на Лондонский съезд партии. Уездные организации были представлены на ней довольно полно и, несмотря на то, что киевской охранке было известно о созыве конференции и приезде на нее Ларина (провал письма из Полтавы, в котором Ларин приглашался на конференцию), собрание накрыть не удалось, и конференция проработала дня два в железнодорожной слободе, куда шпики боялись ходить, опасаясь избиений со стороны рабочих. Конференция заседала, между прочим, и на квартире провокатора-железнодорожника Манько, который, очевидно, в то время не совершил еще своего грехопадения. Исполнительная комиссия, избранная на предыдущей губернской конференции,

работала исправно, имея в своем распоряжении двух постоянных работников, объезжавших район и ведавших преимущественно крестьянской работой. Крепкая организация имелась в городе Полтаве, особенно среди железнодорожных рабочих. Весной 1907 г. массовые митинги в железнодорожном депо и мастерских были обычным явлением.

Такое же положение было в этот период и в Черниговской губернии, с большинством организаций которой автору пришлось столкнуться весной 1907 г. Организации были слабо связаны между собой, но, тем не менее, каждая из них была достаточно устойчива. Конотопская с сильным ядром железнодорожных рабочих, имевших особый комитет, новозыбковская, черниговская, шостинская, семеновская и другие насчитывали каждая свыше 100 членов и легко собирали довольно многочисленные массовки.

К весне 1907 года Главный Комитет Спилки состоял: из кооптированных Григория Ткаченко (Николай), работавшего еще с лета 1906 г., „Рахили"—Рабинович, которая, как оказывается, была хорошо известна охранке по делу о провалившейся типографии Спилки, Арнольда Риш (Арнольд), избранного в Главный Комитет полтавским губернским союзом. Финансовую и техническую работу нес Иосиф Сорокер, привлеченный еще ранее по делу Спилки и освобожденный под залог. Фактическим секретарем, ведущим руководящую работу, был в то время Николай, Арнольд же объезжал район в связи с подготовлявшимся к весне общеспилковским съездом. Из других выборных членов Главного Комитета П. И. Тучапский почти совершенно не вел организационной работы, Киреенко, как депутат Гос. Думы, находился в Петербурге. Меленевский переехал туда же и работал в думской фракции. Грицько, Долженко и Александр Подольский были на Лондонском съезде. Работа того периода сводилась к проведению очередных кампаний—весенние и летние сельско-хозяйственные стачки, бураковая кампания, кампания думских наказов.

Вопрос о своей типографии был в значительной мере денежным вопросом. Исключительно благодаря киевским связям, удалось добыть некоторую сумму денег на содержание типографии, и последняя была вновь поставлена в марте—апреле 1907 г. За короткий период удалось выпустить ряд прокламаций в десятках тысяч экземпляров. Хуже обстояло

дело с работниками. Ряд легальных социал-демократов уже начинал порывать связи с подпольем. Профессионалов в районе Спилки было очень мало, и местные организации были часто предоставлены самим себе. По данным отчета, захваченного при обыске депутата Озоля, профессионалы Спилки имелись к весне 1907 года по одному в районах Бобринской, в Волынской губернии в сквирско-васильковском районе, Белой Церкви, Конотопе, Ичне, и два-три в Полтавской губ. Организации небольших провинциальных городов, поскольку во главе их не стояли ответственные работники, были часто политически беспомощны и не могли развивать связей в районе.

Правительство, готовившее удар против Думы и громкое дело „о заговоре" социал-демократической думской фракции собиралось с силами, чтобы произвести дальнейший разгром революционных организаций на местах. Документом, который передал в руки охранки новые сведения о Главном Комитете, его составе и характере работы, был упомянутый уже нами отчет о деятельности Спилки, подписанный Николаем, адресованный Баску-Меленевскому в Петербург и захваченный при обыске у Озоля 8 мая 1907 г. Рахиль, названная в отчете, была уже известна охранке. Оставалось только добраться, пользуясь ею, до других членов комитета.

К маю 1907 г. Николай, Карпо и Рахиль решили отойти от работы. Основным мотивом была усталость и непрерывная работа в течение целого года. В дачной местности Гробы, вблизи Киева, они решили поселиться все вместе. К 25 мая они переехали туда, захватив с собою все провициальные явки, которые Рахиль с помощью Николая должна была зашифровать. Секретарем Главного Комитета остался Арнольд, который привлек к работе Галагана—„Левка" и оказывавшего раньше большие денежные услуги Спилке директора киевского отделения Московского Купеческого Банка — Рашевского, который в прошлом был связан с революционными народническими кружками и считал себя социал-демократом. Левку были поручены связи с типографией. Рашевский взял на себя заведывание денежными делами комитета, т. е. фактически нес значительную часть расходов по содержанию типографии.

Первой — очевидно, по связям с Рахилью и Карпо, находящимся под негласным надзором полиции, была арестована

типография Главного Комитета. 2 июня по Паньковской улице в доме № 25 был произведен обыск, обнаруживший, по словам охранки, хорошо оборудованную типографию. Типография, как писал в своем донесении Кулябко, была взята на полном ходу при печатании прокламаций: „К рабочим на сахарных заводах“. В руки жандармов попал большой прокатный станок, наборные кассы, свыше семи пудов шрифта и около десяти тысяч свежеотпечатанных прокламаций. В помещении типографии были арестованы хозяин квартиры — гимназист Мельников и двое рабочих, Федор Медущенко и Афанасий Бондаренко. Позднее на улице был задержан последний работник типографии Виктор Раковский. По свежим следам полиция произвела затем обыски по связям Рахили и Карпо. Эти связи и привели к даче в Гробах, где 3 июня были арестованы Рахиль и Ткаченко под фамилией Семена Орлова. Сорокеру удалось скрыться, и он был задержан в Киеве спустя некоторое время.

На квартире Рахили и Ткаченко жандармы собрали огромную добычу. Главной добычей было около двух сот явок буквально по всем городам и местечкам района Спилки. Многие из явок были зашифрованы, но тут же была разыскана и книжка, служившая шифром. Насколько полны были охранки, можно судить по следующему донесению департаменту полиции: „Своевременно по агентурным сведениям, а также сведениям, полученным со стороны (документ, захваченный при обыске у Озоля.— *А. Р.*), стало известно, что в число членов Главного Комитета украинского социал-демократического союза Спилка входят „Арнольд“, — как представитель полтавского губернского союза, „Карпо“—в ведении которого находилась финансовая часть, „Николай“ — с функциями заведующего техникой, „Рахиль“ — в качестве секретаря Главного Комитета и Сергей Михайлович (кличка П. И. Тучапского—*А. Р.*), коему вначале принадлежала доминирующая роль в комитете, а в последнее время передавший свои полномочия Арнольду. Фактическими двигателями пропагандистской работы по уходе Сергея Михайловича остались Арнольд, Карпо, Рахиль и Николай, решивший, в виду наступившего разногласия между ними, также выйти из состава членов Главного Комитета“.

Все эти сведения были более или менее верны, за исключением сведений о Сергее Михайловиче, который никуда не-

уходил и просто не вел в то время организационной работы. Охранке были известны Рахиль и Карпо, оставалось разыскать Николая и Арнольда. 30 мая был задержан приехавший в киевский район Альберт Ретлинг, бежавший из саратовской тюрьмы. Охранка решила, что он есть Николай, и долго придерживалась этой версии, покуда эксперты по почерку не признали ряд документов, инкриминируемых Николаю, написанными рукой Ткаченко. На след Арнольда удалось напасть при арестах двух работников, присланных Центральным Комитетом — Чистякова и Волгина. У них были взяты мандаты и явки за его подписью. 4 июня Арнольд под фамилией Слуцкого был задержан вместе с приехавшим с Лондонского съезда Бочкаревым (организатор новозыбковско - клинцовского района), предъявившим фальшивый паспорт на имя Хохрева.

Департамент полиции и охранка принимают теперь все меры к розыску неуловимого Баска и Ларина, чтобы пополнить ими процесс. Еще в мае питерской охранке удалось напасть на след Баска-Меленевского, который был прописан по паспорту австрийского подданного Хомика. Кстати сказать, Меленевский был задержан во время обыска в думской фракции, но тут же был отпущен, как иностранный корреспондент. Установление личности Меленевского затянулось, и он тем временем после ареста социал-демократической фракции переехал в Финляндию и избавился от дальнейших преследований. К началу июня департаменту полиции удалось напасть и на след Ларина. Заведывающий особым отделом департамента полиции одновременно с сообщением о письме Баску, найденном у Озоля, передавал киевскому жандармскому управлению, что, по источникам, „которые не должны быть обнаружены", Ларин после Лондонского съезда имеет приехать в Новороссийск или Крым.

Для создания дела о Главном Комитете Спилки жандармское управление располагало, таким образом, всеми нужными данными. Вначале жандармов останавливал вопрос, как быть с лицами, арестованными по захваченным явкам, а также со связями между Спилкой и думской фракцией. Чтобы выяснить второй вопрос, киевское жандармское управление командировало в Петербург ротмистра Иванова с поручением разыскать дополнительные материалы.

Новое осложнение в дело внес арест Грицька Долженко, вернувшегося с Лондонского съезда. Грицько после июньских провалов начал вновь собирать растерянные связи Спилки. Обыск у Рашевского, произведенный одновременно с арестами членов Главного Комитета, оказался безрезультатным, и Рашевский после этого продолжал поддерживать связи и оказывать услуги Спилке. Долженко связался с ним и с Галаганом, который после июньских арестов исполнял секретарские обязанности. От имени разгромленного уже Главного Комитета Долженко обратился к организациям Спилки с предложением о созыве широкой областной конференции и с новым проектом об организации области. Меньшевистское окружение, в котором он находился на Лондонском съезде, оказало на Долженко влияние, и в написанном им циркуляре, наряду с обычными политическими и сельско-хозяйственными кампаниями Спилки, были выдвинуты вопросы: „Об организации бирж труда в связи с обострившейся безработицей и о всяческом ином использовании легальных возможностей“. В августе месяце им было созвано немногочисленное совещание из работников ближайших районов. Собрание происходило на квартире Рашевского и было захвачено полицией. Все арестованные, за исключением Рашевского, к которому из-за его „общественного положения“ киевский губернатор не решился применить репрессий, были в административном порядке подвергнуты трехмесячному аресту. Долженко жандармы решили присоединить к делу о Главном Комитете. Грицько, однако, обманул надежды жандармов и 17 августа бежал из Лукьяновского участка, перепилив решетку. Охранке удалось перехватить впоследствии письмо Грицька к Центральному Комитету, в котором он сообщал о своем побеге, жаловался на развал организации, на полное отсутствие работников в центре, которым можно было бы передать связи, и просил о присылке хотя бы одного ответственного лица, которое продолжило бы работу Главного Комитета. Эта просьба осталась, однако, неудовлетворенной. Грицько задержался еще на некоторое время в Черниговщине, а затем уехал в Москву, порвав со Спилкой.

К концу 1907 года жандармы отказались от мысли раздуть дело Спилки в один грандиозный процесс, и оно было передано в киевскую судебную палату. 8 марта 1908 года дело Главного Комитета было рассмотрено палатой. Состоявшимся

приговором Арнольд Риш, Рахиль Рабинович, Иосиф Сорокер, Виктор Раковский, Федор Медущенко, Афанасий Бондаренко, Сергей Волгин и Григорий Ткаченко были присуждены к ссылке на поселение. Несовершеннолетний Никита Мельников, который на суде старался произвести впечатление заблудшей овцы, был приговорен к отдаче в колонию для малолетних преступников. По отношению к Алексею Чистякову суд нашел „смягчающие вину обстоятельства", и он был приговорен к одному году крепости.

Обысками по провинции, как и в январе 1907 года, руководили киевская охранка и жандармское управление. Уже 3 июня по губерниям Киевской, Подольской, Полтавской, Черниговской и Волынской киевское жандармское управление отдало распоряжение о немедленных обысках и арестах по всем явкам, найденным у Рахили Рабинович и Ткаченко. Улов жандармов и на этот раз был невелик. По Волынской губернии были произведены обыски по пятнадцати явкам (в городе Житомире, явки Волынского районного комитета, Ковеле, Староконстантинове, Ровно, Полонном, Любаре, Новгород-Волынскому. За отсутствием каких-либо данных, помимо адресов, ни один из обысканных не мог быть привлечен к судебному следствию, и дело в отношении большинства этих лиц окончилось ничем. Таковы же были результаты обысков и по Черниговской губ. Здесь в руки жандармов попало 37 явок,— среди них много сельских и на сахарных заводах. Начальник черниговского жандармского управления по собственному усмотрению произвел массовые обыски в Чернигове, Глухове, Конотопе, Шостке и Новгород-Северске. В заключение он вынужден был в ответе руководившему обысками киевскому жандарскому управлению заявить, что „при обысках не добыто достаточно данных для привлечения кого-либо из вышеупомянутых лиц к формальному дознанию". В виду „вредной политической деятельности" черниговское жандармское управление ходатайствовало лишь о высылке Варвары Полуботок, одной из активных работниц черниговского комитета соц.-дем. Полуботок впоследствии пошла в административную ссылку.

По Подольской губернии, где было произведено несколько десятков обысков, жандармское управление также вынуждено было заявить, что „обстоятельств, доказывающих работу по

организации преступного сообщества Спилки или какой-либо другой революционной партии, не обнаружено". Полная неудача постигла жандармов в Полтавской губернии, где было произведено до двадцати обысков. По Киевской губернии 44 произведенных обыска дали впоследствии основание для высылки в административном порядке ряда лиц: студента Мартынова на Калиновском сахарном заводе, крестьянина Петра Волка в местечке Ходоркове, крестьянина Ткача в местечке Бородянке и некоторых других. Массовые обыски были произведены и в Киеве. Снова по старой памяти принялись за украинских радикалов и украинских соц.-дем. Всего в Киеве, по сообщениям органа укр. соц.-дем. „Слово", было произведено в „июньские дни" свыше 150 обысков и арестов. Единовременные массовые обыски не приносили организации существенного вреда, вызывая только временную заминку в работе. Наряду с наскоками, жандармы и полиция действовали, прибегая и к более систематическим методам. В тот же период, когда провалился Главный Комитет и его связи, полицией и жандармами был создан на местах ряд процессов. Основательно был выкорчеван летом 1907 года сквирско-васильковский район, причем аресты не пощадили лучших, наиболее крепких и сознательных сельских работников. Были арестованы крестьяне Павел Кужель из села Дедовщина; из села Кривого — Петр Зима (делегат на Лондонский съезд партии), Петр Кирилюк, Евсей Захарин, Сергей Кондратенко; из села Жидовцы — Пантелеймон Мельник и Стратон Быченко; из села Лычи, Раковки — Игнатий Мельник и Флориан Бойко. В местечке Ходоркове были арестованы Ревекка Гинзбург, Зельман Нильва, Степан Ковбасюк и Янкель Цыпенко. Многие из них должны были поплатиться за грехи во время избирательной кампании и за свою роль в сельско-хозяйственных забастовках. Большинство из них были также известны, как участники районных конференций. Все перечисленные здесь лица просидели в сквирской уездной тюрьме до начала 1908 года и затем были отправлены в ссылку; Мельник и Бойко получили три года Тобольской губернии, остальные были сосланы на сроки от двух до трех лет в Вологодскую и Архангельскую губернии.

Общая картина произведенных ликвидаций станет ясной, если вспомнить о том, как были забиты до отказа маленькие

уездные тюрьмы. По сообщению „Слова“, в сквирской тюрьме находилось к началу 1908 года 320 заключенных, в Радомысльской тюрьме — 300, из них не меньше половины политических. Преобладающую часть политических составляли аграрники: сельская беднота и сельское учительство.

В Конотопе пошли в ссылку на поселение Гавриил Кащенко и Максим Галатей, руководившие работой конотопской организации. Оба они вместе с гимназистом Иващенко были арестованы в Гомеле на вокзале при попытке отправить груз, который показался железнодорожному жандарму подозрительным. В корзинах оказалась типография новозыбковско-клинцовского района и ряд прокламаций на думские темы. В связи с работой в Конотопе был арестован и другой спилковский работник — Александр Гук, сосланный впоследствии в административном порядке. В Черкассах был арестован районный работник Спилки — Милославский. У него нашли последний циркуляр, разосланный Грицьком, прокламации к солдатам, гектограф и пр.

Киевская судебная палата отнеслась почему-то к Милославскому особенно сурово, приговорив его по первой части 126 ст. к четырем годам каторги. В Черкассах же летом 1907 г. был арестован и затем приговорен к полутора годам крепости Яков Донской за хранение спилковской прокламации „К сельским рабочим“. В Соснице, Черниговской губернии, были арестованы Аким Оринич и Тихон Бадерик, у которых была взята печать сосницкой организации, гектограф и прокламации к солдатам. Оба они были приговорены к крепости до одного года. Суд мотивировал „мягкость“ приговора „крайним невежеством“ подсудимых.

В Полтаве по делу полтавского комитета соц.-дем. был арестован и пошел на поселение Виктор Зеленский, спилковский профессионал, эмигрировавший впоследствии в Париж, где он стал плехановцем. В начале империалистической войны Зеленский был убит на франко-германском фронте, куда его бросила, как многих других эмигрантов, патриотическая агитация Плеханова. В Житомире за распространение спилковских первомайских прокламаций был арестован и пошел в ссылку на поселение Моисей Эртман. К концу 1907 года были арестованы почти все районные работники Спилки. В Лукьяновской тюрьме, служившей центром для всех этапов

Волынской, Подольской и Черниговской губ., один за другим поселялись профессионалы Спилки, выносившие на себе значительную часть ее массовой работы. Пошли в ссылку Евгений Гацкевич — „Александр“, много и успешно работавший в Волынской губернии, Александр Сквирский (кличка), работавший в васильковском районе. Туда же — в Лукьяновку — в последнем градусе чахотки был доставлен Александр Подольский (Гойхберг). Его смерть опередила административную ссылку. В Лукьяновке перед административной высылкой сидел и Козак — один из активных работников Спилки.

Перечислить все административные репрессии, которые полиция изо дня в день обрушивала на организации — дело чрезвычайно трудное. По сведениям газет, в течение всего 1907 г. массовые преследования не прекращались, и каждый месяц, каждая неделя приносили новые сведения о массовых обысках и арестах в городах, местечках и селах. К концу 1907 и началу 1908 г. из небольших провинциальных тюрем через каждые несколько недель продолжали уходить все новые этапы политических, высылаемых в места, более или менее отдаленные. Однако, разбить такую разветвленную организацию, как Спилка, в условиях, когда каждый ее работник встречал сочувствие в рабочей, крестьянской и даже обывательской массе, было довольно трудно. После июньских провалов полтавская губернская организация, новозыбковско-клинцовский, волынский район и ряд других продолжают существовать почти самостоятельно, сохранив свои связи и не сокращая размеров своей городской работы. Гораздо большее влияние, чем полицейский террор, имел начавшийся перелом в крестьянстве, терявшем веру в организацию и попавшем в переплет столыпинской реформы, затем начавшаяся экспроприаторская полоса в городах, которая была вызвана усиливающейся безработицей и разочарованием, обычным при отливах революции. Стала постепенно отходить интеллигенция и полуинтеллигенция, причалившая к социал-демократическому кораблю после революции 1905 года, когда все говорило за то, что ему предстоит большое и благополучное плавание. Тем не менее, областная организация к концу 1907 года все еще не была разбита, оставались в силе старые традиции, и в связи с этим мы имеем ряд попыток возродить Спилку и ее центральный орган.

## Центральная группа Спилки.

После августовских провалов 1907 года (арест Грицька и сходки на квартире Рашевского) единственным уцелевшим лицом оказался Николай Галаган, о котором охранка знала, но которого почему-то все время оставляла на свободе. Грицько за короткое пребывание в Киеве привлек группу молодежи и использовал городские связи для того, чтобы не растерять связей с провинцией. Секретарем этой группы была одно время Эсфирь Уманская („Надя"). Связь с районами не была прервана окончательно. Так, с Васильковской уездной организацией поддерживалась переписка, посылалась литература и т. д. В новозыбковско-клинцовском районе в начале сентября состоялась районная конференция, на которой были представлены Новозыбков, Клинцы, Мглин, Злынка и Семеновка. В сохранившихся протоколах конференции состояние работы характеризуются следующим образом: „Вследствие отсутствия руководительства и реакционной волны, организации были оторваны друг от друга, и работа шла чрезвычайно вяло. Но в некоторых местах сохранились довольно стройные организации. Почти везде имеются довольно солидные связи в деревнях. Финансовое положение плачевно". Интересен также порядок дня конференции: избирательная кампания в третью Гос. Думу, вопрос о борьбе с анархическими тенденциями, вопрос о профессиональных союзах, биржах труда, кооперации и т. д. Был избран районный комитет, причем конференция высказалась за необходимость восстановления Главного Комитета, который руководил бы идейно и практически работой в районе.

Из других районов, которые уцелели, можно отметить волынский. Начиная с середины 1907 года, он продолжал существовать почти самостоятельно, сохранив свою организацию вплоть до 1910 года. Район этот делился на следующие четыре подрайона: 1) Бердичев—Казатин, 2) Житомир, 3) Хмельник—Летичев, 4) Любарь—Мирополь—Полонное. Сохранилась и полтавская губернская организация, которая в этот период вела подготовительную работу к выборам в третью Гос. Думу и завязала переговоры по этому поводу с украинскими соц.-дем. и бундовцами. Существовал и южно-киевский район с организациями в Черкассах, Шполе, Златополе, Звенигородке и др.

Связи были сохранены настолько, что Спилка к октябрю 1907 года при выборах на общерусскую конференцию могла предъявить мандат от имени 4744 членов организации. Южно-русская конференция, собравшаяся 27 октября в Киеве, провалилась уже после своего закрытия.

За период по октябрь 1907 года киевская группа работников Спилки пыталась вести и руководящую работу в районе. Сохранили связи с Меленевским и, вероятно, при его содействии, а также с помощью киевского комитета партии были выпущены прокламации „К селянам" и „К сельским рабочим". Обе прокламации были напечатаны в типографии киевского комитета в сравнительно небольшом количестве — 20 и 10 тысяч экземпляров. Прокламации были выпущены в связи с избирательной кампанией в третью Гос. Думу. Первая из прокламаций дает указание, как проводить выборы и организовывать на местах крестьянские избирательные комитеты, и является до известной степени перепевом того, о чем Спилка писала во время выборов во вторую Государственную Думу. В прокламации даются советы крестьянам — созывать волостные, уездные и губернские избирательные совещания из представителей сельских комитетов. Советы эти не имели большого практического значения хотя бы потому, что на местах не было крепкой организации, которая руководила бы этим делом. В листке „К сельским рабочим" давался обычный лозунг Спилки — готовиться к борьбе с работодателями, организовывать сельские забастовочные комитеты, закладывать стачечные кассы. Письмо, написанное от имени Главного Комитета и составленное, возможно, еще Грицьком, давала указания местным организациям относительно думской кампании и ряд практических советов, как оградить сельских выборщиков от полицейских преследований.

Работа оставшейся в Киеве группы продолжалась недолго. Уже к началу октября 1907 года вновь наступает полоса обысков и арестов в Киеве и районах. 6 октября в донесении департаменту полиции Кулябко сообщал: „Вследствие предписания ликвидированы выясненные связи по Спилке. Произведено 56 обысков. Арестов не произведено в виду появления холерных заболеваний среди арестованных, так как даже ранее арестованные в силу необходимости освобождены из-под ареста". Провалились к тому времени также явка и адреса

для переписки в зубоврачебной школе Жука. Перлюстрация переписки дала в руки полиции адрес волынского районного комитета в Бердичеве. В связи с провалами явок, департамент полиции предложил киевским властям принять меры против школы Жука, „в виду той роли, которую она играет в революционном движении". Школа, насколько помнится, была через некоторое время закрыта.

6 октября были произведены обыски у присяжного поверенного Дмитрия Мияковского, Б. Хазанович, студента Льва Хвастовского, секретаря киевского союза портных Ивана Сахарова и аптекарского помощника Арона Озика. Мияковского Кулябко характеризовал, как „деятельного члена Спилки, поддерживающего тесную связь с секретарем Главного Комитета „Надей" и студентом Николаем Галаганом". У Мияковского же были найдены в переписке указания на предстоящий приезд в Киев Баска-Меленевского. О Хвастовском у охранки имелись сведения, как о лице, поддерживающем связи с иногородними организациями, об Озике — как о содержателе явки Из обысканных Мияковский, Хазанович и Сахаров были арестованы, Галагана же охранка почему-то снова пощадила.

В Киеве во время октябрьских обысков опять были сильно потрепаны украинские соц.-дем. и радикалы, которых охранка так или иначе считала причастными к „преступному сообществу Спилки". Во время повальных обысков в Полтаве была захвачена типография украинских соц.-дем. Сильно пострадала васильковская организация Спилки, начавшая восстанавливаться после июньских провалов. Здесь по связям с секретарем „Надей" был арестован Иосиф Ратманский, на имя которого поступали письма из Киева. Евсей Левицкий, на квартире которого была найдена печать организации, и Мендель Вайсберг, руководивший кружками рабочих кожевников, временно избежали ареста. Ратманский, просидев несколько месяцев в васильковской тюрьме, был сослан в административном порядке.

Попытки возродить руководящий орган Спилки были возобновлены в ноябре 1907 года. В первой половине ноября в Киев приехал Басок-Меленевский, о котором охранка продолжала переписываться с департаментом полиции. Извещенная о приезде Баска, полиция произвела ряд безрезультатных обысков. Одно время ей удалось взять его под наблюдение, но в конце концов он все же ускользнул из-под ее

надзора. В Киеве к приезду Баска в 20-х числах ноября было устроено совещание спилковских работников, часть которых приехала из районов. Совещание состоялось в уединенном месте на Ирпене вблизи Киева и должно было прерваться, так как один из делегатов (от фастовского района), который на совещании не присутствовал, оказался провокатором. Всего собралось до 20 человек. Успели обсудить два вопроса: об избирательной кампании в третью Гос. Думу и об организации области. О характере совещания говорит обращение к местным организациям, захваченное при аресте одного из спильчан в декабре 1907 года.

„Вследствие сыска,—заявлялось в обращении,—члены Главного Комитета были лишены фактической возможности руководить областной работой... Случайно находившиеся в это время работники из районов сочли своей обязанностью сделать все возможное для предупреждения полного распада областной организации. Эта группа поставила себе ближайшей целью восстановить и сохранить старые связи с районами, подготовить общеспилковский съезд и учредить центральный орган, путем ли выборов его на общеспилковской конференции или путем районного представительства. Мы думаем, что в данном случае мы не пошли против партийной дисциплины и, наоборот, сделали все, что должны были сделать, как члены партии, в момент подобного рода затруднительных обстоятельств. Само собой разумеется, что задача данной группы по восстановлению временно приостановленной работы не идет вразрез с задачами Главного Комитета, как высшего областного центра“.

Право на то, чтобы представлять область, было формально дано группе, о которой упоминается в обращении, еще ранее. Примерно в октябре, за подписью Грицька и Баска, было получено в Киеве на имя Жени (Енты Хорол) письмо, в котором они заявляли, что Главный Комитет, избранный на ноябрьской конференции 1905 года, вынужден по независящим от него обстоятельствам сложить свои полномочия. Для сохранения связей и дальнейшей работы Спилки необходим был, как заявляли авторы письма, обслуживающий центр, и поэтому Главный Комитет передавал свои функции центральной группе, которая и объявлялась официальным представителем Спилки и Главного Комитета.

В центральную группу после названного нами ноябрьского совещания вошли Антип (Барановский), Константин (студент Абрам Френкель). Наум (студент Леон Гольденфарб), студент Дубянский и другие. Из них многие, в том числе Френкель и Гольденфарб, еще в 1906 году вход или в техническую группу и секретариат Спилки. Как оказалось впоследствии, в центральную группу затесался провокатор. Это был Антип (Барановский), вначале состоявший секретарем группы, а затем передавший секретарские обязанности Константину (Френкелю). Барановский после отказа от секретарствования переезжает в Кролевецкий уезд Черниговский губернии, и здесь якобы руководит крестьянской работой. Подозрения о провокаторской роли Антипа возникли позднее, после провалов в 1909 году, однако, по данным охранки конца 1907 и начала 1908 г.г., можно полагать, что его предательская роль началась значительно раньше. Но даже и не прибегая к провокатору, охранка все время могла держать под наблюдением центральную группу, большая часть которой ей была известна по слежке в 1906 и 1907 годах.

Дни группы были сочтены. 8 декабря на улице был арестован студент Дубянский, у которого при обыске был найден текст обращения к местным организациям. Кроме того, у Дубянского были найдены записи об отъезде Антипа и несколько явок. На квартире у него же был обнаружен типографский шрифт и набор готовящейся прокламации. Дубянский был предан суду. В начале января он бежал из участка.

Все циркуляры, рассылавшиеся секретарем Константином, почти в тот же день становились известными охранке. Так, в подробном докладе о деятельности спилки Кулябко пишет: „Около 15 января сего года, Константин уведомлял иногородние организации, что в распоряжении центральной группы имеется в достаточной степени нелегальная литература... каковую рекомендовал приобрести иногородним группам, причем для явки за нелегальной литературой указал писчебумажный магазин Быстрицкого, но в виду ареста его 17 января сего года Константин разослал новую явку: „Александровская больница, сказать — я хочу заболеть еще раз тифом". По получении этой явки, был командирован в Александровскую больницу служащий в отделении Сампсон Демидюк, которому „Александра Титовна" обещала приготовить „библиотечку".

У Александры Титовны (надзирательница больница Баранова) был произведен обыск, не давший никаких результатов. Немедленно Кулябко удалось узнать, что в день обыска Константин разослал извещение о том, что „хотя явка в Александровскую больницу слегка провалилась, но за неимением подходящих квартир, явка остается прежняя с переменой лишь пароля“.

Охранка под видом члена организации снова послала своего агента — околоточного надзирателя Миненко. Самым интересным моментом здесь является то, что агент заявил, что он прибыл из Кролевца, т. е. из того района, где „работал“ Антип. Очевидно, он представил достаточно веские данные о себе, потому что недавно обысканная Баранова без всяких сомнений вручила ему другую явку по Васильковской улице № 46, где жила одна из спилковских работниц — Ольга (Гафт). На явку, вместо Миненки, пошел прежний филер Демидюк, встретившийся и с Константином, с которым вел продолжительную беседу, и с Ольгой. Достаточно осведомленный Кулябко решил покончить с этим делом. 1 марта на вокзале был задержан собиравшийся выехать в район Константин (Френкель), сопровождавший его Гольденфарб, его сестра и Цецилия Десслер. 3 марта Кулябко телеграфировал департаменту полиции: „Арестовал на вокзале при выезде из Киева секретаря центральной группы Спилки — Константина, оказавшегося Абрамом Френкелем. Ликвидировал его связи. Арестовано 6 человек. При обысках найдены: печать центральной группы Спилки, прокламации, чистые паспортные бланки и уличающая переписка“. Кстати, о паспортных бланках. Еще 23 сентября 1907 Кулябко извещал департамент полиции, что знает, где хранятся печати для явки паспортов. „В настоящее время,— заявлял он,— по агентурным соображениям, таковые печати не могут быть изъяты, лица с такими паспортами будут арестовываться“.

В числе арестованных оказались, помимо задержанных на киевском вокзале, Софья Десслер, у которой было найдено письмо Константина, обращенное к Николаю Михайловичу (Галагану) вместе с запиской Лии (Елисаветы Эйнгель). В записке Лия сообщала Константину, что техника занята. Лия была, вероятно, связана с типографией киевского комитета, и Константин еще ранее обратился к ней с просьбой о приеме заказа на напечатание прокламаций. „За определенную плату,—

заявляла Лия, — мы беремся сделать вам набор и даем вам наши типографские принадлежности для напечатания, а двух человек для печатания и квартиру вы сами доставите". Письмо Константина к Николаю Михайловичу не сохранилось, но в нем, очевидно (записка была приложена к письму), излагалась просьба о том, чтобы были предприняты практические шаги для напечатания листка. Эйнгель была арестована позднее, а Галаган, известный охранке как Николай Михайлович и шедший под филерской кличкой „Акуловый", был оставлен после обыска на свободе „за неоказательством материала".

На квартире Хаи Духовной и Берты Груойг была найдена печать центральной группы, паспортные бланки и архив организации. При обыске у Константина было обнаружено небольшое количество провинциальных явок и шифр для сношений с губерниями и с Центральным Комитетом.

Гольденфарб, Софья Десслер, Френкель и Елисавета Эйнгель были привлечены к суду по первой части 102 ст. Угол. Улож.—за принадлежность к центральной группе Спилки. В начале 1909 года их дело разбиралось киевской судебной палатой. Френкель и Гольденфарб были приговорены к ссылке на поселение, Десслер и Эйнгель были оправданы. Попутно с делом центральной группы по обнаруженным связям был произведен ряд обысков и арестов. Имея в своем распоряжении адреса для спилковской переписки, охранка проследила Наума, объезжавшего южно-киевский район и подготовлявшего созыв районной конференции. В январе такая конференция была, действительно, созвана. Филеров в Черкассы прибыло больше, чем делегатов. Были задержаны только три делегата: от Черкасс, Звенигородки и Лебедина. В виду того, что делегатов не удалось задержать с поличным — совещание не состоялось — они отделались сравнительно легко, получив высылку в Вологодскую губернию. Массовые обыски были произведены в январе также в местечках Шполе и Златополе. В первом из них было арестовано 15, во втором 12 человек. Расправа с ними произошла в административном порядке. В Клинцах явка привела к обнаружению Сарры Фарберовой и группы лиц, дело о которых было выделено в особый процесс новозыбковско-клинцовского района Спилки. По Волыни дело обошлось сравнительно благополучно. Здесь в руки охранки попала фамилия одного из местных активных работников,

который не был обнаружен, и адрес для переписки с Новгород-Волынском.

К чему сводилась работа центральной группы Спилки и ее районов? В ее распоряжении находились связи с новозыбковско-клинцовским районом, Кролевцом, Черкассами, Васильковым. Ко времени провала готовился созыв волынской районной организации. Сохранились также остатки подольской районной организации в Виннице, Баре, Каменец-Подольске и т. д. Полтавская губерния в связи с провалами обособилась и вела работу самостоятельно. Организации на местах были численно невелики, раярозненны, связи с селом терялись. Центральная группа располагала двумя-тремя работниками, пригодными для объезда районов. Свою работу и связи с селом группа сводила к распространению листков и небольших библиотечек, главным образом, из брошюр, изданных явочным порядком. О своей типографии при отсутствии средств нельзя было и мечтать. Попытки наладить свою технику, однако, были, как показывает дело Дубянского. Очень характерно, как по мере утраты крестьянских связей, содержание прокламаций, литературы и круг вопросов, которым уделяет внимание центральная группа, оказываются все ближе связанными с городом и его интересами. Большое значение приобретает вопрос о профсоюзах.

Центральная группа не всегда последовательно защищает точку зрения „нейтральности“ профдвижения (официальная меньшевистская точка зрения) и выпускает по этому поводу особый листок. Она пытается связаться с железнодорожным союзом. В проекте воззвания к членам железнодорожного союза проводится та точка зрения, что единый союз рабочих и служащих вреден для классовой борьбы. „Они (служащие) не в силах сознать общности своих интересов с интересами всего пролетариата и поэтому скорее или охотнее подчиняются влиянию буржуазии, чем пролетариата... Те „служащие“, которые окажутся способными отрешиться от мелко-буржуазных партий и расстаться со своими предрассудками... будут радостно приняты в ряды социал-демократов. Те же, кто не способен на такой шаг, пусть организуются в свои союзы служащих... Объединяйтесь же, железнодорожные служащие, в свои пролетарские организации под руководством вашей рабочей социал-демократической партии. В самостоятельных

организациях вы будете сильнее, чем в мелко-буржуазных союзах, где вас связывает по рукам и ногам ограниченность мелко-буржуазных программ". Воззвание это, вероятно, отражало и точку зрения киевского комитета, который вел с соц.-рев. борьбу за влияние на железнодорожников. Нейтральность профсоюзов и роль политической партии, как мы видим, здесь порядком спутаны.

Центральной группе приходится заниматься распространением не своих изданий и литературы, а получаемой от Центрального Комитета. Литература имеет поэтому часто довольно отдаленную связь с деревней. Только местные организации по конкретным поводам издавали время от времени свои листки, имеющие прямое отношение к селу. Здесь можно отметить хотя бы прокламацию бердичевской организации „К рабочим на сахарных заводах", выпущенную в конце 1907 г. В переписке центральной группы с местами больше всего внимания уделяется организационным вопросам и избирательной кампании в Государственную Думу. В одном из циркулярных писем центральной группы сообщается о том, что правление германской социал-демократической партии предоставило Центральному Комитету сто тысяч марок на избирательную кампанию, причем деньги будут распределены между теми организациями, которые активно поведут работу. Организации приглашались представить сведения о ходе предвыборной агитации. В другом циркуляре местным организациям предлагалось в связи с предстоящими выборами укреплять работу на селе.

Правительство не торопилось с выборами в третью Думу. Когда момент выборов настал, ни центрального органа Спилки, ни большинства ее местных организаций не существовало. Отдельные работники социал-демократы и немногочисленные рабочие группы проявили некоторую активность и приняли участие в выборах. Третьеиюньский закон о выборах и откровенная реакция не оставляли широких возможностей для предвыборной агитации. Мы писали уже о бойкотистских настроениях на селе. Они были довольно сильны и в городе среди рабочих. Так, в Полтавской губернии рабочие не участвовали в выборах на 16 крупных предприятиях. В некоторых городах агитация велась вокруг отдельных кандидатов (бундовец Торговец в Житомире), что вызвало оживление в организациях и в настроениях ремесленной массы

и рабочих. На Волыни выборы в третью Государственную Думу проводил Волынский районный комитет, не имея никаких указаний о том, какой линии следует держаться. До Житомира удалось довести около сорока выборщиков рабочих и крестьян. Из левых выборщиков была созвана своя предварительная конференция, на которой был принят социал-демократический наказ. Несмотря на разгром организаций, прежняя работа и связи сыграли свою роль во время выборов. По данным „Слова“ (№ 20 за 22 сентября 1908 года), по Полтавской губернии прошло в выборщики два социал-демократа и двенадцать левых. „Слово“ указывало, что среди левых многие были социал-демократами, из них четыре социал-демократа от одного только Кременчугского уезда и Крюкова. По Киевской губернии прошло, по официальным данным, в выборщики два социал-демократа и один левый, сведения вряд ли правильные, так как по одним только Черкассам прошел один спильчанин и один украинский соц.-дем. По Черниговской губернии прошло пять левых выборщиков, по Подольской девять. Еще показательнее цифры о числе левых уполномоченных от крестьянских волостных сходов. Сведения приведены тем же „Словом“. Полтавская губерния дала 25 социал-демократов и 88 левых, Черниговская губерния — 55 левых, Киевская — 45 левых, Подольская — 24 левых. Обозначение „левый“, конечно, весьма условно, но оно все же очень показательно для того, чтобы определить настроения и взгляды, крестьянских выборных.

Арест центральной группы Спилки был последним ударом, временно оборвавшим еще теплившуюся жизнь областной организации. Спилка, однако, обнаружила большую живучесть. За ее возрождение, одновременно с двух концов, принялись уцелевшие работники на Украине и группы спильчан, эмигрировавших за границу.

## Период „Правды“ и провинциального бюро (1908 — 1912 г. г.)

Летом 1908 года по инициативе Баска-Меленевского и спильчан, находившихся за границей, был организован ряд „групп содействия“ — в Цюрихе, Женеве, Париже, Вене, Львове, которые ставили себе целью помочь возрождению

Спилки. В круг работы этих групп входил сбор денежных средств, переправка литературы через границы, поддерживание связей в районе Спилки и т. д. Басок вместе с группой спильчан полагал, что объединение района можно будет повести тем же путем, как и в начале 1905 года, т. е. путем создания своего нелегального печатного органа. Через группы содействия в Цюрихе и Вене велись переговоры с рядом лиц о привлечении их в редакцию „Правды", которую решила издавать заграничная группа спильчан. Переговоры эти велись вначале с Семковским, который был привлечен в редакцию „Правды", и только впоследствии с Троцким, при котором была образована редакционная коллегия в составе самого Троцкого, Баска, Иоффе и Скобелева. Фракционный состав групп содействия не был исключительно меньшевистским. Сами спильчане, хлопотавшие о возрождении подпольной организации, считали себя в этот период партийцами. Кроме них, в группы содействия входили и большевики-партийцы (в венскую рабочую группу — большевик Вегман).

Вывеска „Спилки", под которой казалось удобным начать собирание социал-демократического подполья, через короткое время, очевидно, стала стеснительной для Троцкого. Уже с четвертого номера „Правда" отбросила заголовок Спилки и превратилась в орган объединенцев. Издание ее из Львова было перенесено в Вену. Связи со спилковскими организациями газета, тем не менее, сохранила, и в течение нескольких лет подряд помещала отчеты о деятельности местных кружков и комитетов.

На Украине районом, откуда началось восстановление областных связей Спилки, были Волынская и Подольская губернии. Как мы уже говорили выше, одной из немногих уцелевших организаций была волынская. В Житомире из союза учащихся средних учебных заведений летом 1907 года выделилась группа во главе с А. Росновским, решившая заняться социал-демократической работой. Группа эта связалась с Островским (Аркадием) и Малиновским (Евгением), в прошлом работавшими в социал-демократических организациях этого района. Организация имела свою печать, гектограф и небольшую нелегальную библиотеку. Были возобновлены связи с рабочими и ремесленниками, удалось организовать небольшой кружок железнодорожных рабочих. Житомирская

группа работала по тем временам довольно интенсивно, выпустила первомайский листок, программу-минимум соц.-дем. и прокламацию — „К рабочим и работницам Житомира“. Как сообщалось в № 5 „Правды“, еще в апреле 1908 года образовалось волынское районное бюро Спилки для восстановления и организации провинциальных групп. Летом 1908 года житомирская группа прочно связалась с бердичевской, где в то время оставался один из работников Спилки — Д. Бродский. В районную организацию, кроме Бердичева и Житомира, вошла небольшая группа в Новгород-Волынске, Кореце, где имелась крупная фаянсовая фабрика, местечко Полонное, местечко Мизочь, где были связи с группой учащихся в учительской семинарии, Андрушевский сахарный завод, куда передавалась литература и где была поставлена своя библиотека. Связь с селом носила случайный характер и осуществлялась, главным образом, через учеников фельдшерской школы. В житомирской фельдшерской школе учились преимущественно дети крестьян и поэтому на нее было обращено особое внимание организации. Здесь Росновским велись кружки и зимою 1908 года было проведено несколько дискуссий по аграрному вопросу, на которых присутствовало 30 — 40 человек.

Осенью 1908 года организация получила первое письмо от заграничного бюро Спилки за подписью Баска. Как значилось в письме, последнее посылалось „по поручению редакции „Правды“. В нем указывались мотивы издания „Правды“ и заявлялось, что организация займет межфракционную позицию, борясь за единство партии. В конце 1908 года районный комитет выпустил письмо к деревенским работникам под заглавием: „Что делать теперь в деревне“. В письме рекомендовалось направить все силы на организацию и просвещение сельско-хозяйственного пролетариата.

Конец 1908 года ознаменовывается новой попыткой воссоздать областное объединение, на этот раз в гораздо более широком масштабе. К великому сожалению, инициатива этой попытки принадлежала вернувшемуся из за границы Антипу (Барановскому), который использовал свои связи и объезды в провокационных целях. В ноябре-декабре Антип появился в Житомире, предъявив мандат, в котором значилось, что он является представителем заграничной группы Спилки и делегируется в Россию для созыва общеспилковской конференции.

На мандате была печать киевского комитета РСДРП и подпись секретаря этой организации. Личность Антипа вызвала подозрение у некоторых работников Спилки, но предъявленные им полномочия и несомненная связь с заграничной группой Спилки были достаточным доказательством для того, чтобы подозрения эти не получили силы. В январе 1909 года Антипу удалось сорганизовать областную конференцию. При обыске студента Такуева, одной из вероятных жертв Антипа, в апреле 1909 года был обнаружен протокол злополучной конференции. Как видно из протокола, на ней были представлены Гомель с гомельским районом, Шостка и Воронеж (сахарный завод), Кролевец с районом, Бердичев, Житомир, Новгород-Волынск и заграничная группа Спилки (т. е. тот же Антип).

Нельзя сказать, чтобы конференция была многолюдной, а представительство особенно широким. На ней присутствовало всего 18 человек, включая и Антипа. От житомирской организации должен был поехать Росновский, которому помешал недостаток средств. Полномочие было передано представителю бердичевской организации. Состав конференции не помешал Антипу настоять на том, чтобы был избран Главный Комитет, облеченный всеми полномочиями. В протоколе по этому поводу было сказано, что конференция избрала Главный Комитет, предоставив ему право кооптации. Далее конференция выражала пожелания, чтобы в недалеком будущем был созван общеспилковский съезд. В письме, выпущенном вслед за созывом конференции, заявлялось, что в январе, по инициативе заграничной группы Спилки, была созвана общеспилковская конференция, которая разработала ряд вопросов, касающихся возобновления работы в области. „Конференция эта,— заявлялось дальше,— выбрала Главный Комитет, поручив ему создание областного органа (печати.— *А. Р.*), вокруг которого могла бы начаться работа в области. На первом же своем заседании Главный Комитет принял ряд решений для проведения в жизнь постановлений общеспилковской конференции... Решения конференции посланы в редакцию „Голос социал-демократа“ с предложением выделить из своей среды коллегию для редактирования спилковского органа“. Организации на местах призывались к тому, чтобы напрячь все усилия и добыть средства на издание проектируемой газеты.

Антип оказался не только провокатором, но и ярым меньшевиком. Он выступил на конференции резко против объединенческой линии, которую заняли спилковские организации и „Правда". Под его влиянием была принята следующая резолюция о работе на местах: „Насущной задачей социал-демократии в России в данный момент, в связи с изменившимися социально-политическими условиями страны, является коренное изменение форм работы в направлении сочетаний нелегальных форм с легальными. Исходя из этого, социал-демократия должна обратить особое внимание на работу в области профессионального, кооперативного и культурно-просветительного движения рабочих. Отказавшись от организационного закрепления за собой означенных форм движения, она должна стремиться к распространению социал-демократического влияния на них. Не останавливаясь на этом, она должна развить широкую деятельность вокруг Государственной Думы, стараясь привлечь внимание рабочих масс к последней..."

Резолюции конференции, пересланные за границу, очевидно, возымели свое действие, и летом 1909 года от имени несуществующего Главного Комитета Спилки был издан единственный номер „Известий Украинского Союза", в котором были помещены статьи Мартынова, Дана и др.

Другим результатом „организационной" деятельности Антипа явилась слежка за всеми работниками, которые были ему известны. Еще при поездке на конференцию такая слежка была установлена за предполагаемым житомирским и за бердичевским делегатами. Сама конференция, однако, была пощажена, вероятно, благодаря двойной игре или предварительному уговору Антипа с охранкой. Местные организации были взяты под тщательное наблюдение. В результате был произведен ряд обысков и арестов. Так, в Житомире в апреле 1909 г. весь актив житомирской организации подвергся обыскам. Были арестованы руководители организации Росновский и Малиновский. В феврале и марте 1909 года Антип продолжал еще рассылать свои циркуляры местным организациям, а затем исчез, переменив, очевидно, свое амплуа.

Связи с заграничной группой спильчан не ограничивались одним дольво Антипом. В феврале 1909 г. в Россию приехал Басок, о чем Антип, вероятно, не знал. Басок самостоятельно связался с организациями волынско-подольского района

и в течение долгого времени поддерживал с ними переписку и пересылал литературу. После возвращения в Львов им была написана на украинском языке под псевдонимом Ивана Гильки брошюра „Экономия“ и издан листок от имени волынско-подольского района Спилки под заглавием: „Что делать сельским рабочим“. До 1910 года продолжала мерцать жизнь в подпольных организациях волынско-подольского района. В первых числах апреля 1909 года в Виннице состоялась конференция подольских организаций. В ней приняли участие представители одной городской и шести сельских организаций. В повестку дня был внесен ряд вопросов: об экономическом положении, о праздновании первого мая, доклад об общерусской конференции и т. д. Из отчетов из мест выяснилось, что условия для работы на селе благоприятны, главным образом, среди сельско-хозяйственных рабочих, положение которых значительно ухудшилось. Конференция постановила оказывать всяческую поддержку „Правде“. В заключение был избран комитет подольских организаций в составе пяти человек, из них три сельско-хозяйственных рабочих („Правда“ № 4 за 2 июня 1909 года).

В пятом номере „Правды“ приведены сведения о состоявшемся совместном заседании подольского и волынского районных комитетов, на котором было выражено пожелание, чтобы „Правда“ продолжала придерживаться линии, взятой в первых ее номерах. В корреспонденции из Бердичева сообщалось о том, что рабочие охотно подписываются на „Правду“ и проявляют интерес к социал-демократической литераттре. Письма из волынско-подольского района продолжали и в дальнейшем появляться на страницах „Правды“ во все время ее существования. В конце 1909 года была снова сделана попытка созвать конференцию подольского района. В Виннице собралось всего три делегата, не считая представителя волынского района.

Организации медленно умирали, районы, в связи с общей политической обстановкой и условиями работы в крупных городах, постепенно распадались. Самым оживленным периодом, как мы уже говорили выше, были выборы в третью Государственную Думу. После годичного перерыва, осенью 1910 года группа работников снова приступила к восстановлению областной организации. В Киев переехал Росновский,

который встретился здесь с бывшим секретарем житомирской группы Малиновским. Вместе с Давидом Бродским, переселившимся в Васильков, они образовали провинциальное бюро Спилки и связались в лице Баска с заграничной группой спильчан. В отчетной корреспонденции, помещенной в № 21 „Правды“ от 25 июня 1911 года, указывалось на начавшееся оживление в работе и сообщалось о получени 200 экземпляров „Правды“ для распространения в районе. Легальных возможностей, по словам корреспонденции, в районе не было никаких, связи с селом отсутствовали. О размерах работы говорит и количество первомайских листков, распространенных в районе. Листки — всего 500 экземпляров — были получены от киевского комитета. Связи провинциальной группы в то время ограничивались Васильковом, Фастовом, Житомиром и Бердичевом. Время от времени объединились объезды районов, главным образом, Росновским. Единственный провал того времени—арест приехавшего из-за границы спильчанина Козака, намеревавшегося организовать переправу транспорта нелегальной литературы. Козак был вскоре освобожден и уехал обратно за границу. От имени провинциального бюро в конце 1911 года в „Правде“ было помещено воззвание „К товарищам спилковцам“. Приводим ниже это воззвание, так как оно в достаточной степени характеризует и общую обстановку работы и надежды уцелевших групп спильчан.

„Черные годы разрозненности, бессилия и апатии остались позади. Зарубцевались наиболее тяжкие раны, нанесенные рабочему люду его торжествующими врагами. Ослабление проклятой безработицы, которой, казалось, конца края не видать, позволила рабочему чуть-чуть разогнуть спину, и он сразу почувствовал себя смелее и бодрее. Оживление в промышленности уже дало решительный толчок к стачечному движению. Крепнут профессиональные союзы. Одновременно поднялось и политическое настроение. Среди масс снова повышается интересс к газете, к Думе, к свободной мысли, к революционному слову. Среди передовых рабочих, в тягчайшие годы реакционного разгула не перестававших чувствовать и сознавать себя социал-демократами, растет тяга к партийной организации. Восстановление РСДРП, под знаменами которой рабочий класс совершал свои революционные походы, становится снова ясно сознанной задачей

передового слоя рабочих. Не только в столицах и в южных центрах рабочего движения, но и у нас, в районе старой Спилки, мы видим те же самые признаки возрождения и подъема. Пока что они сказываются, главным образом, в городах, но отсюда оживление передается и в деревню: на экономию, на сахарный завод. Но уже и сейчас, на первых шагах нашей работы, мы наталкиваемся на необходимость областной организации, которая могла бы приспособиться к местным условиям, оставаясь в то же время нераздельной частью общепартийной организации. Наша дореволюционная работа в районе Спилки показала нам, какие крупные плоды может дать классовая социал-демократическая агитация в деревне. С того времени естественный процесс классового расслоения крестьянства, подталкиваемый кулаческой аграрной политикой Столыпина, сделал новые завоевания. Быстро растут кадры сельского пролетариата. Нещадной эксплоатации подвергаются они в экономиях, где все шире применяются машины, вытесняя живой человеческий труд. В белых невольников превращают рабочих свекло-сахарные плантации и сахарные заводы. И все молодое пореволюционное поколение сельского пролетариата почти не знает, что такое протест, что такое организованный отпор, что такое планомерная борьба за достойную человеческую жизнь. Какой бы вопрос социального законодательства ни поднимался, сельско-хозяйственный пролетариат неизменно обходят, точно покойника. Экономии, эти пшеничные фабрики, не знают ограничения рабочего времени. Свекловичных рабов не коснется государственное страхование. И это продолжится до тех пор, пока сельский пролетариат не возвысит свой голос.

„Неотложный долг наш — внести в его среду свет классового сознания. Нужно строить профессиональные союзы, по необходимости нелегальные, с сильным центральным ядром, которые в подходящий момент могли бы привести в движение всю массу для борьбы за лучшие условия труда. Передовые элементы необходимо объединять в партийные группы; группы эти тесно связывать между собою и с городскими социал-демократическими организациями. Необходимо издание приспособленной для нашего района социал-демократической литературы: газетной, брошюрной и прокламационной. И мешкать нельзя: нужно, чтобы в часы нового прибоя провинция

не отставала от столиц и сельский пролетариат от городского. Первым приступом к делу должно явиться сплочение социал-демократов работников нашего района, ныне рассеянных по разным углам, без всякой связи друг с другом. Воссоздать партийные ячейки из старых социал-демократических элементов, не утративших ни энергии, ни веры в свое дело, и из новых товарищей по оружию — без различия фракций и идейных течений, — таков первый шаг, к которому призывает товарищей провинциальное бюро Спилки, организованное по инициативе некоторых партийных работников волынского района. Задача провинциального бюро — чисто техническая, восстановив сношения, натянуть связи, дабы могла собраться хотя бы узкая спилковская конференция, которая поставит дело воссоздания нашей областной организации на более прочные основы. Эта работа даст нам вместе с тем возможность принять участие в подготовке широкой общепартийной конференции, созыв которой представляет в настоящее время острую потребность, сознанную всеми мыслящими элементами партии.

„Связывайтесь же с нами, товарищи спилковцы, либо непосредственно, либо через заграничное бюро Центрального Комитета, либо через редакцию „Правды". Уславливайтесь с нами о шифре, сообщайте адреса для переписки, явки, адреса для пересылки литературы. Мы призываем также и спилковцев-эмигрантов придти нам на помощь путем сбора средств и доставки литературы. Откликнитесь же, товарищи, дело не ждет".

Редакция „Правды" с своей стороны выражала полную готовность оказывать Спилке всяческое содействие в ее стремлении воссоздать украинскую областную организацию партии.

Призыв провинциального бюро остался без ответа. Нужна была длительная кропотливая работа для того, чтобы раньше всего возродить местные организации, а затем уже приняться за их объединение. Первый состав провинциального бюро распался сам собой. Один из его работников — Малиновский — временно отошел от организации, Росновский связался с киевским комитетом и вошел в его состав, работая вместе с братьями Пятаковыми и другими. Летом 1912 года с приездом из-за границы Арнольда Риша провинциальное бюро было

восстановлено. В него, помимо Риша, вошли Росновский и Николай Гаврилов—оба активные работники киевского комитета. В 1912 году расслоение между большевиками и меньшевиками чувствовалось довольно резко. Так как Спилка, по правдистской традиции, рассматривалась, как междуфракционная организация, а также в виду разногласий между членами провинциального бюро, решено было организационно не примыкать ни к меньшевистскому Организационному Комитету, ни к большевистскому ЦК. Связи с провинцией к 1912 году несколько расширились. При помощи объездов, в которых помимо членов провинциального бюро, принимал участие и близко стоящий к нему Иосиф Левик, удалось установить связь с Фастовым, Васильковым, Лубнами, Кременчугом, Черниговом и т. д. Организация просуществовала несколько месяцев и затем незаметно распалась. Каждый из ее членов крепко связался с одной какой-либо местной организацией. Во время выборов в четвертую Гос. Думу отдельные работники Спилки, без предварительного сговора между собой, проводили кампанию в ряде городов и местечек бывшей спилковской области. Росновский для этой цели выехал в Черкассы и Смелу, Малиновский—в Брусилов, Риш и Бродский—в Васильковский уезд.

Связи с заграницей, и в частности с Баском, поддерживал в течение всего периода Росновский. От имени провинциального бюро, но без его ведома и санкции, Басок в мае 1912 г. издал еще одно воззвание „До всіх спільчан". На воззвании этом лежал явно ликвидаторский штамп. Призывая к партийному единству, к работе среди сельского пролетариата и организации нелегальных ячеек на селе, листок в то же время рекомендовал обратить все внимание на организацию профсоюзов и просветительных товариществ на селе. Такие организации, по мнению автора письма, должны были стать основой и для нелегальной революционной работы. Воззвание „До всіх спільчан" было последним официальным документом, выпущенным от имени Спилки.

## Значение Спилки.

Оглядываясь на прошлое, при самом критическом отношении к Спилке, мы должны признать за ней ряд несомненных заслуг. Обычно, о Спилке знают только по сравнительно короткому ларинскому периоду, когда она действительно была

ультра-меньшевистской. В остальные периоды ее тактическая линия была скорее болотистой, особенно в последние несколько лет ее существования. Об оппортунизме Спилки усердно твердили украинские соц.-дем., многие из которых теперь не прочь заявить о своих прошлых большевистских симпатиях. И Порш и Винниченко считали себя большевиками в организационном вопросе, в вопросе о бойкоте Гос. Думы Это не помешало им быть меньшевиками в основном, кардинальнейшем для партии, ориентирующейся на село, вопросе — о земле. Тут они вместе с меньшевиками признавали муниципализацию. Большевизм, как мы видели выше, не помешал украинским соц.-дем. поддерживать избирательную кампанию Спилки и вести переговоры с ней в момент, когда она, казалось бы, всего ближе была к оппортунизму.

Характерным для Спилки являлся не столько меньшевизм, сколько узкий практицизм, вызываемый стремлением закрепить связи на селе, организовать крестьянское движение, приноровив его к существующим лозунгам и политическим требованиям городского движения.

В 1905 — 1906 г.г., когда вооруженное восстание казалось близким, Главный Комитет Спилки связывается с военно-техническим бюро партии и рассылает своим организацням циркуляр, говорящий о необходимости технической подготовки восстания на местах и предлагающий своим организациям приобретать оружие и бомбы. Никакого противоречия с прошлым, с традициями прежней работы, не было и в последующий период, когда Спилка становится на примиренческую точку зрения, поддерживая в течение ряда лет „Правду" Троцкого. Она продолжает этим свою прежнюю линию — стремление закрепить революционную организацию на селе, сохранить подполье, против которого ополчились ликвидаторы. Само собой понятно, что основным условием для успешной работы было, как мы уже говорили раньше, установление связей между селом и городом. В украинском городе и местечке характер социал-демократич. организаций определился еще до того, как Спилка сложилась в областную организацию. В украинском городе и местечке социал-демократическое движение было меньшевистским. Спилка столкнулась с этим явлением, как с фактом, и оно же наложило свою печать на тактическую линию Спилки.

Вне всяких сомнений, Спилка была меньшевистской организацией. Ее историческая заслуга, благодаря этому, умаляется, но все же остается достаточно крупной. Она впервые на Украине правильно разрешила вопрос о совместной борьбе украинского, русского и еврейского пролетариата. Она привлекла в свои ряды значительную часть украинской революционной интеллигенции и сумела сочетать и слить ее работу с деятельностью русских и еврейских революционных интеллигентов и рабочих в единой социал-демократической организации. Можно не доказывать, что именно такой взгляд на построение партии и на взаимоотношения отдельных национальных групп пролетариата между собой был подтвержден историей.

Спилка не имела своей национальной программы, никогда не выпячивала, что она является украинской организацией в кавычках, и тем не менее, сама не сознавая этого, она была зародышем социал-демократической партии Украины. Ее рост приостановился, ограничившись Правобережьем и Полтавской губернией, благодаря тому, что ко времени ее возникновения харьковская и екатеринославская организации были крупными центрами социал-демократического рабочего движения с тяготеющими к ним ближайшими районами. Работа среди городского пролетариата стояла в этих организациях на первом плане и затемняла до известной степени значение работы среди крестьянства. Для того, чтобы преодолеть вполне понятное сопротивление со стороны таких мощных организаций, как харьковская и екатеринославская, необходимо было время. Реакция же приостановила дальнейшее развитие Спилки именно в тот период, когда она стала все шире распространять свое влияние на ряд смежных районов.

Нелюбовь, которую Спилка заслужила со стороны бывших РУП'истов и украинских соц.-дем., говорит об их собственной мелко-буржуазной ограниченности, о непонимании, каким путем могла быть создана пролетарская партия на Украине при пестром национальном составе рабочих, не только в украинском городе, но местами и на селе. Мандат на монопольное представительство украинского пролетариата был плохим средством для того, чтобы придти к такой партии. По существу говоря, домогательства украинских соц.-дем. были

не чем иным, как попыткой украинской революционной интеллигенции установить смычку с селом через голову городского пролетариата, пользуясь им только, как средством для достижения своих целей.

Спилка после развала 1907 года не была восстановлена. Революционный подъем начался в городах, и к 1912 г. был еще не настолько силен, чтобы вызвать ответное движение на селе. Помимо этого, само село после революции 1905 г. значительно изменилось. Крестьянство под влиянием столыпинской реформы расслоилось, классовые противоречия обнаружились гораздо резче. Изменилось и положение внутри партии: оба крайних фланга, большевизм и меньшевизм, оказалось невозможным связать с помощью одной только доброй воли партийного болота и примиренцев. Воссоздание областной организации требовало систематической, кротовой работы и раньше всего—времени. Ход событий оборвал эту начинавшуюся работу и только через пять лет та смычка в борьбе городского и сельского пролетариата, которую пыталась установить Спилка, была осуществлена совершенно иным способом — путем общего выступления крестьянской армии и городского пролетариата против царя и капиталистического строя.

# ПРИЛОЖЕНИЯ

## Проект устава украинского союза Спилки РСДРП *).

*А. Положение украинского союза Спилки в партии и территория его деятельности.* Украинский союз — украинская Спилка есть областная организация РСДРП.

Примечание 1. В состав союза входят в данный момент все партийные организации, находящиеся в Подольской, Волынской, Киевской и Черниговской губерниях за исключением гор. Киева и Чернигова, уезды Полтавской губернии Каменской, Прилукский, Пирятинский и Переяславский, а также Гомельский уезд Минской губ.

Примечание 2. Окончательное определение границ территории откладывается до общей южной конференции, на которой будет рассматриваться вопрос организации всего юга.

Вся территория Спилки делится на ряд районов и местных районных организаций.

*Б. Центральные учреждения союза.* Высшим учреждением союза является съезд Спилки, созываемый Главным Комитетом не реже двух раз в год. Представительство на съезд определяется от каждых 50 членов союза.

Примечание. В экстренных случаях съезд может созываться вне очереди Главным Комитетом Спилки, если за созыв его выскажется не меньше половины районных комитетов по требованию не меньше половины членов союза.

Съезд союза избирает на полгода Главный Комитет Спилки пропорционально количеству районов. На обязанности Главного Комитета лежит общее руководство и контроль над всей деятельностью организаций в промежутках между съездами, распределение сил, техническое и литературное обслуживание местных организаций, а также сношения с ЦК и другими организациями. Главный Комитет рассылает ежемесячно отчеты о своей деятельности районным организациям и дает общий отчет съезду. Решения Главного Комитета обязательны для всех организаций и всех членов союза. Все члены Главного Комитета, за исключением трех, участвуют постоянно в местной работе одного из районов, имея решающий голос в районном комитете. Члены Главного Комитета съезжаются не реже двух раз в месяц для обсуждения очередных вопросов. Три члена Главного Комитета

*) Лето 1906 г.

пребывают постоянно в течение месяца в месте нахождения секретариата Главного Комитета и заведуют текущей работой Главного Комитета, а по истечении месяца уезжают в районы, передавая заведывание другим членам Для издания „Известий Союза“, популярной газеты и другой литературы учреждается лит. коллегия, которая представлена в Главном Комитете ответственным редактором, пользующимся правом решающего голоса в заседаниях Главного Комитета.

*В. Организация районная.* Во главе каждой районной организации стоит районный комитет, избираемый районной конференцией и пополняемый работниками из членов Главного Комитета. Районный комитет дает каждые две недели отчет о своей работе Главному Комитету и своим подрайонам и общий отчет районной конференции. Районные конференции созываются районным комитетом, обыкновенно, раз в два месяца с представительством по расчету 1 на 20 членов организации, но конференции могут быть созываемы и экстренно, если за это выскажется районный комитет и половина подрайонных комитетов, или же половина членов партии данного района. Каждый район делится на подрайоны, имеющие свои конференции и комитет.

Примечание 1. Подрайон может, в свою очередь, разделяться по условиям местности на две или несколько групп. В каждом подрайоне организация складывается из городских и сельских округов, имеющих свои комиссии для заведывания делами округа. При наличности в округе не больше 100 членов, комиссии образуются непосредственно из всех представителей от десятков, избираемых по возможности в общем собрании и потом входящих в состав десятков. При большем количестве членов, комиссии избираются на двухмесячный срок из числа представителей десятков, составляющих в таком случае коллектив округа. Коллектив собирается, по возможности, еженедельно и дает директивы комиссии, а также выслушивает ее отчеты. Общая конференция представителей от десятков городского и сельских округов избирает на два месяца подрайонный комитет. Все члены подрайона в каждом из округов и в каждой группе организуются в десятки, имеющие своего представителя. Десятки собираются не реже одного раза в неделю для выслушивания отчетов и обсуждения вопросов общеорганизационных и связанных с текущим моментом. Членом организации признается всякий, входящий в ячейку и удовлетворяющий второму пункту партийного устава.

Примечание 2. Членом партии должен быть всякий, признающий программу с.-д. партии, делающий денежные взносы и работающий под руководством какой-нибудь организации.

## Проект организации области украинского союза Спилки РСДРП.

1. В областную организацию входят губернии: Киевская, Подольская, Черниговская, Полтавская, гор. Киев и Харьковская губ., если произойдет слияние до съезда.

2. Область делится на 13 естественно слагающихся районов: 1) сквирско-васильковский, 2) южно-киевский, 3) подольский, 4) первый волынский, 5) второй волынский, 6) клинцовский, 7) конотопский, 8) глуховский, 9) южно-черниговский с городом Черниговом, 10) гомельский, 11) полтавский — город с уездом, 12) кременчугский с Крюковом и уездом, 13) роменский со всем уездом. Город Киев и Харьковский район вступают в Спилку, как полноправные районы.

3. Во главе областной организации стоит демократически избранный Главный Комитет, в районе — районный комитет (желательно сохранить старую терминологию, как наиболее простую).

4. Основной ячейкой партийной организации является сельская, заводская, городская, железнодорожная, цеховая, военная секция в 10—15 человек, с выборным представителем во главе.

5. Ряд секций объединяется в сельской, заводской, цеховой и т. д. соц.-дем. союз с выборным комитетом во главе.

6. Ряд союзов составляет район.

Примечание. Районом считается союз организаций, насчитывающий не менее 500 членов партии, платящих членский взнос и активно работающих; район меньший имеет совещательный голос.

7. Все члены Главного и районных комитетов выбираются соответствующими съездами: в Главный Комитет на один год, в районный комитет на полгода. Выбывшие заменяются кандидатами. Кооптация не допускается.

8. Число членов Главного Комитета, районных комитетов и союзных комитетов равняется числу районов, союзов или секций плюс необходимое количество работников для центральной работы.

Примечание. Число членов Главного Комитета в данном случае будет 13 плюс 3 (без Киева и Харькова).

9. Все члены Главного Комитета и районных комитетов работают в районах и съезжаются на периодические совещания: Главный Комитет — раз в месяц, районные комитеты — через две недели, после чего меняются районами и функциями.

10. Главный Комитет, районный комитет и союзный комитет приглашают на свои совещания и конференции представителей правлений профессиональных союзов, бирж труда, военных организаций и посылают к ним своих делегатов, в обоих случаях с правом совещательного голоса.

11. Главный Комитет издает общую литературу и областную газету, районные комитеты—литературу и газеты местные, под контролем ЦК партии.

12. Представители союзов и секций еженедельно являются в районный комитет для отчета о состоянии и деятельности своей организации и осведомления о деятельности других организаций партии.

13. Каждый член секции обязан организовать вокруг себя новую секцию, являясь в ней руководителем до полного ее оформления.

14. Все местные организации отчисляют в кассу соответствующих центров 15% месячного бюджета.

Примечание. Организация, не делающая обязательных отчислений в течение трех месяцев, считается вышедшей из союза.

Предлагая на обсуждение местных организаций этот проект, Главный Комитет считает нужным довести до сведения товарищей, что среди членов Главного Комитета существуют по этому поводу некоторые разногласия. Часть членов Главного Комитета высказывается за избрание всех членов в Главный Комитет и кандидатов к ним на общих съездах, другая часть—за делегирование членов в Главный Комитет от районных конференций. По их мнению, районы делегируют своих представителей в Главный Комитет. Районные комитеты съезжаются регулярно через две недели; в промежутках обязанности центра исполняет особая административно-техническая единица. Аргументация приблизительно такова: 1) И в том и в другом случае ни в количестве, ни в качестве работников Главный Комитет ничего не выигрывает, но могут оказаться районы, где подходящего кандидата не окажется, а для мебели, для декорации—посылать не стоит. При выборе на общих съездах у всех членов Главного Комитета будет беспристрастное и равное отношение ко всем районам, все вопросы отдельного района будут вырабатываться и решаться, исходя из общих интересов области. Работа в каждом районе будет вестись во имя общей областной работы. Благодаря совещаниям и перемещениям членов, Главный Комитет будет непосредственно знаком с положением дел и с особенностями всей области. Решения большинства Главного Комитета на совещаниях будут обязательны для неявившихся, чем обеспечивается общность тактики в области. При федеративном же устройстве Главного Комитета у его членов неизбежна большая заинтересованность в благополучии своего района, косвенная, т. е. очень слабая осведомленность о других районах. Привычка решать вопросы, исходя из интересов своего района, чем гарантируется неверность решения, развивает у отдельных лиц то, что называется „квасным патриотизмом“. Некоторые районы могут не

отпустить своего представителя в другой район или откажутся допустить к работе товарища из другого района, и тогда не будет непосредственной осведомленности и возможности правильно и целесообразно распределить силы. Решения совещания не обязательны для районов, не приславших своих делегатов. 2) Мнение сторонников районного представительства в Главном Комитете мотивируется, главным образом, легкостью делегирования, трудностью устраивать общие съезды, хорошей осведомленностью местных работников об условиях местной работы и несостоятельностью опасений против основ федеративного строительства Главного Комитета. Указывая еще раз на настоятельную потребность созыва съезда, Главный Комитет просит товарищей вспомнить о полученных ими прежде опросных листах и немедленно приступить к дружной работе по подготовке съезда.

С товарищеским приветом *Главный Комитет.*

19-18 — VII 1907.

---

## Российская соц.-дем. рабочая партия.

**Пролетарии всех стран, соединяйтесь**

### Письмо № 6, ко всем организациям украинского союза Спилки.

Дорогие товарищи! Центральным вопросом партийной работы в данный момент является, конечно, рекрутская кампания. К сожалению, мы до настоящего времени не могли снабдить местные организации соответствующей литературой и дать вполне определенные директивы. Объясняется это отчасти недостатком необходимых сил и средств, а главным образом — отсутствием определенного времени. ЦК партии, как известно, отказался дать свои директивы и представил решение этого вопроса исключительно на усмотрение местных организаций. Тем не менее, Главный Комитет Спилки раньше нашел возможным высказаться за отказ давать рекрутов. Рекомендуя этот лозунг, мы исходили прежде из настроения различных слоев населения в думский и ближайший последумский период. Далее мы учитывали, в частности, настроение крестьянства в районе деятельности Спилки. Оно, это настроение, казалось нам, благоприятствовало такой тактике. Поэтому мы полагали, что массовый отказ возможен и что он послужит импульсом к новому массовому подъему, особенно важному накануне созыва Думы; но рекомендуя этот лозунг, мы менее всего думали о частичных выступлениях. Доминирующим лозунгом остается и оставалось, конечно, требование Учредительного Собрания. Теперь политическая ситуация несколько

изменилась. По сведениям, идущим от партийных организаций, проведение отказа возможно только в нескольких уездах двух-трех губерний.

Центральные органы партии (по крайней мере ЦО) высказались за то, чтобы давать рекрутов, мотивируя это тем, что отказ поведет к разрозненным выступлениям. Они вполне основательно заявляют далее, что набор этого года сыграет громадную роль в революционном движении, так как сдеморализует армию, конечно, с правительственной точки зрения. Как ни относиться к таким заявлениям, следует во всяком случае признать, что при отсутствии обязательной партийной тактики по данному вопросу различное понимание его разными партиями поведет к раздроблению революционных сил и разброду в тактике, против чего прямо таки кричит весь опыт предыдущей революционной работы. Следует принять во внимание также и то обстоятельство, что набор будет произведен не одновременно и что прежние призывные пункты правительство разобьет на более мелкие, наконец, оно грозит военно-полевыми судами. Все это в высшей степени усложняет техническую сторону отказа. Вот те мотивы, по которым Главный Комитет Спилки на последнем своем собрании единогласно решил отказаться от рекомендуемого им раньше лозунга. С другой стороны, допустить, чтобы рекрутская кампания прошла мимо нас, было бы, безусловно, политическим преступлением. Все, что у рекрутской кампании можно взять, необходимо взять полностью. Поэтому необходимо повести среди рекрутов письменную агитацию. Для этой цели. Главный Комитет Спилки постарается снабдить местные организации соответствующими листками, конечно, в таком количестве, какое оно в такое короткое время и при отсутствии собственной техники сможет заготовить. Далее необходимо еще до набора провести массовки среди рекрутов, агитируя за то, чтобы они, идя в солдаты и получив оружие, подняли бы его не против народа, а за народ. Наконец, следует звать всех крестьян всех сел на призывные пункты, и здесь устраивать общие митинги и манифестации. Желательно было бы, чтобы здесь рекруты поклялись перед всем народом в том, что они не будут стрелять в народ. Энергичное проведение такой кампании, думается нам, значительно сблизило бы, новобранцев, будущих солдат, с народом и способствовало бы, таким образом, революционизированию армии — этой главной опоры самодержавного режима.

С товарищеским приветом *Гл. Ком. Спилки.*

1 октября 1906 года.

## Российская соц.-дем. рабочая партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

### ЧТО ДЕЛАТЬ СЕЙЧАС С.-Д. В ДЕРЕВНЕ?

**Письмо ко всем спилковским и бундовским организациям от волынского объединенного избирательного бюро РСДРП.**

Товарищи! Всем вам должно быть вполне ясно, какое громадное значение имеет для успешного хода всей избирательной кампании на Волыни настроение выборщиков от крестьян. Если последние будут революционны и хотя сколько-нибудь сознательны, тогда с.-д. легко смогут сплотить их вокруг себя и, войдя в соглашение с либералами, провести в Думу не менее 2/3 депутатов крайних левых. Если пройдут реакционные и темные крестьяне, тогда торжество реакции, по примеру прошлого года, обеспечено. Итак, вопрос, над которым бьются сейчас и ломают копья наши доморощенные либералы, „Дергрейхеры" и проч., опасаясь опять остаться ни с чем, вопрос, который кажется сионистам неразрешимым и толкает их уже теперь к измене народу во имя национальных интересов (проповедь Жаботинского о блоке с помещиками), — вопрос этот имеет и для нас, революционеров, крупнейшее значение. От него зависит, подорвем ли мы навсегда влияние реакции на Волыни, и, вместо нее, подчиним широкие массы своему влиянию и втянем их в водоворот революции, водрузив над Волынью свое с.-д. знамя. От этого зависит, очутится ли в Думе десяток реакционеров или же усилится тем же десятком ее революционное ядро. Вывод ясен — мы должны приложить все усилия, чтобы порасшевелить своей агитацией всю сельскую массу, выясняя ей ее насущные нужды и единственный путь к их удовлетворению, раскрывая истинных врагов, союзников и друзей. Развивая нашу с.-д. программу, мы должны сконцентрировать все недовольство, всю накопившуюся революционную энергию села и его внимание на избирательной борьбе, на искоренении черной сотни, проведении выборщиками лучших крестьян, людей — борцов за землю и волю, и на организации в процессе выборов широких сельских масс.

Здесь перемешиваются задачи с.-д. с демократическими, но это не должно нас смущать. Еще старый борец Либкнехт сказал, что мы никогда не должны забывать, что мы демократы. И здесь, на Волыни, где в большинстве уездов не выделился слой сельского пролетариата, где капиталист в деревне делает лишь первые шаги и борьба в деревне носит мелко-буржуазный характер, — эти демократические задачи преобладают. Лишь на юго-западе процесс начинает уже определяться, и уже пролетарская борьба начинает заглушать все остальное, сдвигая с основ буржуазное здание, перестраивая крестьянское мышление на новый лад и создавая

прочную базу для социал-демократии. Процесс этот быстро идет, и на место земли встает 8-часовой рабочий день, высокая плата, на место разрушения — забастовочная борьба. Все это надо помнить и выяснить себе в деталях на месте, чтобы не делать промахов, чтобы быть понятым и идти впереди движения. Но работать надо везде, каковы бы ни были экономические отношения, на каком бы уровне ни было сознание,— к этому нас призывает революция и дело победы демократии, и то, что эта победа проложит путь к социализму.

Как же практически приступить у делу и какие преследовать при этом задачи? Прежде всего несколько слов об этом последнем. Одной из самых важных наших задач является в селах наряду с широкими демократическими организациями еще организация определенных с.-д. ячеек (комитетов, союзов и проч.), через которые мы могли бы влиять на всю массу, вести свою пропаганду и откалывать к нашей партии все могущие стать на пролетарскую точку зрения элементы (сельскую бедноту). И мы не должны этого забывать, это наша основная работа. Ячейки эти легко создать из нескольких сознательных людей, на первое время даже не с.-д., лишь сочувствующих. Ведя с ними беседы и снабжая это ядро библиотечкой, не трудно уже образовать нечто более цельное; впрочем оно само образуется путем естественного отбора. Здесь надо указать на громаднейшее значение в сельской работе самодеятельности членов сельских организаций. На выработку ее должны быть направлены все усилия, без нее нельзя шагу ступить, с ней можно творить чудеса, например, одному работнику вести работу в целом уезде. К счастью, надо сказать, что наши товарищи сельские рабочие и крестьяне, которые стали сознательными и примкнули к организации, обыкновенно, относятся к делу чрезвычайно серьезно и начинают со всем знанием и преданностью вести дальше работу. Но все-таки для большей успешности нужны постоянные импульсы, нужно тоже как-нибудь расширить горизонт мышления, даже чисто практического, надо влить уверенность в мощность революции, в широту подъема масс. Все это достигается устройством сельских конференций, на которых крестьяне, обсуждая в более широком масштабе все вопросы, выходят из скорлупы своего села, начинают смотреть на все шире, приобретают руководительский опыт и вместе с тем, видя своими глазами рост организации и движения, начинают чувствовать себя не столь одинокими, заброшенными в глуши, в них крепнет вера в торжество своего дела. Эти же конференции, и только они, дают возможность одному человеку обслуживать громадный район. Это — общие указания по сельской работе, основанные на опыте работы Спилки. Это вносит в среду сельских рабочих самосознание, не говоря уже

о том, что этого требуют интересы устойчивой борьбы рабочих. Думаем, что эти краткие указания пригодятся товарищам которые теперь пойдут в села.

Переходим к вопросу об избирательной кампании. Центром ее в деревне должны явиться перевыборы сельских сходов Желательно, чтобы всякий сельский работник запасся указом 11-XII, в котором статья 13 отдела дает право крестьянам делать (могут и не делать) такие перевыборы уполномоченных — по одному на 10 дворов — от сельских обществ на волостной сход. Можем указать на брошюру Лазаревского „Законы о выборах в Госуд. Думу“ ц. 25 коп.. Эти перевыборы имеют двоякое значение. Во первых, волостные сходы избраны в большинстве случаев очень давно, очень часто из более богатых крестьян и состав их не соответствует настроению масс. Перевыборы схода обеспечат во многих случаях избрание революционно настроенных выборщиков. Но это не все. Самое главное это то, что в этом случае в выборах будет участвовать не один только волостной сход, а все село, и это даст нам возможность заставлять всю сельскую массу выдвинуть перед нами ряд животрепещущих вопросов, ознакомить их с рабочей партией и задачами пролетариата, с нашим взглядом на роль Думы и роль народа; это даст нам возможность раскрыть перед массами картину прошлых выборов, избрание в Думу Потоцкого и проч. и, в результате, сплотить всю сельскую бедноту в демократическую организацию (находящуюся под нашим влиянием) через с.-д. ячейку вокруг „сельского избирательного комитета“ и дать потом уполномоченным на волостной сход соответственный наказ.

При широкой агитации возможно образование в большинстве сел каждой местности сельских комитетов, сплочение их в один волостной комитет, потом образование из выборных волостных комитетов уездного комитета и, наконец, установление прочной связи этих широких массовых организаций с депутатами и нашей думской фракцией. К созданию такой опоры в массах мы и должны всеми силами стремиться, этого требует дальнейший успех революции, возможность осуществления захвата власти на местах народом и в Петербурге думским революционным ядром. Но мы, конечно, не можем даже мечтать о доведении этого организационного здания до конца нашими скудными силами в такой короткий промежуток времени. Надо только идти по этой линии, что сделаем, будет хорошо, остальное доделаем и после избрания выборщиков и тогда, когда соберется Дума. Но есть все-таки минимум нашей работы в деревне. Этот минимум сводится к следующему: заводя связи по всем волостям уезда, следить за ходом выборов от волостей, связываться до выборов с возможными кандидатами в уполномоченные и после выборов

с переизбранными уполномоченными, стараясь распропагандировать их и подготовить к дальнейшим стадиям выборов; тоже самое сделать с выборщиками от уездных сходов крестьян, направляя их в губернские избирательные с.-д. бюро. Само собой понятно, что при этом необходимо позаботиться самой организации о самом широком распространении листков в селах, на базарах, в церквах, вагонах и т. д., а также о постановке продажи легальных брошюр и готовых библиотечек. Таковы наши задачи и общие цели проведения выборов в деревне. И мы настоятельно рекомендуем всем с.-д. организациям Волынской губернии немедленно приступить к их осуществлению. Мы думаем, что интересы дела требуют выделения для этого особых сил, напр., из местных рабочих, быть может, при условии возмещения урона за прогульные дни. Нити и ходы в селе везде есть, их дадут заводские рабочие, учителя и т. д., надо только хорошенько обозначить общий ход работы, распределить силы с наибольшей экономией, использовать все, что только возможно. Спешите же, товарищи, использовать дорогое время и помните, что очень много зависит от вашей энергии, от того, исполните ли вы хотя минимум, указанный в нашем письме. Пролетариат всей России ждет от вас исполнения этой задачи.

*Волынское Объединенное Избирательное Бюро РСДРП.*
10-XII 1906 г.

## Письмо № 10.

**Ко всем организациям украинского союза Спилки.**

Дорогие товарищи! 6 и 7/XI состоялась дружная толково поработавшая конференция с.-д. организации нашей партии Полтавской губернии. Дан подробный отчет о работе и избирательных надеждах по всем городам к уездам, кроме двух; приняты во внимание мнения других социалистических организаций. Выяснилось, что по крестьянской курии можно серьезно надеяться на избрание наших кандидатов по Лохвицкому Пирятинскому, Полтавскому, Золотоношскому и Роменскому уездам; кандидатов с.-р. по Гадячскому и Лубенскому, независимых украинских с.-д. по Прилукскому и еще одному: всех уездов 15. В Константиноградском и Кобелякском, во всяком случае, будут хорошо настроенные, сочувствующие нам. Таким образом можно надеяться, что при соглашении между собой всех социалистов, для чего в Полтаве уже учреждено информационное бюро всех социалистических организаций, депутаты Думы от крестьян пройдут наши. Рабочая курия, как выяснилось, также обеспечена за партией. По отношению к кадетам и равноправцам совещание приняло предложенную мною, как делегатом Главного Комитета, резолюцию Спилки,

отвергающую заключение с ними избирательного блока, т. е. выставление общих избирательных требований, и признающую техническое соглашение, т. е. раздел с ними мест там, где иначе нельзя провести наших кандидатов. Условия, какие будут ставить Главный Комитет при переговорах: проведение от каждой губернии не менее одного рабочего, по избранию самих рабочих выборщиков, и избрание в Думу не меньшего количества с.-д. депутатов, чем будет причитаться с.-д. по числу губернских выборщиков, какие подпишут нам список кандидатов. По Полтавской губернии конференция определила, что все социалисты имеют возможность и право получить из 49 мест губернских выборщиков от городов 18, а, может быть, даже 20 мест. Местным организациям поручено в этом смысле снестись с другими партиями. Главный Комитет имеет в виду при предстоящих переговорах окончательное утверждение соглашений, когда дойдет до этого дело. По землевладельческой курии возможна победа кадетов в Миргородском и Переяславском уездах, а, может быть, при соглашении с мелкими владельцами еще в одном. В противном случае блок октябристов и правых монархистов может овладеть большинством в губернском избирательном собрании. Далее, конференция приняла избирательную платформу, выработанную Главным Комитетом, пополнив ее местным самоуправлением, и постановила напечатать ее для Полтавской губернии собственными средствами. Конференция рассмотрела и предложила местным организациям для руководства ряд практических мер для проведения выборной кампании на местах, предложенных Главным Комитетом и частью напечатанных в письме девятом, дополнив их необходимостью отмечать важнейшие случаи нарушений выборных правил начальством для обжалования впоследствии выборов в Государственную Думу и для назначения ею новых выборов. Наконец, конференция единогласно приняла предложение мое о вступлении полтавского губернского союза, полтавского и кременчугского комитетов в состав Спилки, как областного украинского союза нашей партии, выработала и приняла устав вступления и избрала от Полтавской губернии на время до общеукраинской конференции двух членов в Главный Комитет, из которых один должен жить в Полтавской губернии и входить в исполнительную комиссию губернского союза. При этом установлено, что полтавская и кременчугская городские организации, входящие в губернский союз на общих основаниях, на партийный съезд выбирают делегатов отдельно. Главный Комитет сообщает, что по его предложению устроено и работает в Киеве, помимо избирательного бюро содействия партии из легальных товарищей, еще информационное областное социалистическое бюро всех социалистических организаций. В него входит по одному представителю от областных центров Спилки, Бунда

и украинских с.-д. с.-р. сионистов-социалистов, еврейских социалистов и киевского комитета партии. Задачи областного инф. соц. бюро: 1) Выяснить отношение всех социалистических организаций к выборам: их взгляд на соглашение между собой и отношение к буржуазным оппозиционным партиям и группам; 2) выяснить фактическое положение дел на местах, возможность проведения социалистических кандидатов от городов и уездов (от крестьян) и желательное распределение мест между собой и с оппозиционными партиями и группами, переговоры с которыми от имени всех социалистов могут дать большие результаты, чем разрозненное выступление отдельных социалистических организаций. Как бы ни существенны были разногласия между самими социалистами по отдельным вопросам, от буржуазной оппозиции их отделяет целая бездна; перед ее лицом весь социалистический лагерь должен предстать сплоченным и сговорившимся.

Образование таких же местных информационных бюро необходимо по всем городам, и заключения их немедленно должны пересылаться в Главный Комитет, который берет на себя представлять их областному информ. соц. бюро. Еще раз просим поторопиться ответом, насколько он возможен, на вопросы писем седьмого и восьмого и сообщить, что сделано или может быть сделано из указаний письма девятого. Пока информац. соц. бюро (в область ведения которого, по взаимному соглашению партии, признаны входящими губернии: Волынская, Подольская, Черниговская, Киевская и Полтавская) выяснило следующее: все партии признают желательным избирательное соглашение всех социалистов и составление общих социалистических списков при сохранении каждой полностью своих особенных взглядов, поскольку они имеются, и программных требований. Все организации признают нужным участие в выборах, но при этом представитель партии с.-р. заявил, что у них этот вопрос окончательно будет решен лишь в половине ноября на общерусском съезде с.-р. и что местные с.-р. за выборы. Партия сионистов-социалистов и партия еврейских социалистов сообщили, что у них уже было принято решение поддерживать с.-д. и других социалистов, и также обсуждался вопрос о соглашении для раздела мест с буржуазной оппозицией. Из обмена сведений по Киевской губернии, основанных на отчетах организаций и данных состоявшихся в последние две недели конференции и специальных объездов, выяснилось, что из 71 места губернских выборщиков от городов Киевской губернии на долю всех социалистов приходится приблизительно 30.

Что касается города Киева, выбирающего особого депутата в Думу, то выяснено, что на Подоле (9 выб.) и в Плосском уч. (11 выб.) может пройти социалист даже против кадетов и правых. И далее, что в Лыбедском (15 выб.) и Лукьяновском

(12 выб.) участках при выставлении полного социалистического списка кадеты во всяком случае провалятся, а пройдет или блок социалистов, или блок октябристов и монархистов,— скорее последнее. Всех выборщиков по Киеву 30 и 3 рабочих, обеспеченных за с.-д. В виду таких данных, киевский комитет партии принял предложение Спилки заключать всякие соглашения по г. Киеву лишь по общему согласию с Главным Комитетом, чтобы можно было киевские условия учесть для соглашения по губернии. Сообщая обо всем этом, Главный Комитет просит товарищей быть щедрее на письма, так как без частых сношений нельзя теперь вовсе жить и работать. Примите за правило писать не реже раза в неделю обо всем, что вам известно и что вы делаете. Еще Главный Комитет устраивает агитаторские курсы на 10 человек по такой программе: 1) Избирательная кампания; 2) Аграрный вопрос; 3) Учредительное Собрание и политические права; 4) Политическое положение и роль второй Думы; 5) Программа минимум и максимум; 6) Пробные дискуссии с к.-д. и с.-р. К сожалению, пока нет и не предвидится денег для рассылки этих агитаторов; местные организации совсем не присылают. Постараемся для связи между всеми товарищами издавать легальный еженедельник с 1-XII вместе с Бундом, который теперь присутствует в Главном Комитете и товарищески взялся напечатать бесплатно в своих техниках 25.000 наших избирательных платформ для крестьян. Кроме того, они печатаются в наших техниках, в Подольской, Черниговской, Полтавской, Киевской губерниях; заказано больше 100.000 экземпляров вне нашей области, пока не доставленных. Сообщите, сколько на ваш уезд для крестьян необходимо штук вообще и в крайнем случае, т. е., если их вообще будет мало,— что значит 150.000 для 5 губерний. Наконец, просим держать адреса зашифрованными или хотя записанными условно. Например, вместо „Мария“, пишите „знакомая из Харькова“, если у записывающего есть какая-нибудь одноименная знакомая, и т. п., к номерам домов прибавляйте по 5, к номерам квартир — по 4 (только, конечно, на эти именно цифры) и т. п. Настаиваем на этом решительно; были провалы из-за непозволительного обращения с адресами.

С тов. приветом Уполномоч. Главного Комитета *Ю. Ларин.*

Киев, 8-XI-906 г.

## Наказ депутату В. Г. Сахно.

Мы, крестьяне Сквирского уезда Киевской губ., сельским сходом постановили: нижеследующий наказ вручить депутату нашему, крестьянину с. Дедовщины, Сквирского уезда Василию

Григорьевичу Сахно, дабы он (депутат В. Сахно) знал, чего добиваться в Гос. Думе для всего русского народа.

**Наказ.**

1. Все должны пользоваться равными во всем правами: полная свобода союзов, собраний, веры, слова, печати, стачек (забастовок), отмена паспортов, неприкосновенность личности.

2. Вся земля должна быть отобрана без всякого выкупа от помещиков, казны, уделов, монастырей и пр. в распоряжение народных выборных. Только земли мелких владельцев и крестьян останутся у них попрежнему. В каждой местности вся отобранная земля будет раздаваться в пользование крестьянам и находиться под управлением или наблюдением выборных, по решению самого местного населения.

3. Каждый народ должен быть свободен распоряжаться своей судьбой. Родной язык в школах, судах, в местном управлении и других учреждениях.

4. 8-часовой рабочий день, выборная инспекция, запрещение сверхурочных работ.

5. Бесплатное всеобщее обучение детей. Государственная помощь безработным и голодающим. Страхование от болезней, пенсия от государства всем старым людям, вместо теперешних расходов на полицию, шпионов, стражников и солдат.

6. Подоходный налог.

7. Всеобщее народное ополчение с раздачей оружия на дом, вместо постоянного войска

8. Подчинение полиции выборным от жителей; судьи должны выбираться самим народом. Все начальство должно быть выборное и ответственное перед народом.

9. Все потерпевшие в борьбе за народ должны быть освобождены из тюрем, ссылок, каторги и восстановлены во всех своих правах. Все враги народа, приказывавшие убивать и разорять народ, должны подвергнуться народному суду. Государственная Дума должна иметь всегда полные права. Министерства с поповского благословения не слушают теперешней Думы. Теперешняя Дума несправедливо подчиняется Гос. Совету из панов, чиновников и попов. Теперешний закон о выборах никуда не годится, потому что голос одного помещика считается равным голосу 300 крестьян или рабочих. Все это должно быть уничтожено и отменено. Все министры должны избираться только Государственной Думой и должны отвечать перед ней (перед Думой). Решения Думы не должны нуждаться в утверждении министров. Все выборы должны производиться всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всех жителей России, которые достигли 20 лет, без различия пола, нации, звания и состояния.

## Наказ депутату И. А. Гуменко.

### От рабочих Черкасского сахаро-рафинадного завода.

Трудная и ответственная задача выпала на вашу долю, дорогой товарищ, Иван Антонович! Вас посылает народ в Гос. Думу, где вы должны будете выполнить его волю, его наказ. А его воля, его наказ хорошо известны всем, а особенно вам, как рабочему. Вы хорошо знаете, что рабочие исстрадались под тяжелым гнетом правительства и богачей хозяев, что тысячи безработных выброшены на улицу и умирают от лишений и нужды, что миллионы крестьян пухнут от голода, замерзают в нетопленных избах и до сих не получили земли, что тюрьмы, каторга и ссылка переполнены нашими лучшими людьми, что казни, пытки и избиения продолжаются. Не забывайте же этого, товарищ, ни на одну минуту и стойко, до последнего, отстаивайте следующие требования, за которые крепко стоят все рабочие и все крестьянство; 1) Полная, без всяких исключений, амнистия для всех борцов за свободу. 2) Немедленная отмена смертной казни, военно-полевых судов, военного, чрезвычайного и пр. положений. 3) Немедленная отставка и предание суду министров и прочих чиновников, виновных в преступлениях против народа. 4) Неограниченная свобода слова, печати, собраний, союзов, стачек и совести, полная неприкосновенность личности и жилища. 5) Отмена вероисповедных, национальных и всех других ограничений. 6) Всеобщее обучение, которое должно быть бесплатно на счет государства. 7) Выборность и ответственность всех должностных лиц перед народом. 8) Всеобщее, прямое, равное и тайное голосование при всех выборах. 9) Отмена всех существующих прямых и косвенных налогов и введение, взамен их, налога на доходы, причем налог этот должен распределяться так, что получающие больше должны и больше платить, неимущие же должны быть совсем освобождены от налогов. 10) Разоружение постоянной армии и вооружение всего народа. 11) Введение законодальным путем во всех предприятиях 8-часового рабочего дня. 12) Отмена сверхурочных работ и детского труда. 13) Обязательное страхование рабочих за счет государства. 14) Законодательная охрана труда. 15) Организация общественных работ для безработных. 16) Бесплатное отчуждение всех земель в пользу народа. В осуществлении этих требований нуждается весь многомиллионный русский народ, и только добившись их, народ сможет устроить жизнь всех так, чтобы не было бедности, темноты и неправды.

Наказ подписали 319 рабочих.

**От украинского союза Спилки Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.**

Кого выбирать в Государственную Думу?

Жители деревень. товарищи сельские рабочие и крестьяне! Назначены выборы в новую Государственную Думу. Не исполнять ее решений царю и всему правительству будет труднее, чем было с первой Думой. Теперь весь народ после разгона первой Думы стал больше понимать. Поэтому на одних обещаниях и отговорках не помиримся. Теперь из старых солдат, готовых стрелять в народ, целая треть уходит в запас; эти сыны наши последние два года были заперты в казармах, как старые солдаты. Они не были с нами и не видели всю неправду начальства и помещиков. Они клялись нам в солдатах защищать народ, а не стрелять в него. Когда теперь правительство не исполнит решений Думы, оно может быть, уж вовсе не сможет распустить ее. Думу тогда поддержит силой весь народ и многие из солдат. Дума тогда, может быть, сможет распустить само правительство, отдать под суд народный всех наших врагов, и ввести те перемены, которых требуют теперь рабочие и крестьяне. Если же не во время этой второй Думы, то во время третьей, во время борьбы ее с правительством, уже верно удастся победить помещиков и правительство и заставить их силой, если не хотели добром, подчиниться воле народа. Для этого вторая Дума должна открыть ей дорогу. Она должна выяснить, что нам нужно привлечь на сторону нашей правды сердца всех темных и не знающих ее людей, которые идут против своих братьев.

Товарищи сельские рабочие и крестьяне! От того, кто будет выбран теперь в Думу, зависит, когда мы получим землю и волю. Братья крестьяне, стойте крепко, не поддавайтесь начальству, не выбирайте покорных слуг его. Мы, социал-демократическая рабочая партия, обращаемся ко всем с этим словом: вы знаете нас и знаете, кто вам друг и кто враг. Крестьяне! Кто учит вас, как уменьшить аренду, как увеличить заработную плату? Мы, социал-демократическая рабочая партия. Крестьяне! от кого вы слышали слова правды? От кого приходил в деревню свет и понимание? От помещиков-черносотенцев? От купцов-октябристов? От господ ли кадетов? Нет, от нас, от рабочей партии сила, правда и справедливость по полям и степям наших деревень. Вы знаете социал-демократическую рабочую партию, так как она всегда защищает сельских рабочих и крестьян, требуя все, что им нужно.

Почему же мы одни, социал-демократы, так крепко и твердо стоим за народное дело, за землю, за волю? Почему мы так верно знаем, что нужно рабочим и крестьянам? Это очень просто. Потому, что рабочая партия вам не чужая, так как она состоит из самих же рабочих и крестьян. Посмотрите

кругом, братья. Найдете ли вы хоть один городок, или местечко, где не было бы рабочего социал-демократа. Поглядите, братья! Много ли в нашей стране таких волостей, где нет вовсе крестьян социал-демократов? Нет, повсюду рассеяны наши братья-товарищи, и везде это самые сознательные передовые бойцы за народное дело. Другие же партии, кроме социалистических, как бы они ни назывались, состоят из панов, купцов да чиновников, и защищают интересы тех же богачей, а вам туманят глаза, стараясь обмануть, одни больше, другие меньше. Из всех партий только одна социал-демократическая лучше всех других знает жизнь рабочих и их нужды. Мы, Российская социал-демократическая рабочая партия, как и социал-демократы всего мира, желаем и требуем, чтобы не было на свете нужды и бедности, бесправия и невежества. Мы соединяемся в союзы, боремся и будем бороться, пока не добьемся всенародного блага—социализма. Всеми средствами производства, всеми предметами хозяйства тогда не будут распоряжаться отдельные личности для своей выгоды и наживы. Все это будет общей собственностью всего народа под общим правлением выборных от него. Вот для чего живет и работает наш союз—социал-демократическая рабочая партия. У нас мало еще сил, чтобы теперь потребовать больших перемен в пользу рабочего люда и всего народа. И мы потребуем их в Государственной Думе. Царь не услышит нас, но мы призовем народ взять силой эти перемены. Прямо и твердо нужно заявить всенародные нужды, смело открыть глаза всему народу и одураченным солдатам.

Товарищи сельские рабочие, жители сел и деревень! Знайте чего мы хотим, вот главные из наших требований. Их составили на всероссийском съезде выборные от социал-демократов всей России. Примите их во внимание, сельские рабочие и крестьяне. Выбирайте своими уполномоченными только тех, кто обещает их свято соблюдать и твердо отстаивать.

### Избирательные требования РСДРП.

1. Вся земля должна быть отобрана без всякого выкупа от казны, уделов, монастырей, всех помещиков и купцов. Только земля мелких владельцев и крестьян у них останется попрежнему.

2. Вся отобранная земля должна быть передана в каждом уезде, в каждой губернии в распоряжение всенародно выбранных. Мы будем бороться за то, чтобы земля, которая по определению местного населения необходима крестьянам для ведения их хозяйства, раздавалась народными выборными в их пользование. Земли же, какие обрабатываются и будут обрабатываться наемными рабочими, должны находиться под управлением и наблюдением народных выборных. Выборные должны защищать интересы рабочих, а доход

должны употреблять на народные нужды, как, например, на школы, больницы, дорогу и другие нужды.

3. Все теперешние прямые и косвенные налоги должны быть отменены, как несправедливые. Вместо них, каждый должен платить, смотря по его доходам, а люди с малым доходом должны быть вовсе освобождены от налогов.

4. Сельские рабочие, как и городские, должны работать по закону не больше 8 часов, и вся их жизнь должна быть улучшена согласно их требований. Они должны получить полную свободу союзов, собраний и стачек, как и все жители России. Должно быть введено бесплатное обучение всех детей до 16 лет, бесплатная врачебная и юридическая помощь, пенсия от государства всем старикам и нуждающимся.

5. Должно быть отменено постоянное войско, отделенное от народа стенами казармы и военной дисциплиной и всегда готовое напасть на народ. Вместо того должно быть заведено всеобщее народное ополчение с раздачей оружия на дом. Должен быть мир со всеми народами, потому что они ничего от нас не требуют.

6. Все должны пользоваться одинаковым правом, от крестьян до дворян. Каждый должен иметь право говорить и печатать без запрета, молиться и жить, где и как хочет. Полиция должна быть подчинена в каждой волости и уезде выборным от всех жителей, а не командовать над ними. Судьи должны выбираться самим народом, чтобы они действительно защищали народные права. Все начальство должно быть не из начальников, а все выборное, ответственное перед народом. Только тогда будет свобода и порядок в русской земле. Только тогда можно будет дальше свободно бороться за социализм без теперешних преследований. Государственная Дума должна иметь полные права, над ней не должно быть никакого Государственного Совета. Ее решения не должны нуждаться ни в чьем утверждении. Все министры должны выбираться Государственной Думой. Все ее члены — народные представители — должны выбираться всеми жителями России путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Теперешние законы о выборах, когда голос одного помещика считается равным тысяче голосов крестьян, должны быть отменены. Теперешней Думы министры с царского благословения не слушаются. Теперешняя Дума несправедливо подчинена Государственному Совету из дворян и чиновников. Теперь царь может не слушать Думу и не хочет даровать земли народу. Все это должно быть отменено. Пусть весь народ решает, нужен ли ему царь, который всегда защитник помещиков и пьет народную кровь. Для того, чтобы все это вырешить, Госуд. Дума должна постановить собрать полновластное Учредительное Собрание из выборных всего народа. Учредительное Собрание, это — полновластная Государственная

Дума, вместо теперешней, имеющей право только просить царя о согласии, а не решать самостоятельно. Учредительное Собрание, это — справедливо выбранная всем народом на равных правах Государственная Дума, а не теперешняя, избранная по царскому приказу с большим процентом любезных царю помещиков и богачей. Мы требуем созыва Учредительного Собрания, чтобы оно устроило наново все порядки в нашем отечестве.

Товарищи сельские рабочие и крестьяне! Вот главнейшие из наших требований. Так выбирайте же волостные сходы и депутатов в Думу только социал-демократов. Помните, что от вас зависит не дать правительству и помещикам обмануть вас и одурачить еще раз. Вспомните, что вы видели хорошего от правительства? — Ничего! Вспомните, кто всегда говорил вам правду, защищая вас, и выбирайте только тех крестьян, которые считают себя социал-демократами или признают наши требования.

*Главный Комитет украинского союза Спилки*
*Российск. Социал-Демократич. Рабочей Партии.*

---

## Украинский союз Спилка Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

### Товарищи сельские рабочие и крестьяне!

Наступает время тяжелых полевых работ. В эти страдные дни вы будете, не разгибая спины, работать с раннего утра до позднего вечера. Бросивши свои семьи, вы отправитесь на помещичьи поля, в экономии, и здесь под надзором панских прикащиков и под страхом потерять свой заработок — будете работать, не разгибая спины. За нищенскую плату сельские рабочие оставят на произвол свои семьи и продадут не только свой труд, но и свое человеческое достоинство. Вами будут помыкать и обращаться как со скотом. За ваш каторжный труд вам не заплатят даже столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду, так как знают, что на ваше место станет много таких же бедняков, как и вы, готовых всегда за ничтожную плату продать свою рабочую силу. Вы вспашете помещичьи поля, польете их своим потом, создадите для своих врагов-помещиков громадные богатства, наполните их амбары хлебом, но когда вы будете голодать, то ни одного зерна не получите из этих запасов, а чтобы сельские рабочие и крестьяне не вздумали добиваться лучшей жизни, помещики припасут на всякий случай стражников, таких же крестьян и рабочих, как и вы, только потерявших совесть и стыд или по нужде согласившихся на эту позорную службу. Да разве только стражников? Не их одних: по первому зову

капиталистов и помещиков правительство шлет солдат с ружьями и пулеметами. Что ему, правительству, крестьяне? Лишь бы помещики благоденствовали. Издало же оно закон, по которому сельских рабочих за забастовки сажают по тюрьмам! Значит, бьют и кричать не велят! Такова жизнь бедняка не только у нас, в нашем крае, но и по всей России.

Вот наступают полевые работы, и тысячи, десятки тысяч сельских рабочих и крестьян потянутся в далекие места за работой. В поисках работы они пройдут тысячи верст, измученные, голодные, они будут бродить как тени и искать, где бы им приложить свои свободные руки. Мы кормим паразитов не только тогда, когда работаем, но даже, когда голодаем. Ведь вот же умудрились товарищ министра Гурко и Лидваль нажить на нашем голоде около миллиона народных денег. Товарищи сельские рабочие и крестьяне! Каждый из нас не раз уже спрашивал себя: а где же правда? Когда конец всему этому? До каких пор мы будем гнуть наши спины? И многие из нас уже знают, кто наши враги и что с ними нужно бороться; но одного этого мало. Недостаточно знать, что нам плохо живется, нужно уметь и улучшить свою жизнь. Нужно не только соглашаться с тем, что нам без борьбы не обойтись, необходимо также знать, как мы должны бороться, почему так выходит, что небольшая кучка дармоедов угнетает весь народ.

Ведь мы работаем, но мы же и голодаем; мы поставляем войска, а это войско расстреливает нас; мы вносим большую часть налогов, и у нас же за недоимки продают последнюю лошадь.

Помещики, во главе с самодержавным правительством, властвуют над всеми потому, что за ними стоит организованная сила, готовая по первому призыву выступить на защиту этих угнетателей народа. Нужно, чтобы этой силе мы противопоставили свою силу рабочего союза. Необходимо, чтобы мы, сельские рабочие и бедняки-крестьяне, начали объединяться в широкие, крепкие союзы для борьбы со своими врагами — помещиками. Вот как мы должны бороться. Теперь наступают полевые работы. Нам придется вести борьбу во время запашек, жнив и при заключении арендных договоров; ко всему этому нужно быть готовыми. Поэтому необходимо сейчас же начать готовиться к борьбе во время полевых работ. Будем уже теперь сговариваться целыми селами и связывать одно с другим, будем собираться, обсуждать свои нужды и вырабатывать требования. Сговорившись и честно сплотившись, мы в самый разгар бросим работу, устроим забастовку и предъявим свои требования. Если мы дружно будем стоять все за одного и один за всех то никакая сила не сломит нас. Пусть нам даже придется голодать, мы все-таки должны стойко держаться, пока не удовлетворят наших требований, а для этого

нужно уже теперь образовывать стачечные кассы. Пусть каждый из нас дает в эту кассу сколько может, так как помощи нам неоткуда ждать; но одной борьбы за улучшение экономического положения мало.

Ведя борьбу с отдельными помещиками, наши товарищи, даже несознательные, скоро поймут, что необходимо подняться на борьбу со всем крепостническим строем — со всеми помещичьими порядками.

Почему у нас, например, особенно жестоко преследуются сельско-хозяйственные забастовки? Да именно потому, что правительство наше — те же помещики, и защищает оно интересы прежде всего помещичьего класса.

Организуясь для стачки, для борьбы с отдельными нашими угнетателями, мы этим самым будем готовиться к другому, гораздо большему, сражению — к борьбе с самим самодержавно-крепостническим строем. В самом деле, мы знаем, что когда сельские рабочие начинают борьбу со своими хозяевами и устраивают стачки, то против них посылают казаков и солдат, их расстреливают, сажают по тюрьмам.

Чтобы успешно бороться со своими угнетателями, рабочим необходимо объединиться в союзы, а им правительство запрещает это. Мы не можем свободно собираться и обсуждать свои нужды. Словом, у нас нет политических прав, политической свободы. Без права свободно говорить и писать, без права устраивать забастовки и союзы рабочему классу не добиться лучшей доли.

Необходимо, следовательно, бороться за то, чтобы народом правила не кучка чиновников во главе с самодержавным царем, а народные представители, выбранные на основе всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Мы должны бороться за Учредительное Собрание, выбранное всем народом. Это Собрание отменит несправедливые старые законы и введет новые, лучшие порядки.

Вот теперь собралась Государственная Дума. При выборах правительство помогало помещикам и мешало крестьянам и рабочим. Ее выбирал не весь народ, а только часть его. Поэтому Государственная Дума не выражает всех требований народных, а только часть их. Но правительство даже этих неполных требований не хочет удовлетворить, оно не хочет отдать крестьянам помещичьи земли даже за выкуп; оно не дает амнистии и не отменяет военно-полевых судов, правительство попрежнему без всякого отчета перед Думой тратит народные деньги. Значит, мы должны немедленно же сплотиться вокруг Думы и поддержать ее в ее борьбе с правительством, саму же Думу мы должны заставить повести борьбу за полновластное Учредительное Собрание, так как только оно может завести у нас такие порядки, какие нам нужны. Такая борьба за власть называется политической, а для этой борьбы

мы должны объединяться не в экономические союзы, а в политическую партию.

К какой же партии пристать нам, сельским рабочим и беднякам-крестьянам? Ведь у нас уже теперь есть много всяких партий, и каждая из них говорит, что она лучше всех защищает народные интересы. Для этого, товарищи, нужно помнить, что нам плохо живется не только потому, что у нас нет политической свободы, но также и потому, что у нас, как и во всем мире, земля фабрики, заводы — все богатства находятся в руках небольшой кучки людей, а все остальные работают на них. Нам нужно приставать к той партии, которая борется за передачу всех фабрик, заводов, земли в руки всего народа, т. е. к Российской социал-демократической рабочей партии. Эта партия — наша партия и борется она за светлое царство социализма, т. е. за такой порядок, где не будет частной собственности на землю, фабрики и заводы и следов не будет ни гнета, ни нужды. Социал-демократическая партия не думает объединить в своих рядах весь народ, она зовет под свое знамя только городских и сельских рабочих и бедняков крестьян, близких к рабочим, так как она знает, что не все стремятся к социализму и что многие будут бороться с ним. Мы видели и еще раз увидим во время полевых стачек, что даже у крестьян не у всех одинаковые интересы и поэтому нельзя всех объединить в одну партию. Поэтому мы, городские, сельские рабочие и бедняки-крестьяне, должны организоваться в свою особую социал-демократическую партию, так как бороться должны мы не только за улучшение теперешнего своего экономического положения, не только за политическую свободу, но и за социализм.

Товарищи сельские рабочие и крестьяне! Наступает тяжелая пора страдных работ. В эти дни мы будем тянуть каторжную лямку, но в эти же дни мы сможем показать всю свою силу. Объявив стачку, мы скажем: пришел и на нашу улицу праздник. Бодро, с верой в будущее и в свои силы, объявим войну нашим угнетателям-помещикам; но пусть никто из нас ни на одну минуту не забудет и про борьбу с правительством, которое поддерживает наших врагов. Было время, когда народ верил правительству; но когда его вместо хлеба накормили пулями, вместо дверей свободы открыли двери тюрем, на крик земли и воли дали ровно столко земли, сколько нужно для могилы — народ перестал верить. Да здравствует же стачка! Да здравствует Учредительное Собрание! Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРП.

*Главный Комитет украинского союза Спилки*
*Российск. Социал.-Демократич. Рабочей Партии.*

Типография Главн. Ком. Спилки — № 3, 30.000 экземп. 1907 г.

## Украинский союз Спилка РСДРП.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

### К рабочим на сахарных заводах.

Товарищи! Могучий поток рабочего движения широко разлился по всей России. Не было фабрики или завода, которые бы не бастовали и не предъявляли к хозяевам различных требований. Наибольшей силы это движение достигло осенью 1905 года, и перепуганные фабриканты и заводчики, не находя поддержки у струсившего и растерявшегося правительства, пошли на уступки. Боясь за свои фабрики, заводы и огромные барыши, хозяева вошли в соглашение с бастовавшими рабочими: увеличили заработную плату, сократили время работы и надавали много обещаний,—обещали обращаться с рабочими по-человечески, обещали улучшить жилища и пищу, обещали, что рабочие сами будут решать свои дела и не будут работать, как крепостные... „Казав пан, кожух дам, та й слово його тепле!"

Немного уступив и много наобещавши, хозяева затаили злобу против своих постоянных врагов—рабочих, потому что нет больших и непримиримейших врагов, как рабочие, которые работают почти задаром, лишь бы не умереть с голоду, и хозяева-капиталисты, которые ничего не делают, а живут, жиреют и богатеют их трудами. Затаили они злобу и решили при первом случае отобрать назад все, что пришлось уступить, и не исполнять своих обещаний. Как только очнулось от перепуга правительство, собрало все свои силы, то сейчас жестоко начало усмирять рабочих, напустило на них кучу всякого начальства, всяких дармоедов, завело военно-полевые суды, начало жечь целые села, расстреливать, вешать и пытать, переполнило все тюрьмы, каторгу и Сибирь смелыми борцами за лучшую жизнь для народа, за землю и волю. Оправилось правительство,—отошли от страха и хозяева. Смелее подняли они голову, решились выместить свою злобу против рабочих, победить их измором, голодом, и забрать в еще худшую кабалу. Когда заводы, фабрики стоят, то, конечно, хозяева теряют свои барыши, но рабочим приходится еще хуже, так как, кроме работы, им жить нечем. Поэтому хозяева, когда хотят заставить рабочих покориться, сами нарочно останавливают заводы и объявляют, что примут только тех, которые станут за более дешевую плату и будут им во всем покоряться, а тогда снова загребают еще большие барыши. При этом хозяева действуют дружно, образуют из себя компанию, союзы, общества, а рабочих стараются разъединять и ссорить между собой. И действительно, во многих городах России — в Москве, Баку, Лодзи и др. — хозяева сами закрывали фабрики, объявляли расчет и потом не принимали рабочих иначе, как на

прежних, а то еще и худших условиях. Везде им помогал их верный союзник — правительство, посылая на усмирение войска и полицию. Рабочие защищались упорно, как один человек, не становились на работу, переносили нужду, голод, но не уступали, и в некоторых местах, например, в Москве и Баку, им удалось победить. В других городах, например, в Лодзи, где они не действовали все заодно, где некоторые становились на работу, ссорились между собой, — там победили хозяева и заставили стать на работу на самых худших условиях. Вам, товарищи рабочие, на сахарных заводах также удалось кой-чего добиться, благодаря борьбе рабочих всей России за улучшение своей жизни. На многих заводах прибавили плату, на некоторых уменьшили время работы и даже завели три смены по 8 часов. Обещали вам еще очень и очень много, да только ничего не выполнили! Теперь, глядя на других хозяев, и сахарозаводчики стали смелее наступать на вас и не только не думают облегчить ваше положение, но хотят еще прижать так, чтобы вам жилось хуже, чем до забастовки. Для того, чтобы осилить рабочих и отобрать назад все, что уступили, хозяева сахарных заводов будут действовать дружно, согласно. Они устроили „Всероссийский союз сахарозаводчиков“ и обязались делать все, что постановит этот союз, для того, чтобы получать огромные барыши, а барыши будут такие потому, что они уговорились брать с покупателей очень высокую цену, а рабочим платить как можно меньше, драть с них две шкуры, а непокорных и смелых рабочих и совсем принимать не будут. Больше всего бесятся сахарозаводчики оттого, что на некоторых заводах пришлось сократить время работы и ввести три смены по 8 часов.

Почему так не любят и боятся хозяева 8-часового рабочего дня? Не потому вовсе, чтоб от этого были большие убытки для заводов. От каждого пуда сахару заводчик получает не меньше полтинника, а то и рубль барыша, а рабочим, трудами которых делается этот сахар, за каждый выработанный пуд приходится около 5 коп. Так, если бы и пришлось заплатить копейку, две или три с пуда больше, то хозяева от этого не обеднеют, очень еще много попадет в их ненасытную утробу, да и эту лишнюю копейку они заплатят не из своего кармана, а сдерут с покупателя. Боятся они 8-часового рабочего дня потому, что тогда рабочим будет жить лучше, и с ними труднее справиться. Чтобы завести на сахарных заводах работу на три смены по 8 часов — нужно прибавить людей. Теперь очень трудно бывает найти себе место, потому что рабочих больше, чем нужно, и приходится согласиться на самую низкую плату, лишь бы приняли в завод, а то без работы помрешь с голоду. А когда заведут три смены по 8 часов, то рабочих потребуется больше, легче будет найти себе место, не будет лишних людей, безработных,

которые сбивают цену, поэтому при 8-часовом дне заработки всегда больше и не приходится очень кланяться и просить заводское начальство, чтобы приняли на работу. А этого очень не любят хозяева-сахарозаводчики. Кроме того, когда человек работает только 8 часов, то у него остается время и для себя: приходит домой не очень утомленным и может с охотой съесть кусок хлеба, а то после 12-часовой работы и еда не идет в глотку, может выспаться вволю. Может для себя что-нибудь сделать по хозяйству, семье помочь. Может с женой поговорить, с детьми своими поиграть, а при 12-часовой работе он их не видит совсем, а когда выспится и отдохнет, может книжку почитать и с хорошими товарищами потолковать о том, как бы лучше свою жизнь устроить, вместе дружно стоять за правду, не давать себя в обиду. Тогда рабочий будет понимать, откуда идут все его несчастья, будет ясно видеть, кто его друзья и кто — враги. Такого рабочего не так легко согнуть в бараний рог, такой рабочий и потребует себе хорошей платы, и всякому начальству издеваться над собой не позволит, а этого всего больше боятся сахарозаводчики. Потому-то они и не хотят давать 8-часового дня, а там, где с перепугу уступили и завели три смены, там снова хотят забрать назад. Теперь, когда их верный друг и союзник — правительство набралось силы, чтобы душить народ, они думают заставить вас жить и работать, как им хочется: хотят, чтобы вы, товарищи, работали по 12 часов в сутки в страшной жаре и духоте, в грязи и сырости, на морозе и сквозняках, хотят, чтобы заводское начальство, продавшееся хозяину за лишний грош, стояло у вас над душой, подгоняло как скотину, ругало походя и не давало вам минуты передышки. Хотят, чтобы вы, почти задаром, за горький кусок хлеба отдавали им всю свою жизнь, силу, здоровье. Они хотят загонять вас в грязные и тесные казармы, где вы валяетесь на нарах вповалку в духоте и вони, где вам хуже, чем лошадям на заводской конюшне. Они хотят вас кормить впроголодь — сырым хлебом, тухлым мясом, всякой дрянью — лишь бы подешевле. Они надеются, что от всего этого вы будете темные, робкие, забитые, будете покорно подставлять спину, а они будут на вас ездить.

Так нет же, товарищи! Не будет этого! Дружно, как один человек, станем мы добывать для себя лучшую долю. Не дадим нашим злейшим врагам-хозяевам и их наемным слугам, всяким директорам и управляющим, издеваться над нами! Не позволим помыкать нами, как скотами, и заставлять впроголодь работать по 12 часов, для того, чтобы они пропивали да проедали наши кровь и пот, шатались по заграницам, строили себе дворцы да копили деньги.

Скоро начнется производство и пойдут заводы; пойдут потому, что явятся тысячи рабочих и начнут переделывать

бураки на сахар и рафинад. Без рабочих заводы не пойдут и одного часа. Пусть же тогда посмеют прибавить нам работы, убавить жалованье, или гонять хуже чем заводских волов и лошадей. Все, как один человек, бросим мы работу, и заводы станут. А бураки лежать не любят — их надо переделывать как можно скорее, а то они мерзнут, гниют, и сахар пропадает. Тогда хозяева будут сговорчивее, они не посмеют отобрать назад то, чего мы от них добились, а на каких заводах прежде не добились, на тех теперь должны будут сделать уступки, должны будут завести работу на три смены, должны будут прибавить жалованья, не посмеют гонять, как скотину. Но чтобы добиться себе лучшей доли, мало еще этого захотеть, мало подняться и требовать от хозяев уступок. Надо это сделать сообща, дружно, да чтоб и порядок был между нами, чтобы знали хорошо все, чего и как можно требовать, как твердо держаться против хозяев, чтобы не было между нами изменников, чтобы все слушались выбранных нами товарищей. Да и копейку не мешает припасти, на случай придется бастовать долго. Для этого всегда надо не только сговориться, объединиться, но еще и организоваться, т. е. собраться в товарищества, профессиональные союзы, которые устраиваются рабочими на разных фабриках, заводах и мастерских для того, чтобы сообща решать свои дела, помогать друг другу в беде, защищать против притеснения хозяев и добиваться лучшей доли. Нужно выбрать надежных товарищей, верных рабочему делу, которые бы заведывали делами в наших союзах, следили за тем, чтобы все действовали согласно, умели бы смело разговаривать со всяким начальством и собирали бы копейку на случай забастовки. Поэтому теперь же начинайте устраивать профессиональные союзы, товарищества, выбирайте заводские комитеты из надежных товарищей, которые не продадутся хозяевам и сумеют повести ваше дело. Рабочие сильны только тогда, когда они дружны, организованы, когда они действуют сообща, а не вразброд. Тогда и хозяева их боятся и идут на уступки. Итак, товарищи, объединяйтесь и организуйтесь. А придет осень, пойдут заводы — мы потягаемся с нашими врагами сахарозаводчиками, мы заставим их уступить, и не помогут им ни их богатства, ни их верный союзник — царское правительство против дружного натиска организованных рабочих!

*Главный Комитет украинского союза Спилки*
*Российск. Социал.-Демократич. Рабочей Партии.*

Типография Главн. Комитета Спилки Лист. 7. Печ. 50 тыс. экземпляров.

## Российская Соц.-Демократич. Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**От украинского союза Спилки Р. С.-Д. Рабочей Партии.**

### К сельским рабочим.

Товарищи сельские рабочие и крестьяне!

Трудное время переживает теперь вся Россия. Две Думы, завоеванные народом для облегчения его участи, разогнаны царским указом. Уступки, вырванные тяжелой забастовочной борьбой у помещиков, заводчиков и прочих пауков, отобраны ими обратно. И страшный гость — голод — стучится под окнами хаты рабочих семей. Стонет притиснутый со всех сторон рабочий люд и от нищеты да злобы поджигает имения, убивает стражников, пьет царскую настойку. Нет, товарищи! Не панские усадьбы и не отдельные стражники виноваты в народном горе. Первый и злейший наш враг — царское самодержавное правительство вкупе с помещиками, попами, заводчиками и всеми прочими выжималами-капиталистами. Скоро начнутся выборы в третью Думу. Ни первая, ни вторая Дума не дали народу того, что он требовал—земли и воли, не дали потому,что были бессильны, что не были поддержаны народом. Во второй Думе настоящие защитники—социал-демократы сделали попытку организовать народ для борьбы с правительством. Правительство больше всего испугалось этого—разогнало Думу, заключило в тюрьму депутатов социал-демократов и сейчас же издало новый избирательный закон, такой, чтобы в третью Думу уже не попал ни один защитник народных интересов, чтобы вся Дума состояла сплошь из помещиков, фабрикантов и богачей, а из рабочих и крестьян чтобы попали в Думу только такие, которые угодны панам и начальству, которые по темноте или корысти продали народное дело. Паны богатеи хотят быть полными хозяевами всей страны, хотят попрежнему сосать из народа последние соки, жить его потом. И царское правительство, которое в Думе открыто заявило, что ему выгоды кучки помещиков и купцов дороже чем пот и кровь 130 миллионов рабочих и крестьян; правительство, которое прямо заявило, что ни земли на воли оно не даст, это правительство сделает все, чтобы задавить свободный народ, чтобы силою держать власть в своих руках, чтобы не дать им ни земли, ни воли!

Теперь уже всем стало ясно, что добром, миром от такого правительства ничего не получишь, что если народ хочет получить землю, то он сначала должен *добыть себе волю*, а добыть волю он может только тогда, когда силою свергнет царское правительство, правительство панов и богачей!

Теперь народ не может уже ждать, чтобы сама Дума могла побороть правительство и добыть ему волю и землю, народ

должен ни на кого не надеяться, сам подняться на борьбу со своим злейшим врагом — панами, богачами, заводчиками и их верным слугой правительством. Боритесь с ними всюду. Они заставляют вас до кровавого пота гнуть спину на нивах и косовице, платят вам десятую часть того, что наживают сами. Бастуйте, заставьте их платить как можно больше. Они заставляют вас в дождь, слякоть, в грязь и стужу копать и возить бураки. Бастуйте, требуйте за это плату как можно выше. Без вашей работы бураки не приедут на завод.

Они на заводах заставляют вас в жаре и духоте, в настоящем пекле, мучиться по 12 часов в сутки, жить хуже скота, и все за самую низкую плату. Бастуйте, требуйте 8-часового рабочего дня, хороших жилищ, высокой платы. Но чтобы борьба принесла пользу, чтобы удары были верные и больные — нужно бороться дружно, сплоченно, а главное — организованно. Мы должны сейчас же заложить крепкие союзы с окружными селами, заводами и экономиями. Для руководства забастовками и делами союза мы должны сейчас же выбрать в каждом селе забастовочные комитеты и устроить забастовочные кассы. По горсти муки да пшена со двора — полсела прокормить можно. Вместо подачек панам на откармливание свиней за упокой умерших, надо делать взносы в забастовочные кассы. Забастовочные комитеты должны сейчас собраться на общий совет, на конференцию, сговориться между собою, послать ходоков в другие уезды и губернии и заключать со всеми союзы. Послать ходоков в голодающие губернии, чтобы оттуда поехала беднота к нам на вражду да на голодную работу. Забастовочные комитеты должны сейчас же газетами и другими способами оповестить, сколько у них экономий, сколько работы, сколько рабочих требуется, сколько не хватает или сколько лишних, какая плата и т. д. Забастовочные комитеты должны сейчас же выработать на общем собрании размер поденной платы, размер снопа, и от каждого снопа работать, и эти решения велеть опубликовать и дружно проводить в жизнь. Забастовочные комитеты должны поставить дело так, чтобы без их ведома ни один рабочий не мог быть принят на работу и не мог быть уволен от работы. Но забастовочные комитеты должны действовать разумно, осмотрительно и смело. Должны сперва обсудить хорошенько сами какие требования надо выставить и можно ли их добиться, можно ли рассчитывать на успех забастовки, а все это выяснивши, посоветоваться со всем союзом на сходке и тогда уже дружно, смело браться за дело. Перед нами еще уборка хлеба, молотьба, копка и возка бураков и др. работы, и к этому надо готовиться. Надо расширять и укреплять свои организации и кассы, надо укреплять связи с другими рабочими союзами и с рабочей социал-демократической партией, — словом, надо действовать, бороться, а не гнуть покорно свою шею

в панское ярмо. Невредно рабочему люду устраивать и общества потребителей и разные товарищества. Купцы подняли цены на товары, а если мы все, члены союза, сложимся, закупим оптом товары, устроим союзную лавку, будем продавать по дешевой цене свежий товар членам союза,— волей-неволей и купчина малость понизит цены у себя.

Но надо помнить, товарищи сельские рабочие и крестьяне,— наши союзы будут разгонять, наши лавки и кассы будут грабить, а нас самих будут упекать, куда макар телят не гонял. И до тех пор пока мы силою не добьемся политических прав устраивать союзы, забастовки, свободно говорить и писать о своих нуждах, издавать такие законы, какие нам нужны — до тех пор будет нам худо.

А чтобы иметь политические права, надо отобрать политическую власть у царя и попов и передать ее всему народу. Народ, вырвавши из рук правительства политическую власть, пошлет своих лучших представителей во всенародное Учредительное Собрание и установит для себя новые порядки, новые законы и устроит жизнь свою по новому, по хорошему!

Дружно же, товарищи, подымайтесь на борьбу! Организуйтесь, объединяйтесь, накопляйте силу — и победа будет за нами.

Да здравствует союз!

Да здравствует борьба!

Да здравствует всенародное Учредительное Собрание и лучшая новая жизнь!

*Главный Комитет Спилки.*

Типогр. Киевск. Ком РСДРП. печ. 10000 экземпляр.

---

## Протокол заседания Южной Конференции

(Состоялась 27 октября 1907 г. в Киеве).

Согласно письма ЦК, были приглашены на южно-руссскую конференцию и были представлены на ней от Екатеринослава два делегата с 1015 гол., из них делегат с 507 гол. арестован. Харьков — 762 гол., Луганск — 1070 гол. и Киев — 1235 гол., остальные же приглашенные — Одесса, Ростов на Дону, Елисаветград, Крымский союз и екатеринославская окружная организация не прислали своих делегатов. В виду этого конференцией был возбужден вопрос о законности наличного состава ее. Из представителей четырех южных организаций с 4084 гол. против 1070 — конференция признала себя в законном составе. Вслед за этим было заслушано заявление представителя Спилки, допущенного на заседание конференции по ходатайству Главного Комитета Спилки с совещательным голосом. В заявлении этом, внесенном от

имени Главного Комитета Спилки, указывалось, что ЦК было предложено организации Спилки, располагающей 4474 голосами, вместо требуемых для посылки делегата 5000 голосов, войти для этой цели в соглашение с северо-западным областным комитетом или с южной конференцией. Признавая для себя более удобным объединиться для этой цели с южной конференцией, представитель Спилки предложил конференции присоединить числящиеся за ним 4474 голоса к голосам, которыми располагала южная конференция (приблиз. 6282), для совместного выбора двух делегатов, причем один из них избирается в заседании конференции, другой же—на областной конференции Спилки, с зачетом голосов, поданных за него на южной конференции. Предложение это было принято конференцией 2504 голосами, при 1070 воздержавшихся, и представителю Спилки был предоставлен решающий голос. Затем конференция выработала следующий порядок дня: 1) проверка мандатов, 2) отчеты с мест, 3) порядок дня общероссийской конференции, 4) южная областная организация, 5) выбор делегатов и расход по организации конференции и посылке делегатов, 6) политические выступления в связи с открытием Думы и судом над фракциею, 7) инцидент с товарищем Плехановым.

Из всех перечисленных вопросов были рассмотрены и решены первый, второй, четвертый и седьмой. Что же касается порядка дня общероссийской конференции (пункт третий), то конференция успела рассмотреть лишь первый пункт этого порядка дня, т. е. вопрос о Государственной Думе и о тактике с.-д. фракции. После обсуждения этого вопроса была принята следующая резолюция большинством 7038 голосов против 1070.

„Третья Дума в целом по составу своему не может служить орудием борьбы народа с реакцией. При таких условиях деятельность парламентской фракции социал-демократии, исходя попрежнему из необходимости борьбы с реакцией и изолирования ее от оппозиции, но не предрешая, однако, невозможность в некоторых случаях частичной победы оппозиции в Думе, должна направляться: 1) в сторону разоблачения в глазах народа замыслов реакции в самой Думе и вне ее, 2) в сторону организации широких масс народа для этой борьбы и 3) в сторону развития и укрепления классовой организации рабочих на почве их повседневной экономической борьбы. Поэтому, выступая самостоятельно в Думе, как по законодательным, так и по всем другим вопросам, подвергая критике законопроекты всех других партий и групп и противополагая себя этим последним, как классовую партию пролетариата, социал-демократическая фракция, не входя в какие бы то ни было постоянные сношения ни с одной из существующих в Думе оппозиционных и революционных

партий, в это же время поддерживает оппозиционное выступление либеральной буржуазии всякий раз, когда это выступление, направляясь против думской и правительственной реакции, тем самым идет на пользу ближайшим политическим и экономическим интересам рабочего класса". Вопрос о южной областной организации был решен в утвердительном смысле, причем харьковской организации было поручено образовать временное техническое бюро, которое вырабатывает проект устава южного областного центра и рассылает его всем южным конференциям. Учет мнения всех организаций принадлежит харьковской организации.

Отношение к резолюции ЦК по поводу выступления Плеханова в „Товарище" было выражено заявлениями представителей организаций екатеринославской, харьковской, киевской о том, что они присоединяются к резолюции харьковских меньшевиков, напечатанной в „Товарище". При выборке делегатов были выставлены, согласно состоявшемуся постановлению конференции, два кандидата — один из числа членов конференции представитель киевской организации, другой — намечаемый областной конференцией Спилки. За первого из этих кандидатов подали свои голоса представители организаций харьковской, екатеринославской и Спилки, против — представитель луганской организации, что составляет 5792 голоса за и 1070 против, причем делегат киевской организации, располагавший 1235 голосами, воздержался от голосования. Таким образом, южная конференция признала своим делегатом на общероссийской конференции представителя киевской организации. Окончательное же избрание делегата Спилки произошло на областной конференции Спилки.

Уже после того, как конференция была закончена, в Киев приехал представитель елисаветградской организации, который, ознакомившись с протоколом конференции, заявил, что присоединяется к резолюции конференции о Гос. Думе и ко всем остальным ее постановлениям и подает свой голос (т. е. 500 елисаветградских организованных рабочих) за делегата, избранного на южной конференции.

Подписали:

Председатель Южной Конференции *Егор.*
Секретарь Южной Конференции *Лев.*

# ОГЛАВЛЕНИЕ.



## Приложения: